

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ЭКОНОМИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ РАН
CENTRAL ECONOMICS AND MATHEMATICS INSTITUTE RAS

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

RUSSIAN
ACADEMY OF SCIENCES

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ
ПРЕОБРАЗОВАНИЙ
В РОССИИ**

Сборник научных трудов

Выпуск 28

МОСКВА
2014

Теория и практика институциональных преобразований в России / Сборник научных трудов под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 28. – М.: ЦЭМИ РАН, 2014. – 172 с. (Рус., англ.)

Коллектив авторов: **Гогин А.А., Гргуревич Н., Делибашич М., Дементьев В.Е., Ерзнкян Б.А., Исаенко В.О., Качалов Р.М., Колесникова М.В., Лигновская Т.А., Мудрецов А.Ф., Нальгиев М.С., Наринян Н.Е., Рыбина М.Н., Сергушко С.В., Славянов А.С., Ульянова О.Ю., Draskovic M., Draskovic V., Yerznkyan B.**

Двадцать восьмой выпуск сборника включает два раздела: «Теоретические проблемы экономики и институциональных преобразований», «Прикладные проблемы и практика институциональных преобразований в России».

Ключевые слова: экономика и система социальных ценностей, экономическая методология, институциональные преобразования, институты, экономическое развитие, технологические изменения, экономические системы.

JEL коды: A13, B41, B52, F50, O00, P00.

Theory and Practice of Institutional Reforms in Russia / Collection of scientific works ed. by B.H. Yerznkyan. Issue 28. – Moscow, CEMI Russian Academy of Sciences, 2014. – 172 p. (Рус., Eng.)

The twenty eighth issue of the collection includes two sections: «Theoretical problems of economics and institutional reforms» and «Applied problems and practice of institutional reforms in Russia».

Keywords: relation of economics to social values, economic methodology, institutional transformation, institutions, economic development, technological change, economic systems.

JEL code: A13, B41, B52, F50, O00, P00.

Ответственный редактор – доктор экономических наук, профессор Б.А. Ерзнкян

Рецензенты: доктор экономических наук, профессор А.А. Зарнадзе
доктор экономических наук, профессор Ю.В. Овсиенко

ISBN 978-5-8211-0668-1

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Центральный экономико-математический институт РАН, 2014 г.

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENT

ОТ РЕДАКТОРА	3
FROM THE EDITOR.....	5
РАЗДЕЛ 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ.....	6
<i>Делибашич М., Гргуревич Н.</i> К моделированию институционального поведения	6
<i>Дементьев В.Е.</i> Ассоциации товаропроизводителей в сетевых структурах инновационного территориального развития.....	19
<i>Ерзнкян Б.А.</i> Экономические агенты в системе социальных структур и кодов	29
<i>Мудрецов А.Ф.</i> Перспективы устойчивого развития экономики России	47
<i>Гогин А.А.</i> Многофакторная модель экономического роста региона.....	61
<i>Сергушко С.В., Славянов А.С.</i> Проблемы инновационно-ориентированной модернизации институциональной системы государственного управления	68
<i>Исаенко В.О., Рыбина М.Н.</i> Тенденции институционализации распространения технологий в России	77
<i>Наринян Н.Е.</i> Структуралистское обоснование необходимости проектирования новой системы валютного регулирования	95
<i>Draskovic V., Yeznkyan B., Draskovic M.</i> Some Characteristics of the Institutional-Change-and- Innovation-Based Economic Development in the Countries in Transition.....	114
РАЗДЕЛ 2. ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПРАКТИКА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В РОССИИ	123
<i>Ульянова О.Ю.</i> Жилищный сектор города: проблемы институциональной модернизации.....	123
<i>Колесникова М.В.</i> Культурно-исторические предпосылки формирования городской социально- бытовой инфраструктуры в современной России.....	134
<i>Нальгиев М.С.</i> Социально-экономическая эффективность производства и развитие промышленности в Ингушетии	148
<i>Ерзнкян Б.А., Лигновская Т.А.</i> Вербальные и невербальные аспекты транзакции управления.....	156
<i>Качалов Р.М.</i> Размышления о религиозности Д.С. Львова.....	164
ЛИСТ АННОТАЦИЙ	166
ANNOTATION LIST.....	169
АВТОРЫ / AUTHORS	172

ОТ РЕДАКТОРА

28-й выпуск сборника продолжает тему институциональных преобразований и экономического развития, базируясь на трудах сотрудников ЦЭМИ РАН и дружественных ему институтов. В нем представлены два раздела – «Теоретические проблемы экономики и институциональных преобразований», «Прикладные проблемы и практика институциональных преобразований в России».

Раздел 1 открывается статьей *М.Делибашич и Н.Гргуревича*, посвященной подходам к моделированию институционального поведения как ограничения экономической рациональности и на базе использования разнородных показателей институционального развития. В центре внимания статьи *В.Е.Дементьева* – вопросы ассоциации производителей и сетевого эффекта инновационного территориального развития. В статье *Б.А.Ерзнкяна* исследуются вопросы поведения экономических агентов в контексте социальных структур и кодов. В статье *А.Ф.Мудрецова* освещаются перспективы устойчивого развития экономики России с концентрацией на проблемы экологии. Темой исследования в статье *А.А.Гогина* является многофакторная модель экономического роста региона. Институциональным проблемам инновационной модернизации государственного управления посвящена статья *С.В.Сергушко и А.С.Славянова*. Выявление тенденций институционализации технологической диффузии в России ведется в статье *В.О.Исаенко и М.Н.Рыбиной*. Необходимости формирования новой системы валютного регулирования посвящена статья *Н.Е.Наринян*. Завершается раздел англоязычной статьей *В.Драшковича, Б.Ерзнкяна и М.Драшковича*, посвященной необходимости проведения антикризисной экономической политики, основанной на инновациях и институциональных преобразованиях.

Раздел 2 открывается статьей *О.Ю.Ульяновой*, в которой рассматриваются проблемы институциональной модернизации жилищного сектора города такие, как: социальная инфраструктура, регион, инвестиции, государственно-частное партнерство. В статье *М.В.Колесниковой* представлены культурно-исторические предпосылки формирования российской городской инфраструктуры. В статье *М.С.Нальгиева* предметом исследования выступает социально-экономическая эффективность производственной системы Ингушетии. В статье *Б.А.Ерзнкяна и Т.А.Лигновской* рассмотрены вопросы, связанные с вербальными и невербальными аспектами управленческих трансакций. Завершается раздел статьей *Р.М.Качалова*, в которой дается авторская интерпретация феномена религиозности академика Д.С.Львова.

Благодарю авторов за участие в сборнике, а также рецензентов – доктора экономических наук, профессора *Альберта Александровича Зарнадзе* (ГУУ) и доктора экономических наук, профессора *Юрия Валентиновича Овсиенко* (ЦЭМИ РАН).

Б.А. Ерзнкян

FROM THE EDITOR

28th issue of the collection contains the papers both in Russian and English devoted to the actual problems of economic development and institutional changes. It includes two sections: “Theoretical problems of economics and institutional reforms” and “Applied problems and practice of institutional reforms in Russia”.

Section 1 starts with a paper of *M.Delibasić and N.Grgurević* devoted to the modeling of institutional behavior as a constraint on economic rationality and based on the using heterogeneous indicators of institutional development. In a center of attention of a paper of *V.E.Dementyev* are problems of producers association and the network effect of innovative territorial development. In a paper of *B.H.Yerznkyan* issues of economic agents’ behavior in the context of social structures and codes are studied. In a paper of *A.F.Mudretsov* prospects of the Russian economy’s sustainable development concentrated on the problems of ecology are considered. A theme of study in a paper of *A.A.Gogin* is a multifactor model of economic growth of a region. Institutional problems of innovative modernization of state governance are studied in a paper of *S.V.Sergushko and A.S.Slavyanov*. Uncovering the tendencies of the institutionalization of technological diffusion is proposed in a paper of *V.O.Isaenko and M.N.Rybina*. A paper of *N.E.Narinyan* is devoted to the formation of a new currency regulation system. A section is finished by an English-language paper of *V. Draskovic, B.Yerznkyan and M.Draskovic* which is devoted to the necessity for applying anti-crisis economic politics based on innovations and institutional reforms.

Section 2 begins with a paper of *O.Yu.Ulyanova*, in which the problems of the city housing sector institutional modernization, such as social infrastructure, region, investment, public-private partnership, are considered. In a paper of *M.V.Kolesnikova*, cultural-historical preconditions of Russian urban infrastructure formation are presented. In a paper of *M.S.Nalgiev*, a theme of study is social-economical efficiency of productive system of Ingushetia. In a paper of *B.H.Yerznkyan and T.A.Lignovskaya*, issues of verbal and non-verbal aspects of managerial transactions are considered. And finally, in a paper of *R.M.Kachalov*, an author’s interpretation of the religiosity phenomenon of academician D.S.Lvov is given.

I **acknowledge** the authors for taking participation in the collection, as well as two referees for their comments – Dr. of Sci. (Econ.), Prof. *Albert A. Zarnadze* (SUM) and Dr. of Sci. (Econ.), Prof. *Yury V. Ovsienko* (CEMI RAS).

B.H. Yerznkyan

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

М. Делибашич, Н. Гргуревич

К МОДЕЛИРОВАНИЮ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ*

1. Введение

В настоящее время в научных кругах сложилось широкое согласие в отношении важности институтов и той – ключевой – роли, которую они играют в развитии экономики. Тем не менее, несмотря на обилие работ в экономической литературе по институтам, складывается впечатление об отсутствии регулярного и систематического объяснения институционального поведения – такого, на базе которого можно было бы это самое поведение моделировать, противопоставляя его характеристики известным неоклассическим принципам экономической рациональности и позволяя измерять институциональное поведение с помощью количественных показателей. В какой степени институты значимы для экономического развития и значимы ли они вообще – эти и им подобные вопросы нуждаются в изучении, поскольку, невзирая на все теоретические положения, определения и эмпирические данные, до сих пор нет ясного понимания того, почему институты важны для экономического роста.

Одной из причин такого состояния дел является отсутствие надежного теоретического фундамента для оперирования институциональными понятиями и невозможность точного измерения [влияния] институтов. Во многом это объясняется тем, что, как отмечает Дарон Асемоглу¹, понятие института используется и определяется в литературе очень широко, и таким же широким является сам спектр институциональных форм и проявлений, которые могут иметь отношение к экономическим результатам.

Статья построена следующим образом. В главе 2 рассматриваются основные теоретические подходы к институциональным изменениям и экономическому росту и развитию. Глава 3 посвящена проблемам разнородности показателей (индикаторов) институциональных изменений. В главе 4 предпринята попытка построения модели институционального поведения экономических агентов. Глава 5 подводит некоторые итоги данной статьи.

2. Теоретические подходы к институтам и экономическому развитию

Институциональные изменения и экономический рост являются, по всей вероятности, наиболее важными компонентами и предпосылками экономического развития. И по

---

* Перевод с сербского научного редактора сборника Б.А. Ерзнкяна.

¹ *Acemoglu D.* Introduction to Modern Economic Growth. Cambridge, MA: Princeton University Press, 2009.

этому поводу в целом есть, как уже было сказано, широкое согласие. Но вопрос о каузальности – что чему предшествует, что есть причина, а что следствие: институты или развитие, – остается открытым. Отсюда и оговорка «по всей вероятности», которая далеко не случайна, ибо существуют известные расхождения в понимании того, что чему предшествует:

1) динамика институтов экономическому развитию,
или же

2) экономическое развитие институциональным изменениям.

Хотя первое мнение – сначала сдвиги в институтах, потом развитие – преобладает среди большей части теоретиков, не говоря уж о практических деятелях, второе мнение – сначала развитие, потом институты (приведение их в соответствие с развитой экономической системой) – во многих отношениях кажется не менее убедительным².

В пользу второй точки зрения свидетельствует исторический опыт развитых стран. В них именно экономическое развитие, достигнутое при имеющихся, хотя, пожалуй, и не неизменных институтах, открывало путь к модернизации институтов и формированию институциональной системы, релевантной даже не столько уже развитой, сколько стремящейся к дальнейшему развитию, а потому и нуждавшейся в дальнейшем росте экономической системе³.

С учетом этого обстоятельства отметим, что взгляд на то, что высокие и устойчивые темпы экономического роста являются основным фактором повышения общего благосостояния, имеет под собой солидную основу.

Представители новой институциональной экономической теории (Д.Норт⁴ и др.) доказали, что без продвинутой, плюралистической, политически желательной и юридически защищенной институциональной среды достижение экономического роста в долгосрочной перспективе не представляется возможным. Иными словами, высокие и устойчивые темпы экономического роста являются не причиной институциональных изменений, а их следствием. Стремительные перемены в экономической действительности двух последних десятилетий, обусловленные экспоненциальными технологическими и организационными изменениями, равно как и глобальными процессами, привели к парадигматическим модификациям модели экономического роста.

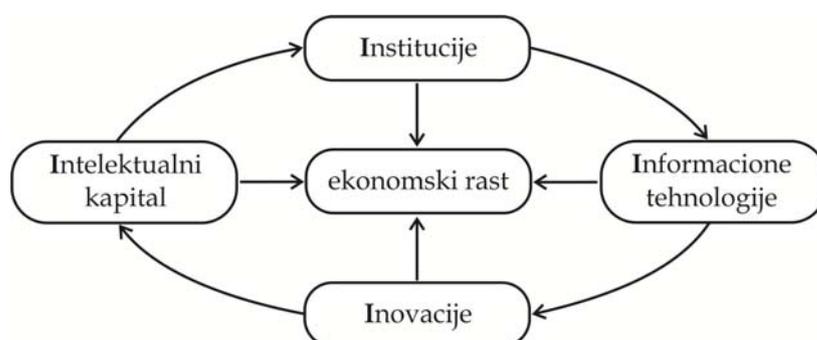
² Нестандартная точка зрения рассматривается в таких работах, как, например: *Chang Ha-Joon. Globalization, Global Standards and the Future of East Asia // Global Economic Review. 2005. Vol. 34. No.4. Pp. 363–378; Chang Ha-Joon. Institutions and Economic Development: Theory, Policy and History // Journal of Institutional Economics. 2011. Vol. 7. No.4. Pp. 473–498.*

³ Развитие этой точки зрения см.: *Ерзнкян Б.А. Экономическая теория и математическая наука vs. практика институциональных преобразований: истоки неудач и что делать? // Теория и практика институциональных преобразований в России / Сборник научных трудов под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 27. М: ЦЭМИ РАН, 2013. С. 6–27.*

⁴ *North D.C. Structure and Change in Economic History. New York: W. W. Norton & Co, 1981; North D.C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. New York: Cambridge University Press, 1990.*

Неоклассическая модель роста Р.Солоу⁵ (1956) подчеркнула ключевую роль научно-технического прогресса, добавив в предшествующие модели с акцентом на роль накопления физического капитала и роста рабочей силы, технологический фактор, на который, по его подсчетам, приходилось 4/5 роста американской экономики на одного работника. Лукас⁶ (1988) подчеркнул роль человеческого капитала, Барро и Сала-и-Мартин⁷ (1997) отметили значение технологической диффузии, Барро⁸ (1990) сконцентрировался на роли общественной инфраструктуры, Ромер⁹ (1990) – на роли стимулов для инноваций и т.д.

Современные теории экономического роста к его основным факторам относят: (1) институты, (2) инновации, (3) информационные (и другие) технологии (4) интеллектуальный (человеческий) капитал. Это означает, что условно можно говорить о «модели 4-х 'и'», раскрывающей причины экономического роста (рис. 1).

Источник: авторы*

Рис. 1. Модель «4и» факторов экономического роста

Говоря об экономическом росте, отметим, что одной из основных проблем современного глобального мира является огромный разрыв между богатыми и бедными странами, отдельными слоями общества, равно как и индивидами¹⁰.

⁵ Solow R.M. A Contribution to the Theory of Economic Growth // The Quarterly Journal of Economics. 1956. Vol. 70, No. 1. Pp. 65–94.

⁶ Lucas R.E., Jr. On the Mechanics of Economic Development // Journal of Monetary Economics. 1988. Vol. 22, No. 1, 3–42.

⁷ Barro R.J., Sala-i-Martin X. Economic Growth. Cambridge, Mass.: MIT, 1997.

⁸ Barro R.J. Government Spending in a Simple Model of Endogenous Growth // The Journal of Political Economy. 1990. Vol. 98, No. 5(2). Pp. 103–125.

⁹ Romer P.M. Endogenous Technological Change // The Journal of Political Economy. 1990. Vol. 98. No. 5. Pp. 71–102. Part 2.

* Обозначения рис. 1: *ekonomski rast* (экономический рост), *institucije* (институты), *inovacije* (инновации), *informacione tehnologije* (информационные технологии), *intelektualni kapital* (интеллектуальный капитал). – Прим. пер.

¹⁰ В то время как большая часть населения мира едва выживает, по сообщению агентства "Mlumberg", в 2013 г. 300 самых богатых людей мира увеличили свои совокупные активы на сумму в 524 млрд долл.

Именно этим вызван интерес к направлению исследований о роли национальных институтов в экономическом развитии, которые, как принято считать, являются основополагающим фактором, определяющим возникновение обозначенного «огромного разрыва». В мировом обзоре по экономике за 2005 г. Всемирный валютный фонд (ВФМ) – в дополнение к высказываниям многих известных экономистов – отмечает, что для значительного экономического развития необходимо улучшать и постоянно повышать качество отечественной институциональной базы¹¹.

Это означает, что имеется понимание важности институционального порядка, механизмов и каналов реального функционирования институциональных устройств, необходимых для разработки соответствующих стратегий по достижению целей экономического роста и устойчивого развития. Дальнейшее понимание зависит от того смысла, какой вкладывается в понятие институтов.

По Норту, «институты – это ”правила игры” в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми. Следовательно, они задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия – будь то в политике, социальной сфере или экономике¹². Иными словами, такая способность структурирования институтами стимулов говорит о том, что возможность индивидуального выбора определяется и ограничивается институтами. Социальные (политические, традиционные, моральные, культурные и пр.) и экономические институты прямо или косвенно влияют на структуру экономических мотивов в обществе. Норт допускает двоякую интерпретацию институтов – как в качестве неформальных ограничений (общепринятых условностей и кодексов поведения), так и формальных (придуманных людьми правил).

Неформальные институты оказывают определяющее воздействие на наше поведение. Как пишет Норт, оно «в огромной степени определяется неписаными кодексами, нормами и условностями»¹³, которые «возникают из информации, передаваемой посредством социальных механизмов, и являются частью того наследия, которое мы называем культурой»¹⁴. Унаследованными культурами объясняется, почему формальные институты приводят в различных обстоятельствах к различным результатам.

Формальные институты, или, по Норту, правила, «включают политические (и юридические), экономические правила и контракты». Эти правила устроены иерархически – от конституций до статутов (законодательных актов) и обычного права, до законодательных постановлений и распоряжений и, наконец, до индивидуальных контрактов». Вся эта

---

¹¹ IMF. Chapter 3: Building Institutions // World Economic Outlook. Washington D.C.: IMF, 2005.

¹² Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. С. 17.

¹³ Норт Д. 1997. Там же. С. 56.

¹⁴ Норт Д. 1997. Там же. С. 57.

иерархия правил «составляет общие и конкретные ограничения»¹⁵. Асемоглу, Джонсон и Робинсон показали, что общества с экономическими институтами, которые способствуют накоплению факторов инноваций и эффективности распределения ресурсов, будут процветать, и наоборот¹⁶.

Определение институтов, данное Нортон, было расширено со стороны МВФ за счет акцентирования внимания на связи между *экономическими* и *политическими* институтами.

Термин «политические институты» относится к институтам, которые формируют стимулы политической исполнительной власти и определяют распределение политической власти, он включает в себя также возможность формирования экономических институтов и распределения ресурсов в обществе. В свою очередь, экономические институты, определяющие относительное богатство различных социальных групп, могут оказывать обратное воздействие на формирование политических институтов. Процветание качественных экономических институтов, по всей вероятности, возможно лишь в среде, свободной от «погоны за рентой», в которой малые группы не в состоянии захватить монопольное положение в определенной отрасли или хозяйственной сфере, а значит и не могут иметь привилегированный доступ к природным и иным ресурсам. Также велика вероятность того, что хорошие экономические институты будут сопровождаться хорошими же политическими институтами. Кроме того, если политические институты подконтрольны обществу, следящему за выполнением условия отказа от монополизации и разбалансирования общественных интересов, то маловероятно, что имеющие политическую власть силы воспользуются своим положением для извлечения для себя ренты.

Для предметного изучения интерес представляет аналитико-методологическая концептуальная система, разработанная Д.Родриком¹⁷. Он определил так называемые «хорошие институты», как те, которые способствуют реализации экономического принципа «первого ряда»: защита прав собственности, соблюдение контрактов и рыночной конкуренции, а также соответствующих стимулов, денежной стабильности, устойчивости долговой ситуации и экономической эффективности. Он настаивает на том, что отношения между экономическими и политическими институтами всегда наблюдаются во взаимодействии. В связи с этим он предложил матрицу систематизации «рыночно жизнеспособных институтов», основными компонентами которых являются четыре группы институтов, а именно: институты формирования, институты регулирования, институты стабилизации и институты легитимация рынка (табл. 1).

---

¹⁵ Норт Д. 1997. Там же. С. 68.

¹⁶ Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth. Working Paper 10481. Cambridge, MA: NBER, 2004. <http://www.nber.org/papers/w10481>, 385-472.

¹⁷ Rodrik D. Growth Strategies / Handbook of Economic Growth. Ph. Aghion and S. Durlauf eds. Amsterdam: Elsevier, 2005. Pp. 967-1014.

Систематизация «рыночно жизнеспособных институтов»

<p>Институты формирования рынка: - права собственности; - принуждение к исполнению контракта.</p>	<p>Институты регулирования рынка: - органы регулирования; - иные механизмы корректировки несостоятельности рынка.</p>
<p>Институты стабилизации рынка: - денежные и фискальные институты; - институты пруденциального регулирования и надзора.</p>	<p>Институты легитимации рынка: - демократия; - социальная защита и обеспечение.</p>

Источник: Rodrik D. Growth Strategies / Handbook of Economic Growth. Ph. Aghion and S. Durlauf eds. Amsterdam: Elsevier, 2005. P. 973.

Эффективное функционирование рынка требует всеобъемлющих и строгих правил, необходимых для предупреждения и предотвращения злоупотребления рыночной властью, интернализации экстерналий, многих рыночных ограничений (асимметрия информации и т.д.), а также для установления стандартов для защиты прав потребителей и безопасности товаров и услуг. Необходимы фискальные, денежно-кредитные, антиинфляционные и внешнеторговые договоренности, которые будут уравнивать колебания деловых циклов. Кроме того, влияние политических процессов не должно быть непосредственным и ориентированным на извлечение ренты, дабы не отразиться на развитии экономических процессов.

3. Проблема разнородности институциональных показателей

О разнообразности показателей и вытекающих из этого трудностей измерения институциональных конструкторов / понятий можно судить по перечню показателей, приведенному в табл. 2.

В дополнение к тому, что их гетерогенный характер бросается в глаза, можно поставить вопрос о неполноте показателей, заложенной в самом принципе разграничения институтов на две категории, вслед за Асемоглу и Джонсоном¹⁸, а именно: к политическим и экономическим. Характерно, что эти же авторы ставят вопрос о всеобщем охвате, надежности и качестве обобщенных оценок (по различным показателям) рассматриваемых категорий – уровня знаний и институтов. Они выражают сомнение, что существует полная согласованность, надежность и обоснованность некоторых показателей таких, как, например, Индекс глобальной конкурентоспособности (*Global Competitiveness Index, GSI*), который предлагает Всемирный экономический форум.

¹⁸ *Acemoglu D., Johnson S. Unbundling Institutions // Journal of Political Economy. 2005. Vol.113. No.5. Pp. 949–995*

Таблица 2

Сравнение отдельных институциональных индикаторов

Предмет исследования	Начало изучения	Аспекты охвата
Политические институты		
<i>Polity IV</i> Политический порядок и характеристики	1980	- институциональная демократия; - институциональная автократия; - прочность режима.
<i>Freedom House</i> Ежегодный доклад о свободе	1955	-политические права (выборные процессы, участие в политике, плюрализм, функционирование правительства, дискреционные вопросы); - гражданские свободы (свобода слова, убеждений, объединений, организаций, верховенство закона, личная автономия и права человека).
Экономические институты		
<i>Fraser Institute</i> Индекс экономической свободы	1970	-масштаб власти; - структура права и гарантии прав собственности; - введение денег; - свобода международной торговли; - регулирование кредита, труда и бизнеса.
<i>Heritage Foundation</i> Индекс экономической свободы	1994	- торговая политика; - фискальная нагрузка правительства; - вмешательство властей в экономику; - денежно-кредитная политика; - потоки капитала и иностранных инвестиций; - регулирование банков и финансов; - заработная плата и цены; - права собственности; - регулирование; - неформальная рыночная активность
<i>ICRG</i> Международный риск	1984	- экономический риск; - политический риск; - финансовый риск.
<i>World Bank</i> Показатели управления	1996	- механизм голосования и подотчетность; - политическая стабильность, отсутствие насилия; - эффективность правительства; - качество регулирования; - верховенство права и контроль над коррупцией.
<i>World Bank</i> Легкость ведения бизнеса	2004	- открытие бизнеса; - разрешение на строительство; - прием на работу; - регистрация собственности; - кредитование; - защита инвесторов; - уплата налогов; - свобода международной торговли; - исполнение договора; - ликвидация фирмы (бизнеса)

Источник: авторы, на основе различных данных.

В подтверждение этого они приводят ряд критических аргументов:

а) в качестве первого индикатора появляется институциональное строительство (в рамках *GSI*);

б) для отдельных переходных стран не рассчитываются упомянутые показатели;

в) ненадежное «качество» косвенных, обобщенных, по существу, спорных «основанных на индикаторах» оценок основных экономических институтов (государственного регулирования, рыночного регулирования и отношений собственности);

г) невозможность типового измерения качества институтов (институциональный плюрализм) в сообществах, где действует квази-институциональный монизм;

д) при оценке институционального строительства некоторых стран имеется слишком много специфичных и зачастую разнородных воздействующих факторов, которые не могут быть последовательно и полностью измерены и количественно охвачены, не говоря уже об определении единых (унифицированных) критериев, на основе которых можно было бы проводить сравнения качества.

К приведенной здесь критике можно добавить в утвердительном смысле еще одно объективное сомнение в форме вопроса: насколько вообще реально, что США находятся на 41-м месте по уровню институционального строительства¹⁹.

Исходя из сказанного, нами ставится вопрос о возможности моделирования институционального поведения. Это основной вопрос, который включает в себя многие другие вопросы, как-то: Можно ли объективно измерить влияние неформальных и альтернативных институтов? Каким образом можно (хотя бы приблизительно) определить влияние и важность рыночного регулирования в условиях доминирования деформированных рыночных структур? При каких условиях история институциональных изменений превращается в свою противоположность – институциональное насилие? Почему в некоторых обществах наступает замещение, дефицит, имитация и фиаско институтов?

К этому добавим и то, что фактически все общественные явления преломляются через отношения между политикой (идеологией, партийным влиянием, формой правления, демократическими институтами и др.) и экономикой (деятельностью, структурой, субъектами, поведением и др.) и воздействуют обратно на все другие формы общественного устройства. Фрэнсис Фукуяма не раз констатировал, что экономика и политика пронизывают друг друга в реальной жизни и абсорбируют определенные этические, культурные и цивилизационные ценности, с помощью которых общество реализует определенный порядок как общественное согласие (социальный консенсус)²⁰.

С учетом этого, становится ясно, что социально-культурный капитал также должен быть неизбежным компонентом объективного институционального моделирования, в возможности которого пойдет речь в следующем разделе исследования.

---

¹⁹ The Global Competitiveness Report / 2012–2013. P. 16–17.

²⁰ Фукуяма Ф. Великий разрыв. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008.

4. Модель институционального (пост-рационального) поведения

Человек – существо социальное, являющееся неотъемлемым элементом социальной среды. Вот почему он руководствуется не только своими собственными интересами, но и привычками, обычаями, изменениями и т.д., которые имеют социальную природу. Институты также являются одним из важнейших элементов социальной среды. В общих чертах, они (социальные институты) являются регуляторами и координаторами человеческого поведения, соответственно экономические институты – регуляторами поведения экономических агентов. Такая модель выходит за рамки теоретического фундамента традиции экономического образа мышления и экономической риторики. Она также привносит новые черты в портрет человека экономического (*homo economicus*).

Считается, что одной из основных проблем экономической науки является поиск гармоничных отношений между рациональностью и неопределенностью, в условиях воздействия социальных норм на поведение людей. В рамках этого возникали многие идеи и теории, как-то: а) неоинституционализм (теория общественного выбора, конституционная экономика, теория информации и новая экономическая история); б) новый институционализм (теория ограниченной рациональности, экономика соглашений и теория игр).

Динамические изменения в экономических реалиях, структурных противоречиях, системных и ценностных критериях, приоритетах и пр. в течение последних трех десятилетий повлияли на развитие многих направлений экономической мысли, которые в той или иной степени «размыли» доминирующую неоклассическую теорию абстрактных равновесий и идеальных теоретических конструкций рационального поведения людей.

Появление неоинституционального экономического анализа, основанного на использовании неоклассического инструментария и исследований феномена человеческого поведения в областях, ранее игнорируемых экономической теорией, расширило границы традиционной неоклассической теории и экономического анализа в целом. К таким областям и сферам деятельности относятся дискриминация, человеческий капитал, преступность, образование, планирование семьи, здравоохранение, внутренняя экономика и др.

Осуществление хозяйственной деятельности является более организованным и эффективным, когда точно определены ее условия. Институты формируют также специфичные взаимные межличностные отношения, формальные и неформальные общественные механизмы, которые налагают ограничения на поведение экономических агентов. Они представляют: а) набор ограничений (правил, механизмов и норм поведения), который создает человек для регулирования взаимного политического, экономического и социального действия (Норт 1990, р. 3); б) предписания, соглашения и общепринятые шаблоны, которые регулируют поведение людей; в) средства для адаптации к изменениям, минимизации энтропии, рисков и неопределенности; г) регуляторы и координаторы экономической деятельности (поведения), которые постоянно возобновляются, и включают в себя кодекс поведения и механизмы, обеспечивающие их реализацию.

Наиболее распространенным типом институтов являются нормы и правила, которые экономят время и усилия экономических агентов при принятии ими тех или иных решений. В то же время институты ограничивают возможности выбора, и отступление от них может негативно сказаться на эффективности результатов выбора. Основные экономические институты (собственность, рыночное и государственное регулирование) не создают категории денег, цен, производственных факторов и факторов доходов, они только влияют на эффективное осуществление [категорий] и видов экономической деятельности. Они дополняются нормативными актами, регуливающими права, обязанности и допустимые формы экономического поведения, равно как и санкции.

Экономические и социальные проблемы являются столь многочисленными, сложными, динамичными и разнообразными, что иметь один всеобъемлющий институт, в рамках которого они бы решались, не представляется возможным. Таким образом, главный вопрос заключается в установлении оптимальной структуры институтов. Практика показала, что они являются необходимым условием для социально-экономического развития всех цивилизаций. Функционирование институтов требует затрат, но для оценки обоснованности их существования возникает необходимость в использовании экономических критериев – сопоставления затрат на разработку и выгод от реализации институтов.

Неоклассика придерживается поведенческого постулата инструментальной рациональности экономических агентов, которая основана на предположении о наличии всей необходимой информации для правильной оценки всех альтернатив и выбора одной (наилучшей), приводящей к достижению цели. На самом деле, значение имеют как институты, так и информация. При пассивной роли институтов экономический выбор ими не ограничивается. Как следствие, агенты могут сделать правильный выбор. В случае недостаточной информации выбор становится субъективным. Данный постулат себя зарекомендовал в качестве средства экономического анализа высокоразвитых и эффективных рынков Запада, которое характеризуется низкими транзакционными издержками.

В случае высоких транзакционных издержек, характерных для большинства современных рынков, а также рынков в прошлом, более подходящим является постулат процедурной рациональности, который основан на выборе недостаточно информированных людей, субъективно разрабатывающих свои собственные модели, которые отличаются от моделей других лиц, также действующих в условиях неполной информации. В случае инструментальной рациональности когнитивные способности позволяют экономическим агентам строить модель, адекватно отражающую ситуацию выбора, а доступная информация позволяет сблизить изначально дивергентные модели. Это отличается от случая процедурной рациональности: неполная информация не способствует конвергенции отмеченных моделей²¹ (табл. 3).

---

²¹ Ерзнкян Б.А. Человек институциональный, или эволюция концепции homo economicus // Вестник ГГУ. Серия «Институциональная экономика». 2000. № 1. С. 28–44.

Таблица 3

Сравнительные характеристики различных типов рациональности

Инструментальная рациональность	Процедурная рациональность
Считается, что экономическая действительность находится в состоянии равновесия.	Концепция равновесия используется при решении аналитических проблем, при этом существует не одно, а множество равновесий из-за «теорий, которых могут придерживаться люди и на основе которых они действуют, никогда не сталкиваясь с ситуациями, заставляющими изменить эти теории» (<i>Hahn</i> , 1987, p.324).
Индивиды – экономические актеры, которые постоянно сталкиваются с одинаковыми ситуациями выбора или с последовательностью очень похожих друг на друга альтернатив.	Хотя индивиды часто встречаются с повторяющимися ситуациями и могут поступать рационально, они также встречаются с уникальными и неповторяющимися ситуациями, требующими выбора в условиях неполноты информации и неопределенности результатов.
Индивиды имеют стабильные предпочтения и поэтому оценивают результаты своего выбора по определенным критериям.	Хотя сдвиги цен могут объяснить изменения в предпочтениях, проблему их устойчивости нельзя оставлять в стороне (<i>Becker, Stigler</i> , 1977).
В повторяющихся ситуациях индивиды способны разглядеть возможности получения более высоких результатов и воспользоваться ими. В случае с фирмами они поступят так же, дабы не стать жертвой конкурентной борьбы.	Индивиды хотели бы улучшить результаты своей деятельности, но из-за возможной слабости обратной информационной связи они не могут идентифицировать более благоприятные альтернативы.
Следовательно, не может возникнуть такого равновесия, в котором индивиды не максимизируют свои предпочтения.	Конкуренция может быть настолько слабой, а ее сигналы – такими беспорядочными, что адаптация экономических агентов будет происходить очень медленно или неверно, и ее результаты не будут проявляться очень долго.
Поскольку мир близок к состоянию равновесия, он демонстрирует, хотя бы приближенно, образцы поведения в соответствии с постулатом о максимизирующем индивиде.	Ход всей мировой истории дает огромное количество свидетельств, что поведение человека значительно сложнее простого рационального некооперативного поведения
Детали адаптивного процесса сложны и специфичны. Общие закономерности равновесия сравнительно просты; поэтому для лучшего понимания реалий соображения экономии усилий требуют их теоретического изучения и сравнения с другими наблюдениями.	Поведенческие постулаты полезны для решения некоторых проблем. Но они не способны решить многие вопросы, стоящими перед представителями социальных наук, и являются главным препятствием к пониманию существования, образования и эволюции институтов.

Источник: Ерзнкян (2006, с. 31-32)²² на основе *Winter* (1986, p. S429)²³ и *Норт* (1997, с. 42)²⁴ с авторскими добавлениями (*Hahn*, 1987, p.324)²⁵, (*Becker, Stigler*, 1977)²⁶.

²² Ерзнкян Б.А. Институциональная реальность социально-экономических систем и концепция институционального человека Эволюционная теория, инновации и экономические изменения. VI Международный симпозиум по эволюционной экономике, г. Пушкино, Моск.обл., Россия, 23-24 сент. 2005 г. М.: Институт экономики РАН, 2006. С. 25-44.

²³ *Winter S.* Comments on Arrow and on Lukas. In: Robin M. Hogarth and Melvin W. Reder (eds.) // The Behavioral Foundations of Economic Theory. Journal of Business (Supplement). 1986. No. 59. Pp. S427-S434.

²⁴ *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги "Начала", 1997.

²⁵ *Hahn F.H.* Information, Dynamics and Equilibrium // Scottish Journal of Political Economy. 1987. No.34. Pp.321-334.

²⁶ *Becker G.S., Stigler G.* De Gustibus Non Est Disputandum // American Economic Review. 1977. No.67. Pp. 76-90.

Логическая связь между институтами и их изменениями с экономическим агентом в центре событий представлена на рис. 2*, а модель устойчивого развития на рис. 3*.

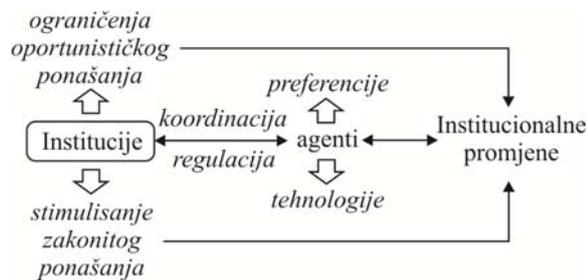

Рис. 2. Логика институционального действия

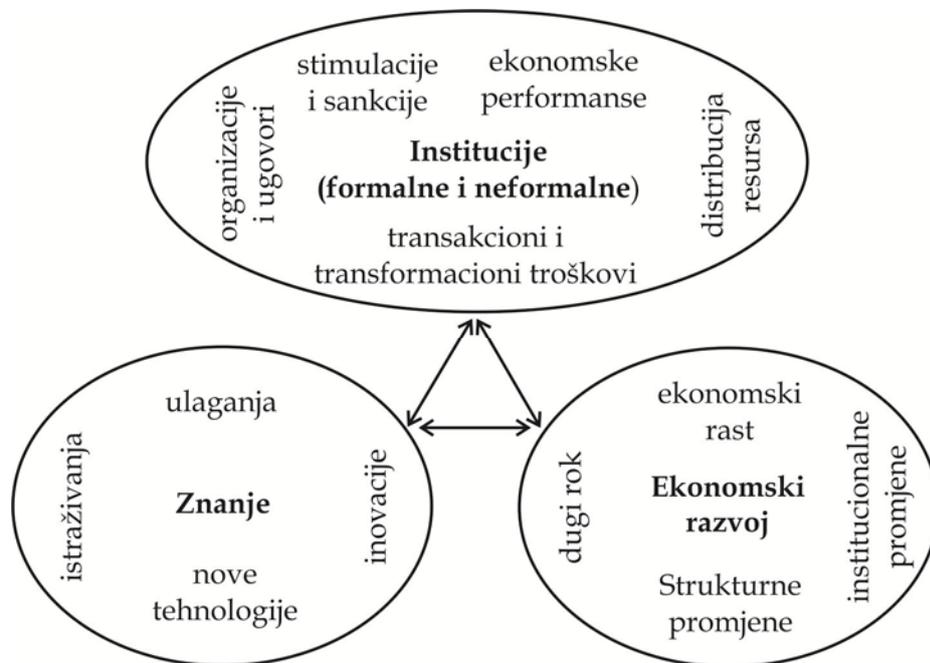

Рис. 3. Модель устойчивого развития

* Обозначения рис. 2: *institucije* (институты), *stimulisanje zakonitog ponašanja* (стимулирование добросовестного поведения), *ograničenja oportunističkog ponašanja* (ограничения оппортунистического поведения), *koordinacija* (координация), *regulacija* (регуляция), *preferencije* (преференции), *agenti* (агенты), *tehnologije* (технологии), *institucionalne promjene* (институциональные изменения). – Прим. пер.

* Обозначения рис. 3: верхний контур – *organizacije i ugovori* (организации и контракты), *stimulacije i sankcije* (стимулы и санкции), *ekonomske performanse* (экономическое функционирование), *institucije (formalne i neformalne)* (формальные и неформальные институты), *transakcioni i transformacioni troškovi* (транзакционные и трансформационные издержки), *distribucija resursa* (распределение ресурсов), левый контур – *istraživanja* (исследования), *ulaganja* (инвестиции), *znanje* (знание), *nove tehnologije* (новые технологии), *inovacije* (инновации), правый контур – *drugi rok* (второй год), *ekonomski rast* (экономический рост), *ekonomski razvoj* (экономическое развитие), *strukturne promjene* (структурные изменения), *institucionalne promjene* (институциональные изменения). – Прим. пер.

5. Заключение

В статье была предпринята попытка нахождения подходов к моделированию институционального поведения экономических агентов, для чего были рассмотрены различные подходы к экономическому росту и развитию в преломлении институциональных изменений.

Важно подчеркнуть при этом, что многие теоретические и эмпирические исследования выявили существование прямой корреляции между институциональным и экономическим развитием (Д.Норт и др.), а также между уровнем знаний и экономическим развитием. Предположение, которое следует из этого, говорит о возможности объединения причинно-следственных связей воедино: развитие на основе знаний (и инвестиций в эти знания), институты и их изменения, экономическое развитие, что и было продемонстрировано в статье графически.

Такое взаимосвязанное рассмотрение развития различной природы – институциональной, экономической, социальной, когнитивной и пр. – является необходимым условием для формирования соответствующей платформы для моделирования институционального поведения экономических агентов, которое может более или менее адекватно отражать имеющиеся место быть реалии, в особенности, установившиеся в странах постсоветского пространства. Вместе с тем, такое моделирование не должно ограничиваться исключительно транзитивными экономиками, предполагается, что моделирование институционального поведения должно обладать общими для всех характеристиками.

АССОЦИАЦИИ ТОВАРОПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ В СЕТЕВЫХ СТРУКТУРАХ ИННОВАЦИОННОГО ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ*

1. От ставки на рыночные механизмы к интерактивному планированию

Принципиальная взаимосвязь разнородных и разновозрастных подсистем сложно-устроенной экономической системы лежит в основе новой теории воспроизводства капитала (Маевский, Малков, 2014), призванной, в частности, пролить свет на подоплеку и механизм возникновения и протекания процесса инновационного развития. Независимо от этой теории, скорее в ином ракурсе, но не менее обоснованно, в качестве принципиального условия инновационного развития общества рассматривается эффективная взаимосвязь трех его основных процессов (социального, производственного и экономического) (см., Глазырин, 2012). Значительный вклад в развитие этих связей могут вносить рыночные механизмы. Корпоративная социальная ответственность воспринимается как фактор укрепления конкурентных позиций бизнеса, хотя в кризисных условиях уже свертывание этой ответственности рассматривается как одно из средств выживания в трудный период. Однако даже при благоприятной конъюнктуре рыночные механизмы ориентируют бизнес на учет гораздо более ограниченной перспективы, чем та, при которой проявляются результаты многих социальных процессов, включая демографические. Кроме того, рыночные критерии эффективности фокусируют внимание на финансовых показателях, тогда как общество имеет более широкий спектр интересов, отнюдь не ограничивающийся производственными достижениями. Многие специалисты самых разных профессий при выборе места работы руководствуются не только уровнем зарплаты, но и моральным климатом в коллективе, соотношением рутинных и творческих составляющих в производственной деятельности. Вряд ли можно говорить о полном благополучии, когда рост производственных результатов происходит на фоне депопуляции населения.

Конструктивный подход состоит не в предъявлении претензий к бизнесу, а во встраивание его в такую систему отношений, которая, с одной стороны, сможет компенсировать относительную близорукость рыночных критериев эффективности, с другой, позволит бизнесу внести свой вклад в уточнение и реализацию этапных задач общественного развития. Обеспечить ориентацию отечественной экономики на выработку и достижение долгосрочных целей – вот на что должна быть ориентирована система государственного стратегического управления, охватывающая разные его уровни. Правовую основу для разработки, построения и функционирования такой системы должен обеспечить закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (на 07.05.2014 проект этого закона № 143912-6 подготовлен ко второму чтению).

---

* Статья написана при поддержке гранта РГНФ 13-02-00458а и гранта РНФ 14-18-02948.

Среди целей создания системы стратегического планирования фигурирует консолидация усилий всех субъектов экономики (государства, корпораций и структур гражданского общества) для достижения целей социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации (Пояснительная записка к проекту федерального закона). Много внимания при этом уделяется отдельным документам стратегического планирования. Однако остается не раскрытой та роль, которая в системе формирования стратегических планов развития промышленности отводится бизнесу. Между тем от его позиции зависит реализуемость этих планов, а с ними и других стратегических замыслов. Фактически бизнесу отводятся чисто исполнительские функции в системе планирования. Стратегическое планирование экономики предстает процессом, в котором потоки плановой информации идут в одном направлении: сверху вниз.

Хотя в проекте закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» говорится об общественном обсуждении документов стратегического планирования, оно – слабая замена не предусматриваемых в нормативной базе механизмов сближения стратегических воззрений власти и бизнеса еще на этапе формирования проектов этих документов. Такой подход к стратегическому планированию игнорирует наметившуюся после 2000 года практику участия «головных» бизнес-ассоциаций в обсуждении вопросов экономической политики. В принципе проектом Закона (статья 11) не исключается привлечение к разработке документов стратегического планирования объединений профсоюзов и работодателей, общественных, научных и иных организаций. Однако поправка к Закону, предусматривающая изначальную фиксацию в составе участников государственного стратегического планирования общероссийских общественных организаций, целью деятельности которых являются представление и защита интересов субъектов предпринимательской деятельности, была отклонена.

Весьма важен информационный аспект сотрудничества власти и бизнеса. Власть может принудить бизнес вкладывать средства в потенциально важные разработки, главный вопрос в выборе успешных проектов и формировании правильного спроса¹. Это особенно важно при планировании структурных изменений в экономике, затрагивающем прежние тенденции ее развития. В этом случае без обращения к бизнесу, без учета его отношения к этим изменениям трудно добиться сбалансированности производства, выработать действенные меры по реализации принимаемых планов.

Как показывает В.М. Полтерович, вовлечение бизнеса в процесс планирования особенно актуально при решении задач догоняющего развития. Взаимодействие отраслевых ассоциаций бизнеса друг с другом и с правительством позволяет скоординировать заимствование технологий и создать обстановку доверия (Полтерович, 2009). Система такого интерактивного планирования служит преодолению двух препятствий на пути модер-

---

¹ <http://rbcdaily.ru/politics/562949989954913>.

низации экономики. Одним из них является комплементарность технологий: изменение технологии в одной отрасли требует изменений у смежников. Рыночный механизм обнаруживает недостаточную эффективность в согласовании таких изменений, что позволяет говорить о ловушке отраслевой координации. Второе препятствие – обычно сопровождающее технологическую отсталость - низкое качество институтов, проявляющееся во взаимном недоверии агентов. Оно способно привести к «закупорке» каналов обратной связи от бизнеса к власти и торможению экономического роста вследствие повышения инвестиционных рисков. Бизнес-ассоциации могут сыграть существенную роль в изменении представленной ситуации даже при изъянах институциональной среды (Locke, 2001). Эти ассоциации служат средством компенсации слабостей правовых институтов (Markus, 2012). Однако реализация таких возможностей зависит не только от степени организованности самих бизнес-ассоциаций (Doner, Schneider, 2000), но и от действий властей.

Периоды радикального обновления технологической базы производства – время наиболее вероятного появления так называемых Черных лебедей, т.е. непредсказуемых событий, влекущих за собой масштабные последствия (Талеб, 2013, с. 677). Задача подготовки к таким событиям выдвигается в этот период на первый план. Для решения такой задачи стратегическое планирование может быть нацелено на подготовку ресурсного маневра для реагирования на непредсказуемые вызовы. В частности, речь может идти о планировании упреждающего развития некоторых элементов инфраструктуры в соответствии с перспективными требованиями к ним. Тем самым снижается потребность в финансировании этих элементов в будущем. Следовательно, больше ресурсов можно будет направить в ответ на новые вызовы. Такого рода действия соответствуют подходу Д. Тиса к динамическим способностям системы (Теесе, 2009). В рамках этого подхода реформирование, переконфигурирование активов - одно из основных средств успешного развития в меняющихся условиях. В период сопровождающего смену длинных волн кризиса особенно актуальны инвестиции, которые не только создают потенциал для ресурсного маневра, но и ослабляют негативные последствия кризиса. К таким можно отнести инвестиции в жилищное строительство, здравоохранение, науку и образование. Все эти инвестиции имеют непосредственное отношение к сохранению и накоплению человеческих ресурсов.

2. Интерактивное взаимодействие власти и бизнеса на уровне территориальных образований

Об интерактивном планировании можно говорить как о многоуровневой системе, в которой такое планирование развивается и на уровне локальных подсистем, и на народнохозяйственном уровне. До сих пор можно констатировать отсутствие на систематического эффективного взаимодействия власти и бизнеса макроуровне, если не относить к такому взаимодействию лоббистское влияние крупных корпоративных структур на государственные решения. Вместе с тем прослеживается начало формирования интерактивного плани-

рования на более низких уровнях управления. Речь идет о налаживании взаимодействия территориальных органов власти и ассоциаций (союзов) товаропроизводителей.

Вывод о том, что тесные отношения между властями и деловыми (или бизнес-) ассоциациями складываются прежде всего на более низких, чем федеральный, уровнях управления, был получен Т. Фрайем (Frye, 2002). Этот вывод основывался на данных обследования 500 фирм в восьми регионах РФ.

Исследование, проведенное в 2009 г. Институтом анализа предприятий и рынков ВШЭ, показало, что бизнес-ассоциации являются элементом «системы обменов» между властью и бизнесом – прежде всего на региональном и местном уровне. Если роль бизнес-ассоциаций оказалась не значима для получения поддержки от федеральных властей, то на региональном и местном уровне членство в ассоциациях бизнеса в среднем положительно влияло на получение поддержки. При этом разделение ассоциаций по типам выявило следующую картину. Региональные власти заметно чаще (примерно на 18% пунктов) помогали членам общероссийских ассоциаций. На 12% пунктов повышало вероятность получения поддержки участие в отраслевых ассоциациях. На грани статистической значимости оставался коэффициент, отражающий эффект от членства в региональных ассоциациях (около 7% пунктов). На местном уровне наиболее часто поддержка предоставлялась членам общероссийских ассоциаций (+14–15% пунктов по сравнению с фирмами, не входящими в ассоциации), несколько реже – членам отраслевых и региональных ассоциаций (+7% пунктов) (Яковлев, Говорун, 2014, с. 123). Таким образом, в отношениях между властями (региональными и местными) и бизнес-ассоциациями наблюдается перекос не в пользу локальных ассоциаций. Они оказались аутсайдерами в этих отношениях.

Похожая ситуация и с помощью властям со стороны бизнес-ассоциаций. В среднем члены ассоциаций активнее помогают региональным и местным властям. Однако интенсивность поддержки меняется в зависимости от типа ассоциации. Большой по величине и статистически значимый эффект обнаруживается только в случае членства в отраслевых ассоциациях. Участие в региональных бизнес-ассоциациях и торгово-промышленных палатах дает статистически незначимый и малый по величине положительный эффект (Яковлев, Говорун, 2014, с. 114). Не удивительно, что оценка полезности участия в региональных деловых ассоциациях заметно ниже, чем в отраслевых ассоциациях (Яковлев, Говорун, 2014, с. 105).

Обращает на себя внимание группа предприятий, которые отказались ответить на вопрос о структуре собственности. Они заметно реже входили в состав бизнес-ассоциаций. При этом они реже оказывали помощь властям в социальном развитии региона, но существенно чаще получали господдержку на региональном и местном уровне. В этой связи А. Яковлев и А. Говорун приходят к выводу, что в этой группе доминируют предприятия, аффилированные с местными и региональными чиновниками (Яковлев, Говорун, 2014, с. 123).

3. Бизнес-ассоциации как форма межфирменного сотрудничества

Анализ деятельности российских бизнес-ассоциаций показывает, что их участники активно используют возможности сотрудничества в рамках этих структур. Речь идет об обучении персонала, маркетинговых исследований, распространении инновационного опыта (Pyle, 2006).

Так целью Ассоциации Товаропроизводителей Забайкалья (АТЗ) является не только отстаивание общих интересов своих членов в конкурентной борьбе, но осуществление поддержки в выстраивании схем сбыта продукции, поиска партнеров и контрагентов². Ассоциация занимается координацией деятельности членов ассоциации, организует их взаимовыгодное сотрудничество, оказывает помощь предпринимателям в продвижении заказов, привлечении инвестиций. Создана и совершенствуется информационная база в области экономики, включающая информацию о проводимых мероприятиях (выставках, конкурсах, тендерах, аукционах и др.), об организаторах этих мероприятий, об условиях участия в них. Сформированная база данных спроса и предложений, услуг членов Ассоциации позволяет осуществлять целевой поиск российских и иностранных партнеров.

Вместе с тем, задачи АТЗ охватывают выявление общих проблем промышленного, технического и социального характера, формирование задач экономической политики региона. Проявляя свою готовность внести свой вклад в социально-экономическое развитие региона, Ассоциация рассчитывает и на ответную реакцию. АТЗ взаимодействует с органами государственной власти и органами местного самоуправления по вопросам содействия товаропроизводителям на местном и государственном уровне. При ее активном участии был принят ряд региональных и городских нормативных актов, создающих более благоприятные условия для деятельности делового сообщества.

Как защита юридических прав и законных интересов членов ассоциации, так и другие направления их поддержки требуют соответствующих ресурсов. Наличие экспертного ресурса – один из основных внутренних факторов успеха бизнес-ассоциаций. Речь идет о необходимом уровне компетентности у аппарата ассоциации, а также о возможности привлекать для проработки конкретных вопросов юристов и других экспертов, работающих в штате предприятий-членов (Яковлев, Зудин, Голикова, 2011).

В этой связи возникает вопрос о размерах ежегодных взносов для обеспечения деятельности бизнес-ассоциации. Опросы ассоциаций показывают, что в большинстве случаев они имеют минимальный аппарат (от 3-5 до 15-20 сотрудников) и функционируют за счет членских взносов, которые обеспечивают 80-100% их основного бюджета. Размер взносов существенно варьируется, начиная 15 тыс. рублей, как в представленной выше Ассоциации Товаропроизводителей Забайкалья. Распространенным явлением были дифференцированные взносы для предприятий разных размеров. Сверх этих бюджетов мно-

---

² <http://www.agroserver.ru/user/5168/>

гие ассоциации привлекали от фирм-членов «целевое» финансирование для реализации конкретных проектов или проведения конкретных мероприятий. В условиях финансового кризиса многие ассоциации соглашались на отсрочку в уплате взносов, но в целом исключение неплательщиков стало правилом для работающих объединений (Яковлев, Зудин, Голикова, 2011).

Повышение эффективности бизнес-ассоциаций как средства кооперации участников представляется возможным в двух направлениях.

1. В настоящем виде эти ассоциации могут быть отнесены к сетевым структурам. При сохранении этого качества оправдано обращение к факторам эффективности региональных сетевых структур.

2. Другое направление – перестройка системы локальной хозяйственной ассоциации предприятий для усиления ее хозяйственных функций.

4. Повышение эффективности региональных бизнес-ассоциаций как сетевых структур

Сетевые структуры многие специалисты рассматривают как ведущую организационную форму бизнеса в современной экономике. С созданием таких структур все чаще связывают эффективное развитие и региональной экономики. Речь идет о формировании региональных производственных кластеров, позволяющих снизить транзакционные издержки, вовлечь в инновационную деятельность малые и средние предприятия. Благоприятствует появлению таких кластеров информационно-аналитическая поддержка бизнеса, наличие эффективной системы привлечения и подготовки квалифицированных кадров. В этой связи традиционные формы межфирменного сотрудничества в рамках бизнес-ассоциаций предстают средствами создания благоприятных условий для становления региональных сетевых структур. Зарубежный опыт свидетельствует о широком распространении региональных сетей кластерного типа (Порваткина, 2011).

Катализатором формирования таких структур может служить активное участие бизнес-ассоциаций в совместной с региональными властями разработке региональных целевых программ. Особенно важно, чтобы это сотрудничество власти и бизнеса не ограничивалось подготовкой комплексного научно-технического и социально-экономического прогноза развития региона на долгосрочную перспективу, заданием целевых показателей региональных программ, но охватывало и определение нормативных и экономических механизмов реализации этих программ.

В литературе имеются следующие рекомендации по системе управления региональных сетевых структур территориального типа. Предлагается создание трехуровневой структуры для координации деятельности производственного комплекса региона. На первом базовом уровне такой структуры будут находиться непосредственно фирмы, участвующие в сетевой структуре. На втором уровне будет объединение этих фирм в некоммер-

ческие партнерства по направлениям деятельности, что позволит вырабатывать консолидированные решения по основным направлениям развития. Далее предполагается представление принятых решений на третьем уровне в некоммерческом партнерстве, определяющем всю политику развития региональной сетевой структуры (Абрамов, Морозов, 2014). По мнению этих авторов, организационно-управленческие функции таких структур охватывают вопросы формирования кадрового потенциала; трансфера технологий производственно-социальных процессов, способов управления, форм рыночных отношений; системы информационной поддержки трансфера технологий, и, наконец, потребителей товаров и услуг.

Отдельное внимание заслуживает финансово-экономический аспект механизма функционирования региональных сетевых структур. Этот механизм призван обеспечить концентрацию финансовых и научно-технических ресурсов на приоритетных направлениях развития регионов. Следует, однако, учитывать, что сетевая структура характеризуется существенными ограничениями для маневрирования ресурсами, поскольку предполагает сохранение собственности на свои ресурсы за участниками сети. Формирование совместных предприятий, корпоративных структур означает отход от сетевого типа межфирменных взаимодействий.

Тем не менее, привлекательным качеством сетевых отношений остается возможность включения в них не только предприятий, но и властных структур, населения. В этой связи весьма полезным представляется опыт Финляндии. Ключевая идея сетевого управления, реализуемая в Финляндии, заключается в том, что в процессе принятия решений иерархическая модель отношений государства и общества замещается долгосрочными отношениями взаимозависимости между акторами, действующими в различных государственных и общественных структурах. Причина такого замещения - неспособность власти самостоятельно преодолеть возникающие трудности. Последние годы правительство Финляндии увеличивало количество функций муниципалитетов. Все более качественных услуг требовали и граждане. Несоответствие между ресурсами муниципалитетов и стоящими перед ними задачами привело к росту числа муниципалитетов, имеющих дефицитный бюджет. В такой ситуации формирование межмуниципальной кооперации и местных сетевых структур было избрано в Финляндии одним из направлений реформы местного самоуправления, инициированной правительством в 1989 г.

Можно рассматривать такой выбор как реакцию на положение, когда общественный сектор значительно более зависим от частного и неправительственных секторов, нежели двадцать-тридцать лет назад (Курочкин, 2011). В таком положении оправдано, что значительный объем политико-административных решений вырабатывался и реализовывался посредством взаимодействия между публичными и частными акторами.

В Финляндии на региональном уровне в качестве сетевых управленческих структур выступают Комитеты регионального управления. Они занимаются вопросами региональ-

ного развития, обеспечивают координацию исполнения и финансирования региональных стратегических программ. Комитеты регионального управления формируются из представителей следующих групп акторов: муниципалитетов, государственной власти, представителей бизнеса и неправительственных организаций. Они вырабатывают и согласовывают предложения в годовой план реализации стратегических программ, включая общеевропейские программы, выполняемые под эгидой ЕС.

Вступление Финляндии в Евросоюз привело к активизации формирования сетевых структур и кооперации в сельской местности. Евросоюз поддерживает создание местных инициативных групп на муниципальном уровне. Задача этих групп - обсуждение насущных местных проблем и поиск совместно с муниципальной властью их консолидированного решения. Таким образом, сетевые структуры на региональном уровне Финляндии активно востребованы в процессе принятия решений, имеют реальные полномочия и хорошо мотивированы для кооперации (Курочкин, 2011).

Легко видеть, что проблемы, с которыми сталкиваются российские муниципальные образования, похожи на финские проблемы. Это и недостаток опыта решения усложняющихся задач, и ограниченность материально-финансовых ресурсов.

5. От сетевой структуры к формированию региональных корпораций

Важной тенденцией, охватившей ряд российских регионов, является формирование корпораций развития (ОАО «Региональная корпорация развития» Ростовской области, ОАО «Тульская региональная корпорация развития государственно-частного партнерства», ОАО «Корпорация развития Владимирской области», ОАО «Корпорация развития Липецкой области» и др.). Хотя региональные власти обычно выступают учредителями этих корпораций, их деятельность ориентирована на «внедрение механизмов государственно-частного партнерства при реализации инвестиционных проектов во всех сферах жизнедеятельности»³. Как указывается в Стратегии ОАО «Тульская региональная корпорация развития государственно-частного партнерства» на период 2012-2016 годов, «модель корпорации развития предусматривает баланс государственных, коммерческих и специальных целей». В Концепции деятельности ОАО «Корпорация развития Брянской области» ставится задача «создать механизм финансирования развития инвестиционных площадок и индустриальных парков, минимизирующий прямое участие средств областного бюджета, в том числе за счет привлечения частных инвесторов. Привлечение средств путем эмиссии и продажи акций Корпорации, создания дочерних компаний и компаний со смешанным капиталом и т.п.».

Сами учредители рассматривают создаваемые корпорации как институты развития, формируемые в рамках внедрения принятого в 2012 году Стандарта деятельности органов

---

³ Стратегия ОАО «Тульская региональная корпорация развития государственно-частного партнерства» на период 2012-2016 годов.

исполнительной власти субъектов Российской Федерации по обеспечению благоприятного инвестиционного климата в регионе⁴. Региональный инвестиционный стандарт – ключевой проект Агентства стратегических инициатив по созданию благоприятных условий для ведения бизнеса в регионах. Стандарт включает 15 лучших инвестиционных практик, используемых экономически наиболее успешными регионами. основополагающая роль в этом Стандарте отводится Инвестиционной стратегии региона, при этом подчеркивается, что ее разработка и изменение должны вестись публично. К публичному обсуждению Стратегии привлекаются эксперты, предприниматели и инвесторы.

Несмотря на наличие представленного стандарта, по мнению Директора Департамента региональной политики Внешэкономбанка С. Астафурова, региональные институты развития нуждаются в методической и методологической поддержке. «Подавляющее большинство из них ещё не сформулировали для себя цели и задачи своей деятельности. Как следствие, не имея этих опорных точек, их работа с инвесторами бессистемна. Другой проблемой является то, что руководство этих организаций берет на себя завышенные обязательства, ставит перед собой заведомо невыполнимые цели и сроки... Неопределенность функционального назначения региональных институтов развития приводит лишь к дополнительным обременениям для регионального бюджета, а сами проекты, под которые привлекаются инвестиции, не способствуют комплексному развитию экономики субъекта. Особо хотелось бы выделить такую проблему, как «искусственное» создание институтов развития в регионах только с целью «соответствовать» современным требованиям. Такой подход дискредитирует не только идею «Регионального инвестиционного стандарта», но и, в первую очередь, саму региональную власть в глазах бизнес-сообщества... Что касается региональных корпораций развития как институтов развития, то они должны выполнять функцию «проектного офиса», т.е. инициировать инвестиционные проекты, готовить проектную документацию в полном объеме на профессиональном уровне, привлекать инвесторов, сами участвовать в софинансировании (чтобы их деятельность приносила прибыль), проводить постоянный мониторинг реализации проектов»⁵.

Сохраняющиеся претензии к формированию целей деятельности региональных институтов развития (региональных корпораций развития) подтверждают актуальность проблемы взаимоувязки на региональном уровне трех основных процессов (социального, производственного и экономического). Принципиальным направлением решения этой проблемы является усиление влияния населения на определение стратегии регионального развития. До сих пор фактически не используется такой инструмент выявления позиций населения по обсуждаемым вопросам как референдум. Обращение к этому инструменту прямой демократии может способствовать повышению доверия к институтам представи-

---

⁴ <http://bizgaz.ru/2014/01/17/eks-zamgubernatora-goncharov-vozglavil-oao-regionalnaya-korporaciya-razvitiya.html>

⁵ <http://www.iorpy.pf/investicii-innovacii/611-sergej-astafurov-regionalnye-korporatsii-razvitiya-dolzny-vypolnyat-funktsiyu-proektnogo-ofisa>

тельной демократии. Для эффективного использования возможностей референдумов важно, чтобы представительная власть могла сформулировать и обосновать свою позицию по выносимым на референдум вопросам. Невнятная позиция властей окажет влияние на отношение электората к самим этим властям. С другой стороны, убедительная позиция по вопросам референдума способна не только повысить авторитет бизнес-сообщества, но и помочь его предпринимательской деятельности.

Целесообразно учесть неоднозначный опыт формирования корпораций развития при перенесении практики их создания с регионального уровня на уровень муниципальный. Как на федеральном, так и на региональном (и муниципальном) уровне весомым фактором успеха бизнес-ассоциаций остается личность их руководителя. Конечно, имеют значение его контакты во властных кругах и в бизнес-среде. Однако, сомнительно, что удастся реализовать созидательный потенциал бизнес-ассоциации при скептическом отношении населения к ее руководителю. От его отношения к интересам местного населения зависит выбор модели функционирования конкретной ассоциации.

Литература

1. Абрамов Р.А., Морозов И.В. (2014). Направления повышения эффективности формирования региональных сетевых структур. [электронный] // Управление экономическими системами: электронный научный журнал, № 1 (61). - № гос рег. статьи 0421200035, с. 103-110.
2. Глазырин М.В. (2012). Социально-производственный комплекс – системная основа модернизации и саморазвития. – М.: Наука.
3. Курочкин А.В. (2011). Сетевые формы регионального и местного управления: опыт современной Финляндии // Журнал *Ars Administrandi*, № 1.
4. Маевский В., Малков С. Перспективы макроэкономической теории воспроизводства // Вопросы экономики. 2014. № 4. С. 137–155.
5. Полтерович В.М. (2009). Проблема формирования национальной инновационной системы // Экономика и математические методы, № 2.
6. Порваткина М. В. (2011). Зарубежный опыт формирования и развития региональных кластеров в экономически развитых странах // Вестник Томского государственного педагогического университета, № 12.
7. Талей Н.Н. (2013). Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус.
8. Яковлев А.А., Говорун А.В. (2011). Бизнес-ассоциации как инструмент взаимодействия между правительством и предпринимателями: результаты эмпирического анализа // Журнал новой экономической ассоциации, №9.
9. Яковлев А.А., Зудин А.Ю., Голикова В.В. (2011). Бизнес-ассоциации и их роль в процессах модернизации в России // Общественные науки и современность, № 3.
10. Doner R., Schneider B.R. (2000). Business Associations and Economic Development: Why Some Associations Contribute More Than Others // *Business and Politics*, 2, 261-288
11. Locke, R.M. (2001) *Building Trust*. Annual Meetings of the American Political Science Association, San Francisco, U.S.A. (http://rlocke.scripts.mit.edu/docs/papers/Locke_BuildingTrust.pdf).
12. Markus, S. (2012). Secure property as a bottom-up process: Firms, stakeholders, and predators in weak states // *World Politics*, 64(2).
13. Pyle W. (2006). Collective Action and Post-Communist Enterprise: The Economic Logic of Russia's Business Associations // *Europe–Asia Studies*, Vol. 58, № 4. June. P. 491–521.
14. Teece D.J. (2009). *Dynamic Capabilities and Strategic Management*. – Oxford: Oxford University Press.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АГЕНТЫ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ СТРУКТУР И КОДОВ*

1. Введение

Рассмотрение экономических агентов любого уровня и любой формы – индивида, предприятия, сообщества и пр. – в *системе социальных структур* предполагает их трактовку, во-первых, в качестве элемента системы в виде единицы, взаимодействующей с другими единицами, а во-вторых – как сложноустроенной единицы, обладающей собственной структурой; первая единица ассоциируется с индивидуальным или групповым игроком в макросреде, вторая – в особенности для групповых агентов с организацией-институтом, задающей для входящих в нее микро-игроков [институциональные] правила их [внутриорганизационной] игры.

Поведенческие установки экономических агентов или их стратегии поведения в таком случае будут иметь преломление как на мезо-/макро-/мега-, так и на микро-/нано-средовых характеристиках социально-экономической системы, проявляясь на различных уровнях специфическим образом. Важно при этом то, что индивидуальные и более привычные для понимания групповые экономические агенты, трактуемые в качестве социальных структур, могут быть рассмотрены также в *системе кодов*, без которых нет кодифицируемых правил ни для какой игры – будь-то для игры высшего, или низшего уровня. Игра служит метафорой для обозначения экономических действий, игроки – такой же метафорой для характеристики экономических агентов (индивидуальных или групповых хозяйствующих субъектов), равно как и правила игры служат метафорой для передачи могущих быть кодифицированными норм и регуляций, ограничивающих и/или направляющих действия игроков-агентов различных уровней.

Что же такое *социальные структуры* и *коды*, и почему они так важны для представления экономических агентов и для понимания их роли в процессе модернизации институциональной системы российской экономики – вопрос, на который мы попытаемся дать ответ в настоящей работе. Структура работы: в разделе 2 рассматриваются понятия социальных структур и кодов и связанных с ними институтов. В разделе 3 сопоставляются цивилизация и религия в плане их каузального соотношения между собой. Разделы 4 и 5 посвящены неформальным институтам и формальным институтам контрактации и прав собственности соответственно. В разделе 6 рассматриваются вопросы соотношения индивидов и корпораций, в разделе 7 – семиотики. Завершается статья разделом 8 – заключение.

---

* Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 14-06-00207) «Разработка модельного инструментария модернизации институциональной системы российской экономики с учетом фактора воздействия иностранного капитала на ее инновационное развитие».

2. Социальные структуры и коды и их отношение к институтам

Как соотносится понятие экономических агентов с понятиями структурных структур и кодов и связанными с ними родственными понятиями, в частности, институтов? Будем исходить из того, что понятие институтов является по сравнению с понятием структур более узким: социальные институты суть элементы социальных структур¹; обратное утверждение может оказаться не вполне корректным, поскольку не всякая социальная структура содержит ключевое для понимания институциональной характеристики множество кодифицируемых отношений. Предприятие как институт является социальной структурой, а как организация – ее частью, элементом, подсистемой. Что это – две ипостаси предприятия или не сводимые друг к другу различные его представления? По Дж.Ходжсону и Дж.Серлю, «институт – это особый тип социальной структуры, которая содержит потенциально кодифицируемые (подчеркнуто мной. – Б.Е.) и (явно или имманентно) нормативные правила интерпретации и поведения»².

Нет ли противоречия в утверждении, что предприятие является институтом и организацией одновременно? При буквальном восприятии сути институтов, данной Д.Нортом с характерным для него разграничением правил игры от игроков, не сводимых друг к другу, противоречие выглядит очевидным. Но переписка Ходжсона и Норта заставляет в этом усомниться, она проливает свет на мнимый характер этого «противоречия», внося ясность посредством разграничения процедур абстрагирования и определения, понятий абстракции и дефиниции. В письме от 10 сентября 2002 г. Норт в ответ на утверждение Ходжсона, что организации являются особыми институтами, пишет: «Думаю, что для определенных целей организации можно рассматривать как институты, но для моих целей организации отделяются от институтов. То есть меня интересуют макроскопические аспекты организации, а не ее внутренняя структура. Если бы в центре внимания была последняя, ... я бы заинтересовался внутренней структурой, управлением и, разумеется, всеми внутренними проблемами структуры, организации и конфликта интересов»³.

Ходжсон приходит к выводу, что Норт не определяет организации как нечто принципиально отличное от институтов, он только абстрагируется от институциональной природы организации, поскольку для целей его исследования достаточно представить ее в качестве игрока, могущего вступать во взаимодействие с другими игроками.

Интересна логика возникновения институтов, которую целесообразно изложить, по меньшей мере, с двух точек зрения – умозрительной и исторической.

В соответствии с первой логика такова:

- люди живут в сложноустроенном обществе;
- люди суть социальные (общественные, политические) существа;

---

¹ Wells A. Social Institutions. London: Heinemann, 1970. P. 3.

² Hodgson G.M. What Are Institutions? // Journal of Economic Issues. 2006. Vol. XL. No.1. P. 3.

³ Hodgson G.M. 2006. Ibid. P. 19.

- для уменьшения неопределенности люди создают, спонтанно или осознанно, специальные механизмы, устройства, в чем, кстати, проявляется их разумность, рациональность – даже, если они не отдадут себе в этом отчета;

- такие механизмы, принявшие форму устойчивых установлений, называются институтами.

В соответствии со второй (исторической) точки зрения логика такова:

- превращение особей в индивидов (социальных существ) являет собой акт перехода от необщественной системы к социуму как системе, одновременно это есть акт перехода от не-институциональной системы к системе институциональной. Как следствие: институты укоренены в социуме; нет социума без институтов, как нет и институтов без социума;

- возникшие институты крепнут, развиваются, отмирают, возрождаются (возможны различные комбинации применительно к конкретным институтам) вместе с их носителями – индивидами и обществом, в котором они укоренены;

- различные страны и общества демонстрируют разнообразие институциональных систем⁴.

Далее, в развитие мысли о том, что социальные институты являются элементами социальных структур, отметим, что успешное или неуспешное функционирование институтов может непосредственно отразиться со знаком плюс или минус на функционировании социальной системы. Так, к примеру, систематическая дисфункция институтов может негативным образом сказаться на социальных структурах и национальном коде. Если позитивные изменения кода могут вести к экономическому росту, то негативные, напротив, с большой долей вероятности будут вести к потере идентичности, о чем свидетельствует ознакомление с долгосрочными трендами изменения культурных характеристик и мега-экономической динамикой. Из этого ознакомления можно сделать вывод о том, что, по всей видимости, «есть такие характеристики культуры, которые способствуют росту в определенных направлениях и те, которые препятствуют»⁵.

В продолжение темы институтов как особого типа социальных структур, содержащих потенциально кодифицируемые правила, отметим, что кодификация может относиться не только к правилам интерпретации и поведения, но и к предметам, точнее, коды могут найти воплощение в предметах, соответственно социальные коды – в социально значимых предметах. Можно сказать и иначе: предметы, носящие социальные значения, в состоянии конституировать коды, предписаниям которых могут / должны следовать экономические, в числе прочих, агенты. «Несомненно, – пишет в своей знаменитой про-

---

⁴ Львов Д.С., Зотов В.В., Ерзнкян Б.А. К теории институтов и институциональных преобразований. // Теория и практика институциональных преобразований в России / Сборник научных трудов под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 8. М: ЦЭМИ РАН, 2007. С. 12.

⁵ Аузан А.А., Никишина Е.Н. Долгосрочная экономическая динамика: роль неформальных институтов // Журнал экономической теории. 2013. № 4. С. 53.

граммной книге «К критике политической экономии знака» Жан Бодрийяр, – что предметы являются носителями индексированных социальных значений, носителями социальной и культурной иерархии, что обнаруживается в мельчайшей из их деталей – форме, материале, цвете, сроке службы, расположении в пространстве и т.д., – то есть они конституируют некоторый код»⁶.

Сделаем уточнение в отношении модальности «могут/должны»: индивиды и группы следуют предписания кода, но не беспрекословно: их поведение кодифицировано, но не фатально, а значит и долженствование не возведено в превосходную степень, и оно не далеко отстоит от возможности. Получается, что в своем поведении они находятся где-то между «могут» и «должны». Такие люди обладают степенями свободы, и они «используют различительный и императивный список предметов как любой другой моральный или институциональный код, то есть используют его по-своему: они с ним играют, обманывают его, говорят на нем, соглашаясь со своим классовым диалектом»⁷.

Социальные коды – моральные и институциональные – со временем или в силу иных обстоятельств могут видоизменяться; эти изменения могут быть желанными или не очень, болезненными или более или менее гладкими, навязанными или выстраданными. Перечень прилагательных, проливающий свет на их характер, можно продолжить. Оставляя вопросы исследования мира предметов в стороне, остановимся на характере собственно институциональных изменений, их типовых формах (если таковые имеются), связанных с ними рисках и последствиях.

Для схематической иллюстрации институциональных изменений, а также для проведения определенных аналогий и аллюзий с контрактными и организационно-управленческими схемами Оливера Уильямсона⁸, воспользуемся рисунком и обозначениями его схем, но с нашей – институциональной – начинкой (см. рис. 1).

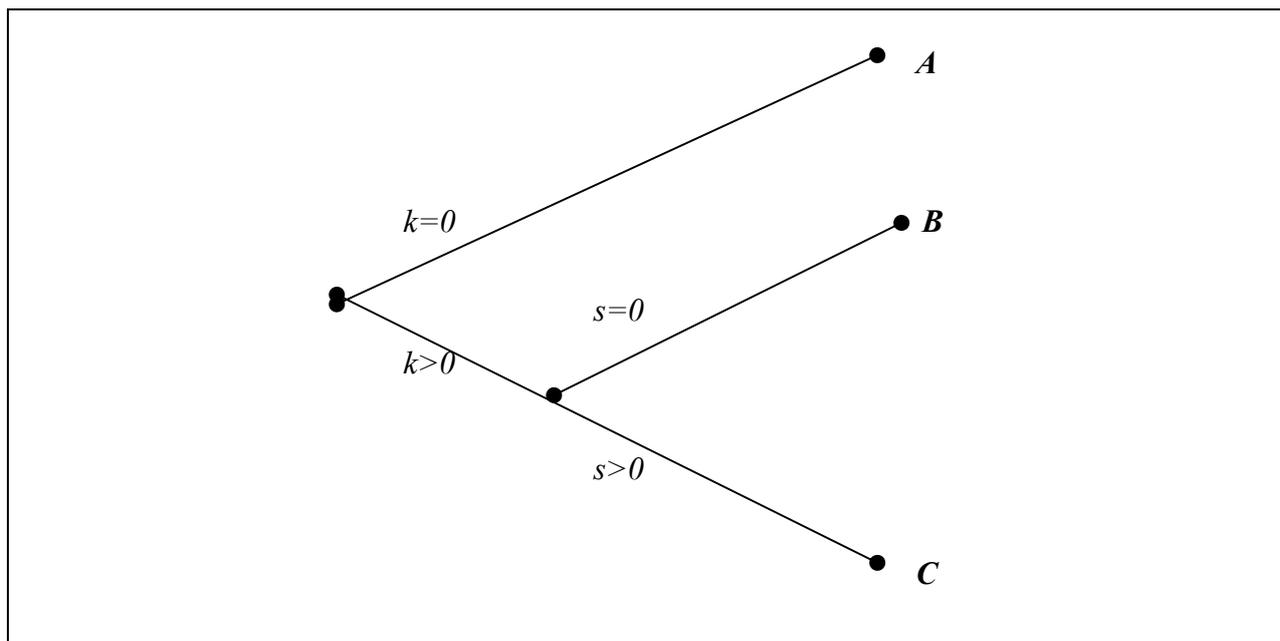
Предположим, что какой-то институт уже не соответствует изменившимся обстоятельствам либо для обеспечения нормального функционирования [какой-либо сферы] общественной деятельности в нем появляется нужда и общество предъявляет спрос на него. И не так уж и важно, приобретает ли институт на рынке институтов или является плодом собственного законотворческого или иного институционального творчества, главное – обеспечить по возможности безболезненное внедрение нового института в уже существующую институциональную систему. Критерий безболезненности или, если угодно издержек по его внедрению, будь он трансплантат или пионерная разработка, минимизация внедренческих затрат и, что более важно, рисков по его возможному отторжению.

---

⁶ Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М.: Академический Проект, 2007. С. 25.

⁷ Бодрийяр Ж. 2007. Там же. С. 26.

⁸ Уильямсон О.И. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контракция. СПб.: Лениздат; CEV Press, 1996. С. 76, 454.

$k=0$ – низкая специфичность заимствования и высокая степень совместимости с институциональной системой страны-реципиента;
 $k>0$ – высокая специфичность заимствования и низкая степень совместимости с институциональной системой страны-реципиента;
 $s=0$ – отсутствуют защитные механизмы от эрозии институциональной системы;
 $s>0$ – предусмотрены механизмы защиты от эрозии институциональной системы;
A – состояние устойчивости;
B – состояние неустойчивости, высок риск дисфункции институциональной системы;
C – состояние устойчивости.

Рис.1. Простая институциональная схема

Каковы источники возможных рисков? В своей Нобелевской речи Дуглас Норт указывает на один из источников: риски, по его мнению, могут быть порождены тем, что страны – импортеры институтов в результате их внедрения в свою институциональную систему получают совсем не то направление развития, которое практиковалось в странах – их экспортерах и на которое они рассчитывали⁹.

Для стран постсоветского пространства в этой связи важно не упускать из виду то, что механический перенос политических и экономических законов западных рынков «не является достаточным фактором успешного его функционирования, а проводимые в них приватизация и вообще институциональные преобразования не являются панацеей для разрешения экономических проблем»¹⁰.

⁹ North D.C. Economic Performance through Time. Lecture to the Memory of Alfred Nobel. December 9, 1993 [<http://nobelprize.org/economics/laureates/1993/north-lecture.html-not>].

¹⁰ Ерзкян Б.А., Ерзкян М.Б., Сухинин И.В. Транзакционные факторы экономического развития [Текст] : монография. М.: ГУУ, 222011. С. 11.

Если институт-трансплантат является совместимым или близким по своему устройству институциональной системе, то риски будут минимальны или их и вовсе не будет; такой случай можно обозначить как $k=0$, в противном случае – при максимальных рисках, обозначаемых через $k>0$, – будем иметь ситуацию высокой степени специфичности для системы – реципиента нового института.

Например, после начала рыночно ориентированных реформ 90-х годов прошлого столетия, когда в России началось массовое и некритическое заимствование западных институтов, была предпринята попытка внедрения трастового управления. Траст, как известно, является элементом правовой системы *common law*, отличной от обеспечивающей функционирование российского общества системы *civil law*. Юристы знают, каково это вводить элемент общего права в систему гражданского права, который строится на иной основе, и крах этой затеи можно было предвидеть.

Означает ли это, что любая попытка внедрения чуждого института обречена на неудачу? Отнюдь!

Если будут предусмотрены защитные механизмы, $s>0$, то степень успешности исхода от внедрения нового института будет высокой, в противном случае, $s=0$, придется быть готовым к возможной неудаче. И проблема не только, даже не столько в отторжении нового института, сколько в его последующем функционировании в качестве чуждого и несовместимого с системой-реципиентом института, что грозит самой институциональной системе эрозией, деградацией, дисфункцией – по аналогии с раковой опухолью, несущей организму смертельную опасность.

Возникает вопрос, а откуда можно брать эти самые механизмы защиты? Готовых рецептов на все случаи жизни, очевидно, нет. В то же время, в особенности, в работах, посвященных теории реформирования, предлагаются и описываются решения, которые могут быть интерпретированы в качестве примеров гарантий или защитных механизмов. Так, на наш взгляд, к таким решениям-механизмам можно отнести создание, в соответствии с предложениями В.М. Полтеровича, серии промежуточных институтов.

В определенном смысле постепенное и поэтапное внедрение [промежуточных] институтов является *имитацией* эволюционного, хотя и запланированного и ускоренного, пути институционального развития, которое противостоит революционному пути с его немедленным внедрением целевых институтов. Оговоримся, что слово «имитация» в данном контексте несет в себе положительный заряд, и его не следует путать с имитацией бурной деятельности при отсутствии таковой. В то же время, не исключено, что могут быть и профанации идеи Полтеровича, но это уже вопрос добросовестности и/или квалификации разработчиков институциональных проектов.

Важность же поэтапного реформирования через создание промежуточных институтов объясняется тем, что, как показывает практика, именно желание наскоком, игнорируя возможные риски и не задумываясь о последствиях реализации, внедрить сразу финаль-

ные, взятые в качестве целевых ориентиров институты оборачиваются впоследствии катастрофой. По большому счету неудачи всех стран, в которых реформирование осуществлялось по рецептам «Вашингтонского консенсуса», абсолютно не учитывающего их институциональную специфику, этим и объясняются. Что это – недомыслие авторов рецептов или сознательная стратегия по замаскированному под благие намерения целенаправленному закабалению и превращению бедных стран в еще более бедные? Вопрос, как говорится, риторический!

В завершение сюжета об институциональной схеме отметим, что возможны три ситуации, из которых *A* и *C* (последняя благодаря защитным механизмам) являются институционально устойчивыми, стабильными, а *B* – неустойчивой, потенциально опасной.

Когда число несовместимых институтов, к тому же не подкрепленных никакими механизмами защиты, начинает зашкаливать, степень опасности многократно возрастает, и «в общественной жизни начинают проступать признаки нарастающего социального разлома», а у человека, да и народа целом «вырабатывается чудовищная реакция к тому, что, казалось бы, невозможно вынести, – **синдром вживания в катастрофу**». Главная опасность такой, зашкаливающей своей нестабильностью ситуации *B* заключается в том, что она угрожает уже не столько институциональной системе общества, сколько обществу со всеми ее структурами и кодами в целом, вдобавок, продолжая цитировать академика Д.С.Львова, она «разрушает не только социально-психологический климат в обществе, но и здоровье людей»¹¹.

Это предостережение Дмитрия Семеновича Львова о грозящей стране и ее людям смертельной опасности, predeterminedенной насильственным внедрением всего формата не совместимых со здоровьем нации чуждых ее менталитету и обычаям неолиберальных институтов¹², так и осталось во многом, если и услышанным, то не понятым, если и понятым, то не принятым властями к руководству.

3. Цивилизация и религия: что чему предшествует?

То, что религия является важнейшим и во многом формирующим неповторимый облик любой цивилизации, а стало быть, и принадлежащих к ней [популяции] агентов, в том числе экономических, характерологическим фактором, вряд ли может оспариваться. Разумеется, могут быть различные толкования религии, но при широком подходе, ассоци-

---

¹¹ *Львов Д.С.* Проблемы долгосрочного социально-экономического развития России: (Научный доклад на Президиуме РАН 24 декабря 2002 г.). Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 2003. С. 15.

¹² Такие институты нашли свое полное отражение в предписаниях Вашингтонского консенсуса – ортодоксальной концепции реформирования, включающей совокупность идей относительно политики перехода стран постсоветского пространства к рыночной экономике, которая была сформулирована представителями ряда влиятельных организаций и исследовательских центров Запада и которая была направлена на скорейшее проведение в странах-реципиентах либерализации, приватизации и макроэкономической стабилизации.

ируемом с религиозным чувством, которое является глубочайшей внутренней потребностью любого человека, религия неразрывна от цивилизации. Эрих Фромм, «имея в виду не институт религии с богом и обрядами и не желание какой-нибудь личности поклоняться идолам и стоять на пьедестале и принимать поклонение других»¹³, дает расширительную дефиницию религии. Этим словом он называет «*всякую систему идей, ценностей и образцов поведения, которая принимается определенной группой и дает каждому в отдельности жизненные ориентиры и объект поклонения*»¹⁴. Именно в таком понимании религия или религиозное чувство имеет значение для понимания цивилизации. Конечно, рассматривая феномен религии в определенном историческом контексте, нельзя будет абстрагироваться от формы, в которой религия в широком смысле находит свое конкретное институциональное воплощение. И такое абстрагирование, граничащее с игнорированием конкретики, было бы, по крайней мере, с институциональной точки зрения, ошибочным. В дальнейшем из контекста будет ясно, в каком смысле употребляется слово «религия» – как синоним «религиозного чувства» или как обозначение религии как института, хотя, наверное, проведение четкого разграничения между «религиозно чувственным» и «религиозно институциональным» восприятием / толкованием религии не всегда будет даваться легко.

С учетом сказанного зададимся вопросом: что чему предшествует – религия цивилизации или цивилизация религии?

Ситуация, во всяком случае – отчасти, подобна дилемме «курица или яйцо». Так, «Тойнби полагал, – пишет в этой связи Н.Н.Моисеев, – что религия является одной из основных характеристик цивилизации и даже определяет цивилизации. Я же думаю, что наоборот – цивилизация выбирает религию»¹⁵. Как видим, здесь с предельной ясностью академик Н.Н.Моисеев выделяет цивилизацию в качестве определяющего религию или, точнее, выбор религии для удовлетворения своих нужд, фактора. Конечно, он понимает взаимное влияние обоих феноменов друг на друга: «Слов нет – религия оказывает огромное влияние на формирование духовного мира человека и тем самым на утверждение тех или иных цивилизационных догм. <...> Вряд ли ... можно отрицать ... и обратное влияние цивилизации на формирование религии»¹⁶. В подтверждение своего тезиса о формировании не столько религией цивилизации, сколько о «выборе» самой цивилизацией той или иной религии с ее адаптацией «к своим духовным и материальным потребностям», Н.Н.Моисеев приводит довод временного характера: *цивилизация предшествует религии.*

---

¹³ Фромм Э. «Иметь» или «быть». М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2012. С. 206.

¹⁴ Фромм Э. 2012. Там же. С. 206.

¹⁵ Моисеев Н.Н. Избранные труды. В 2-х томах. Т.2. Междисциплинарные исследования глобальных проблем. Публицистика и общественные проблемы. М.: Тайдекс Ко, 2003. С. 95.

¹⁶ Моисеев Н.Н. 2003. Там же. С. 97.

И действительно, «любая цивилизация возникает гораздо раньше религии, принятой теми или иными народами, а цивилизационные стандарты меняются весьма медленно»¹⁷.

Особо следует подчеркнуть понимание автором важности *институционального фактора*: предшествование во времени могло бы ничего не значить, не будь инерционности институтов – того, что принято обозначать понятием «зависимость от траектории предшествующего развития», *path dependency*. Разумеется, и религиозные институты инерционны, но эта инерционность наслаивается на уже существующую инерционность цивилизации как данности и одновременно как готовой почвы для возвращивания на ней сопровождающих и обеспечивающих действенность и жизнеспособность религии институтов. В результате такого наслаивания происходит сложное переплетение институтов, и в каждом конкретном случае необходимо исследовать характер такого переплетения. Так, Европа, «точнее, европейская индивидуалистическая (технотронная) цивилизация, не приняла ислама. Она не могла его принять, как, наверное, не смогла принять даосизма, сводящего человека к роли «винтика» в общественном механизме, или японский принцип «забивания гвоздей». <...>. Точно также и Древняя Русь в IX веке ... не приняла» ислама. Что особенно важно, «христианство Древняя Русь приняла тоже особо. <...>. Она приняла православие, и тоже особое!», поскольку «понятие о совести, представление о месте Бога в жизни людей, сформировавшееся у восточнославянских племен, были далеко не греческими. Они в большей степени соответствовали представлениям первых христиан, чем византийских греков»¹⁸.

В связи с ассоциативной связью между русским православием и представлениями древних христиан было бы интересно провести параллель между армянами как первым в истории народом, принявшим христианство в качестве государственной религии в 301 г., и славянами, с одной стороны, и между ними как представителями восточной ветви христианства, и «латинянами», с другой. Возможно, истоки стратегической близости России и Армении не столько политико-экономические, сколько духовно-религиозные шире – цивилизационные; изучение в данном ключе помогло бы лучше понять современные интеграционные процессы и вскрыть глубинные потаенные пружины, толкающие их в лоно евразийской – российской как стержневого игрока – цивилизации, к интеграции, если и не противопоставляющей себя иным цивилизациям (европейской и северо-американской, в частности), то являющейся, по крайней мере, столь самобытной, столь и самодостаточной. Более того, есть все основания для утверждения, говоря словами Д.С.Львова, что «путь для России – путь для всех», ибо это путь перспективы: «ее притягательный образ

---

¹⁷ Моисеев Н.Н. 2003. Там же. С. 97–98.

¹⁸ Моисеев Н.Н. 2003. Там же. С. 98.

вселяет надежду на то, что, преодолев тяжелейшие испытания, она в очередной раз представит миру новое видение перспективы»¹⁹.

4. К вопросу о неформальных институтах

Проблематика неформальных институтов тесно соприкасается с близкими им вопросами социума и культуры, рассматриваемых в неразрывном единстве. Рассматривая различные общества через призму социокультурных факторов, можно их классифицировать по тем или иным признакам, в частности по признаку коллективистские и индивидуалистские общества. Так, в известном исследовании Грейфа²⁰ на материале средневековой Европы и арабских средиземноморских стран общественное устройство стран Магриба описывается через понятие «коллективистские», в Венеции – как «индивидуалистское»; этими веками, однако, дело не ограничивается: коллективистскими объявляются развивающиеся и переходные страны, в том числе Россия, соответственно индивидуалистскими считаются страны Западной Европы и Северной Америки. В целом такая классификация стран небеспочвенна. Разумеется, можно спорить о степени комбинации коллективистских и индивидуалистских начал в тех или иных странах, способах их проявления и т.п., но для отрицания такого разграничения нужны весомые доводы.

В этой связи обращает на себя внимание работа А.А.Аузана и Е.Н.Никишиной, в которой авторы по результатам проведенного в России, Германии и США исследования по социокультурным ключам модернизации утверждают, что «опровергнуто представление о русском коллективизме, потому что оказалось, что русские не просто индивидуалисты, а радикальные индивидуалисты»²¹.

Само утверждение о радикальном характере русского индивидуализма представляется достаточно радикальным, но насколько оно убедительно и справедливо – вот в чем вопрос? Вопрос не праздный, и с этим можно было бы просто поспорить или оставить сказанное на совести авторов, но настораживает то, что, как они сами пишут, «на основе такого рода исследований были сделаны выводы, которые были предложены Президенту и Правительству России»²².

И поскольку речь идет уже не только о высказанной мысли, а о таковой, которая подлежит претворению в жизнь, хотелось бы на ней остановиться.

Наша аргументация против «такого рода исследований», точнее, против выводов, сделанных по их результатам, базируется на некорректной интерпретации результатов, даже если методы применены исследователями корректно. Дело в том, речь идет об инди-

---

¹⁹ Львов Д.С. Россия: рамки реальности и контуры будущего. М.: Институт экономических стратегий, 2007. С. 84.

²⁰ Greif A. Cultural Beliefs and the Organization of Society: A Historical and Theoretical Reflection on Collectivist and Individualist Societies // The Journal of Political Economy. 1994. Vol. 102. No. 5. P. 912–950.

²¹ Аузан А.А., Никишина Е.Н. Долгосрочная экономическая динамика: роль неформальных институтов // Журнал экономической теории. 2013. № 4. С. 55.

²² Аузан А.А., Никишина Е.Н. 2013. Там же. С. 55.

видах, высказавших свое мнение по конкретным вопросам и проявившим себя индивидуалистами. Даже будь они трижды индивидуалистами, что из этого следует? Что Россия не принадлежит к коллективистскому типу общества? Отнюдь! Обратимся в этой связи к авторитету в области культуры и ее последствий – нидерландскому социальному психологу Г.Ховстеде²³. В одном из предложенных им пяти измерений культуры индивидуализм противопоставляется коллективизму. Но что для нас важно, так это то, что коллективизм является у Ховстеде не индивидуальной, а общественной (*societal*) характеристикой, обозначающей степень легкости, с какой люди объединяются в группы: в одних обществах группирование свойственно [не определенным, а в целом] людям, в других – не очень или вовсе нет. В этой связи нет ничего удивительного, что конкретные люди из коллективистского типа общества могут себя вести как индивидуалисты, тем более, если судьба занесет их в индивидуалистское общество, где зачастую *менее* типичные индивидуалисты будут проявлять свой индивидуализм *более* радикальным образом.

Этот феномен общеизвестен. Достаточно вспомнить высказывание Кафки о Гейне, зафиксированное Густавом Яноухом: «Несчастный человек. Немцы обвиняли его и обвиняют его в еврействе, а ведь он немец, и притом маленький немец, находящийся в конфликте с еврейством. И как раз это и есть типично еврейское в нем»²⁴. Точно так же, как Гейне (в интерпретации Кафки и с подачи Яноуха), конфликтуя с еврейством, пытается себя вести как немец, так и коллективист по принадлежности, конфликтуя с коллективизмом, может вести себя в индивидуалистском обществе как [радикальный] индивидуалист.

Это означает, что результаты исследования *могут быть* проинтерпретированы прямо противоположным образом, а именно: проявленный радикализм русского индивидуализма как раз и свидетельствует о коллективистских корнях участников экспериментального исследования, это и есть типично коллективистское в их поведении. Обращаем внимание на фразу «может быть»; мы не утверждаем, что любое проявление индивидуализма должно указывать на скрытый коллективизм, мы лишь говорим о такой возможности. Что из этого следует, так это то, что делать предложения Президенту и Правительству России по поводу индивидуалистского характера русского общества, тем более в радикальном его проявлении, является, мягко говоря, опрометчивым шагом, к тому же чреватых серьезными последствиями вследствие возможного принятия неверных решений.

Конечно, со временем в обществах могут происходить и определенно происходят изменения, касающиеся национальных культурных кодов. При этом одни институты могут не реагировать на эти изменения, другие – наоборот, реагировать, замечать их. Для различения двух типов институтов-правил удобно вслед за Серлем разграничить понятия правил конститутивных и регулятивных.

---

²³ Hofstede G. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context. Online Readings in Psychology and Culture. 2011. 2 (1). <http://dx.doi.org/10.9707/2307-0919.1014>

²⁴ Janouch G. Conversations avec Kafka. Paris: Maurice Nadeau, 1978.

Конститутивные правила можно определить как *дескриптивные* – в том смысле, что они описывают все то, что происходит в реальности; стало быть, если в обществе происходят изменения, то и институты, определяемые нами как конститутивные, будут адекватными этим самым изменениям, более того, такие институты будут не тормозить, а делать такие изменения возможными.

Регулятивные правила, напротив, являются *предписывающими*, (*нормативными*) – в том смысле, что они предписывают правильное поведение агентов, определяя все то, чему следует или не следует происходить в реальности.

В этой связи представляет интерес рассмотрение сдвигов в трактовке понятия «я» в таких западных культурах, как английская и французская, в которых языковые средства для выражения или обозначения первого лица сменились с прежде именительного падежа на нынешний притяжательный падеж в значении прежнего именительного: «*I*» и «*je*» трансформировались соответственно в «*me*» и «*moi*». Ортодоксальные лингвисты считают такие изменения отклонениями и продолжают настаивать на том, чтобы, скажем, носители английского языка употребляли бы «*It is I*» вместо «*It is me*»²⁵. Поступая так, они ведут себя выразителями – напомним, что язык является базовым социальным институтом, – регулятивных институтов. Такое поведение – дань греческой или латинской традиции, имевшей к реальному употреблению английского языка весьма отдаленное отношение²⁶. В отличие от них, сторонники конститутивных институтов старались бы учесть имевшие место быть изменения – отдельный вопрос: причина этих изменений – и внести коррективы в грамматику, с тем, чтобы правильными считать возникшие и утвердившиеся языковые новации.

Что касается причин или, скорее, одного из разумных и идейно близких нам объяснений, таких изменений, обратимся к Эриху Фромму. «Сегодня человек испытывает чувство обладания собственностью в отношении огромного количества объектов – живых и неживых, – пишет в этой связи Фромм. – Ведь не случайно мы видим в языке возрастание роли притяжательного местоимения «мой» (мой врач, мой шеф, моя портниха, мои рабочие и т.д.)»²⁷. Следствием из этого является то, что такая трансформация распространяется и на человека как такового, для которого собственное «я» выступает уже не в роли «я» говорящего как такового, а в роли «я», которым обладает говорящий. Иными словами, говоря о себе, люди – на чисто языковом, можно сказать, бессознательном уровне – демонстрируют, если воспользоваться дихотомией Фромма, не свой бытийный модус, а модус обладания.

По сути, о том же, но не с философских, как Фромм, а с профессионально более близких себе психоаналитических позиций, пишет Жак Лакан, когда перечисляет пара-

---

²⁵ Белл Р.Т. Социоллингвистика. М.: Междунар. отношения, 1980. С. 122.

²⁶ Palmer F. Grammar. Harmondsworth: Penguin, 1971. Pp. 13–26.

²⁷ Фромм Э. «Иметь» или «быть». М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2012. С.116.

доксы отношения языка и речи. «В поисках образцовой формулировки этого [третьего] парадокса [субъекта, теряющего свой смысл в объективациях дискурса] нет почвы более благоприятной, нежели речевой обиход. Обратившись к нему, мы заметим, что на смену *это [есмы] я* современников Вийона у нас пришло *это [есть] «мое» я*»²⁸. Для более точной передачи сказанного приведем отрывок в оригинале, опуская наши вкрапления в квадратных скобках: «Pour en donner une formation exemplaire, nous en saurions trouver terrain plus pertinent que l'usage du discours courant en faisant remarquer que le «ce suis-je» du temps de Villon s'est renverse dans le «c'est moi» de l'homme moderne»²⁹. Остается добавить, что та же трансформация «je» в «moi» в значении «je» произошла, как уже говорилось выше, и в английском, и сегодня «I», а не «me», встретишь разве что у Томаса Элиота: «Let us go then, you and I (доброе старое *I* вместо косвенного *me*. – *Б.Е.*), // When the evening is spread out against the sky // Like a patient etherized upon a table» (T.S.Eliot. The love song of J.Alfred Prufrock).

Подобные языковые изменения далеко не случайны, хотя в общем случае не все изменения обладают регулярностью. Почему они важны для понимания роли неформальных институтов? Потому что неформальные институты «возникают из информации, передаваемой посредством социальных механизмов», к тому же они «являются частью того наследия», имя которого – культура. И что особенно значимо, это то, что «концептуальные рамки для кодирования и интерпретации информации, которую предоставляют мозгу наши чувства», задаются культурой с помощью [естественного] языка³⁰.

5. Место институтов контрактации и прав собственности в системе кодов

Особое место в системе кодов занимают институты контрактации и прав собственности, которые, наряду с другими институтами, могут рассматриваться в качестве единой системы; вместе с тем возможно и их раздельное рассмотрение, обусловленное, по всей видимости, целями исследования. Такой подход позволяет выделить отличительные черты этих институтов и продвинуться в понимании их сущностных особенностей, в то же время он чреват подспудным созреванием иллюзии их автономного существования с утерей из виду присущей им глубинной, как представляется, каузальной взаимозависимости между ними.

Институты контрактации могут быть определены как правила и регуляции (*rules and regulations*), управляющие контрактным процессом между физическими лицами, например, между кредитором и должником или поставщиком и потребителем³¹, равно как

²⁸ Лакан Ж. Функция и поле речи в языке и психоанализе. М.: Гнозис, 1995. С. 51.

²⁹ Лакан Ж. Функция и поле речи в языке и психоанализе. М.: Гнозис, 1995. С. [51].

³⁰ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. С. 57.

³¹ Acemoglu D., Johnson S. Unbundling Institutions // Journal of Political Economy. 2005. Vol. 113. No.5. P. 949–995.

и между юридическими лицами. Попутно заметим, что отнесение юридических лиц, или корпоративных существей, к сторонам контракта в качестве хозяйствующих субъектов, исторически даже предшествует участию в ней физических лиц – обстоятельство, зачастую упускаемое из виду³².

Институты прав собственности, также вслед за Асемоглу и Джонсоном, определим как правила и регуляции, защищающие граждан от власти правительства или элит. Проведем также различие между *вертикальными (политическими)* и *горизонтальными (экономическими)* институтами. Вертикаль служит для обозначения субординационных отношений: с одной стороны, власти, государство и элиты, с другой – граждане, общество; в то время как горизонталь – для передачи сути координационных отношений – между гражданами, внутри общества.

К *первой особенности* подхода можно отнести то, что институты контракта отличаются от институтов прав собственности функционально: они выполняют *тактическую* (оперативную) функцию [принуждения к исполнению контракта, инфорсменту], а институты прав собственности – *стратегическую* (задавая через механизм спецификации и защиты прав собственности вектор институционального развития экономики).

Второй особенностью является то, что по своему характеру институты контракта являются, пользуясь почерпнутыми у Дж.Серля понятиями, *регулятивными* (приводя через механизм обратной отрицательной связи к исполнению контракта). Напротив, институты прав собственности по своей природе являются *конститутивными* (создающими возможность через механизм спецификации и защиты прав собственности для творческого раскрытия потенциала предпринимательской способности экономических агентов).

Говоря более обобщенным, системным, языком, функционирование институциональной системы как единого целого сочетает оба типа механизмов: отрицательные обратные связи служат для поддержания состояния системы, положительные обратные связи обеспечивают развитие системы. Характеристики институтов контракта и прав собственности обобщены в табл. 1.

Таблица 1

Институты контракта и прав собственности

Институты	Функции	Характеристики	Обратная связь
Институты контракта	Тактические	регулятивные	отрицательная
Институты прав собственности	Стратегические	конститутивные	положительная

³² О незаслуженном принижении роли юридических лиц как хозяйствующих субъектов см.: Устюжанина Е.В., Евсюков С.Г., Петров А.Г. Состояние и перспективы развития корпоративного сектора российской экономики / Препринт # WP/2010/276. М.: ЦЭМИ РАН, 2010.

6. Индивиды и корпорации: что чему предшествует?

Выше говорилось о широкой трактовке нами экономических агентов, допускающей как антропологическую их интерпретацию, так и неантропологическую. Индивиды – вот на чем базируется неоклассическая экономическая теория с ее методологическим индивидуализмом в качестве основополагающего принципа исследования. Конечно, фирмы со счетов не сбрасываются, да они и не могут быть проигнорированы, но по сути это те же игроки – воплощение антропологического духа, которые взаимодействуют с подобными себе эфемерными существами, «черными ящиками». Казалось бы, что в этом плохого, коль скоро такая их трактовка позволяет прибегать к всевозможным модельным построениям с их участием. В принципе это допустимо, лишь бы не путь теоретические построения с реальной историей возникновения экономических агентов. А реальность такова, что не индивиды оказывались на протяжении человеческой истории действительными субъектами экономической деятельности, а ровным счетом наоборот – хозяйствующие организации (хозяйства, корпоративные сущности). Откуда же такой перекосяк в теоретическом сознании в пользу [вознесения] индивидуальных сущностей?

Вот разумное объяснение этого феномена: «Римская фамилия, греческая экономия, феодальное или крестьянское хозяйство, мастерская ремесленника, мануфактура, фабрика, корпорация составляли основу хозяйственного уклада соответствующих эпох. Другое дело, что в гражданском обороте (отношениях с другими экономическими агентами) хозяйство участвовало в лице своего законного представителя, главы хозяйства – индивида. Поэтому в общественном сознании этот индивид отождествлялся с хозяйством и приобретал черты главного действующего лица экономической жизни»³³.

Вывод, который следует из этого лаконичного и, пожалуй, вряд ли могущего быть оспоренным, утверждения, заключается в том, что не «обмен между независимыми товаропроизводителями исторически предшествует объединению деятельности в рамках хозяйственной организации»³⁴, как считает большинство исследователей проблематики генезиса фирмы, а предварительное объединение индивидов в корпорации позволяет им вступать в обменные процессы. Иными словами, группирования-корпорации превращают индивидов в групповые экономические агенты. Такова историческая хронология первичности/вторичности индивидов и корпораций, что, однако, не должно умалять значение для экономики и самостоятельной фигуры независимого индивида – собственника, товаропроизводителя, экономического агента.

Еще один довод, который приводят Е.В.Устюжанина, С.Г.Евсюков и А.Г.Петров в пользу своего тезиса, касается языка, точнее английского языка, бывшего и продолжающего быть основным языком экономической теории. В английском языке, как они утвер-

---

³³ Устюжанина Е.В., Евсюков С.Г., Петров А.Г. Состояние и перспективы развития корпоративного сектора российской экономики / Препринт # WP/2010/276. М.: ЦЭМИ РАН, 2010. С. 6.

³⁴ Устюжанина Е.В., Евсюков С.Г., Петров А.Г. 2010. Там же. С. 9.

ждают и что, во всяком случае, в ситуации с распространенным применением понятия выглядит убедительно, «не существует единого слова для обозначения хозяйства как обособленной организации»³⁵.

И действительно, для обозначения национального или мирового хозяйства употребляется слово *economy*, в то время как для обозначения его отдельных видов – различные слова, как-то: *farm* (сельскохозяйственное предприятие), *firm* (деловое предприятие), *household* (домашнее хозяйство) и т.п. Для сравнения: в немецком языке мировое хозяйство, равно как и единичное передаются одним и тем же словом *Wirtschaft* (коннотация слов *Wirt*, хозяин и *Schaft*, стержень – почти как в русском)³⁶.

7. Семиотика

Следует проводить различие между предприятием как реальным объектом и теоретическим понятием. Предприятие в роли исследуемого объекта в процессе своего структурного описания «не только упрощается, но и *доорганизовывается*, становится более жестко организованным, чем это имеет место на самом деле»³⁷.

В результате, абстрагируясь от несущественных деталей, исследователь-наблюдатель усиливает степень упорядоченности объекта, меру его организованности и, тем самым, снижает его энтропию. Такова участь теоретического конструкта – предприятия в данном случае, которое не следует смешивать с объектом реальным. Попутно отметим, что нечто подобное применительно к фирме отмечал Махлуп³⁸.

Рассмотрение феномена предприятий в аспекте синхронии и диахронии позволяет выделить различные их черты – в первом случае значимые без привязки к их соотношению во времени, во втором существенные в их сопоставлении в динамике. Новое время, характеризующееся становлением порядков открытого доступа, пришедших на смену порядкам ограниченного доступа, по мнению У.Бека, С.Лэша и Дж.Юрри, может быть названа рефлексивной современностью (*reflective modernity*). Ее основные черты: доминирование индустриализма, социальных структур, индивидуальности (сначала автономного и ответственного, доставшегося в наследство от эпохи Просвещения, а затем массового индивида). Но сама современность также подвержена изменениям: примерно полвека как западные страны входят в эпоху второй, рефлексивной современности (*reflexive modernity*). Ее характеристики: трансформация индустриальных отношений в постиндустриальные, выход на авансцену социальных процессов взамен структур, потеря индивидом привычных норм и ценностей, связи с прошлым и со структурами индустриальной эпохи. И если ре-

---

³⁵ Устюжанина Е.В., Евсюков С.Г., Петров А.Г. 2010. Там же. С. 9.

³⁶ Устюжанина Е.В., Евсюков С.Г., Петров А.Г. 2010. Там же. С. 10.

³⁷ Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект, 2002. С.41.

³⁸ Махлуп Ф. Теории фирмы: маргиналистские, бихевиористские и управленческие / Теория фирмы. СПб.: Экон. школа, 1995.

флексивность указывает на ориентацию индивида на отношение с объектом, объективное знание, то атрибут «рефлексивный» служит для передачи идеи направленности сознания индивида на совершение выбора в соответствии с его склонностями и часто чреватого дестабилизирующимися последствиями. Примечательно, что переход к рефлексии сопровождается превращением индивида в неукорененного, при этом не автономного даже, а массового – под воздействием СМИ³⁹.

Следует проводить четкое разграничение между семантическими и синтаксическими структурами культуры как значимыми для понимания специфики предприятия кодами. Так, российские предприятия, при формальном наличии [в целом нечетко специфицированных и слабо защищенных] прав собственности, после приватизации 90-х годов попавшие в руки немногочисленной элиты, выглядят в глазах широкой общественности де-факто нелегитимными. В этом проявляется особенность порядков ограниченного доступа, где действие законов, в частности, в отношении предприятий подминается либо регулирующими воздействиями государства, либо посягательствами преследующих собственные корыстные цели властных структур, элит.

В терминах законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти сильные институты прав собственности ассоциируются с первой ветвью (доминирование закона), слабые – со второй (доминирование «ручного» управления), в то время как с третьей ассоциируются сильные институты контрактации (доверие к правоохранительной и судебной системе). К этому добавим, что регулятивный характер слабых институтов контрактации выражается в доминировании механизма саморегулирования исполнения контракта со стороны его участников. Атрибуты сильный/слабый находятся в достаточно тесной корреляции с атрибутами формальный/неформальный; при этом в странах с сильными формальными (либо наоборот, слабыми неформальными) институтами прав собственности таковыми, предположительно, будут и институты контрактации.

8. Заключение

Пороки, присущие порядкам ограниченного доступа накладывают свой отпечаток на разработку и реализацию стратегии предприятия. Так, особенностью стратегического планирования на микроэкономическом уровне в современных условиях российской институциональной системы является краткосрочность целей, которые предприятия ставят перед собой. Объясняется это тем, что многим из них приходится вести борьбу за выживание или сохранение в приемлемом состоянии, и поэтому многие корпоративные действия представляют собой реакцию не на стратегические (долгосрочные), а на тактические (краткосрочные) воздействия. Строго говоря, понятие стратегии как таковое не предпола-

---

³⁹ Федотова В.Г. Факторы ценностных изменений на Западе и в России // Вопросы философии. 2005. № 11. С. 4.

гает неперенной долгосрочности целей, хотя, как правило, ею сопровождается. Такая ориентация на преимущественно краткосрочные стратегические цели действует на предприятия деструктивным образом: подвергая эрозии институциональную среду, в которую они погружены, краткосрочность разрушает потенциально доверительные отношения между предприятиями, способствует нарастанию величины и глубины дисфункции экономических систем и институтов⁴⁰ и развитию в обществе вируса институционального нигилизма⁴¹.

---

⁴⁰ *Сухарев О.С.* Теория дисфункции экономических систем и институтов. М.: ЛЕНАНД, 2014.

⁴¹ *Dražković V., Drašković M.* Institutional Nihilism as a Basis for Anti-Development Policy // Montenegrin Journal of Economics. 2012. Vol. 8. No.1. P. 119–136.

ПЕРСПЕКТИВЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ*

В третье тысячелетие человечество вступило с грузом сложнейших экономических, социальных, и экологических проблем, требующих смены парадигмы своего существования, становления вместо развитого постиндустриализма на путь устойчивого развития, под которым понимается модель социально-экономической жизни общества, при реализации которой удовлетворение жизненных потребностей нынешнего поколения людей достигается с учетом потребностей будущих поколений. Обеспечение устойчивого развития тесно связано с процессами модернизации и экологизации экономики, причем это требует не просто инвестиций в экологию или каких-то новых технологий, но в первую очередь социальных новаций, смены приоритетов и целей развития цивилизации [1].

Экологические проблемы по своей значимости не имеют аналогов в истории человечества, а осознание и деятельность, направленная на их преодоление, могут обеспечить выживание человечества. Наша деятельность до сих пор заметно меняет природную среду и, к сожалению, это в основном негативные изменения, но если до недавнего времени такие изменения были ограничены определенными территориями, то в настоящее время они приобрели массовый характер. В итоге – превышение ассимиляционных способностей локальных экосистем, одним из следствий которого стало глобальное изменение климата, повлекшее за собой парниковый эффект, озоновые дыры, изменение уровня мирового океана, уничтожение зеленого покрова планеты.

Переход к устойчивому развитию делает необходимым включение экологического фактора в систему основных социально-экономических показателей. Этого можно достигнуть через разработку и учет на глобальном и национальном уровнях индикаторов устойчивого развития. Они должны включаться в международные, национальные программы устойчивого развития, планы и программы развития экономики, планы действий по охране окружающей среды.

Имеющиеся сейчас традиционные макроэкономические показатели (ВВП, ВНП, доход на душу населения и пр.), оценивающие развитие и рост, игнорируют экологическую деградацию. Рост этих показателей сегодня может базироваться на техногенном природоёмком развитии. Тем самым создается возможность резкого ухудшения экономических показателей в будущем в случае истощения природных ресурсов и загрязнения окружающей среды.

Для многих стран мира, в том числе России, ориентация на традиционные экономические показатели в ближайшей перспективе может иметь самые негативные послед-

---

* Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 14-06-00091).

ствия. Быстрее всего роста этих показателей (и тем самым формального прогресса в социально-экономическом развитии) можно добиться, быстро выкачав из земных недр нефть, газ, добывая руду и уголь поверхностным способом, вырубив леса, увеличивая нагрузку на землю, используя дешевые «грязные» технологии и пр., что, к сожалению, в определенной степени сейчас и происходит. Многие энергетические и аграрные программы, ориентация на увеличение добычи полезных ископаемых и пр. позволяют увеличить ВВП. Однако очевидны и чрезвычайно негативные экологические последствия такого курса. По мнению известного американского экономиста-эколога Г.Дали, пока мерой человеческого благосостояния остаются традиционные макропоказатели, «на пути перемен существуют огромные препятствия. Рынок видит только эффективность, он не приспособлен чувствовать справедливость или устойчивость» [2].

Для того чтобы повысить «конкурентоспособность» природы в борьбе с техногенными решениями, необходима экологическая корректировка показателей экономического развития и прогресса. В связи с этим на конференции ООН в Рио-де-Жанейро (1992 г.) было принято важное решение, в соответствии с которым 178 стран-участниц должны совершенствовать национальную статистику для учета экологического и социального факторов, формировать спутниковые системы учета природных ресурсов.

Для учета этих факторов международными организациями и отдельными странами предлагаются критерии и индикаторы устойчивого развития, содержащие нередко весьма сложную систему показателей. Разработка таких индикаторов – достаточно комплексная и дорогостоящая процедура, требующая большого количества информации, получить которую сложно или вообще невозможно (например, по многим экологическим параметрам). Можно выделить два подхода:

1) построение интегрального, агрегированного индикатора, на основе которого можно судить о степени устойчивости социально-экономического развития. Агрегирование обычно осуществляется на основе трех групп показателей:

- * эколого-экономических,
- * эколого-социально-экономических,
- * собственно экологических;

2) построение системы индикаторов, каждый из которых отражает отдельные аспекты устойчивого развития; чаще всего в рамках общей системы выделяются следующие подсистемы показателей:

- * экономические,
- * экологические,
- * социальные,
- * институциональные.

Наличие интегрального эколого-экономического индикатора на макроуровне является идеальным для лиц, принимающих решения, с точки зрения учета экологического

фактора в развитии страны. По одному такому показателю можно было бы судить о степени устойчивости страны, экологичности траектории развития. Иначе, этот показатель может быть своеобразным аналогом интегрального подхода к построению агрегированного индикатора устойчивости наиболее полно реализован в разработках структур ООН и Всемирного Банка. Этими международными организациями предложены методики, позволяющие включить экологический фактор в национальные счета, в показатели национального богатства [3].

Все вышесказанное привело к осознанию необходимости формирования нового типа экономики, выработки «зеленого» экономического курса. Для постиндустриальных стран «позеленение» экономики из желательного, но вторичного эффекта превращается в основную цель. Для обозначения процесса экологизации в мире все чаще используют понятия «зеленая экономика» (*green economy*) и «зеленый рост» (*green growth*). Начиная с 2009 г. эти термины все более активно входят в основные документы и терминологию международных организаций. В качестве ключевых терминов для дальнейшего развития человечества и отдельных стран особенно комплексно они рассматриваются в документах структур ООН и ОЭСР.

Зеленая экономика определяется как экономика, которая повышает благосостояние людей и обеспечивает социальную справедливость и при этом существенно снижает риски для окружающей среды и ее деградации. Ее важными чертами являются: 1) низкие углеродные выбросы, 2) эффективное использование природных ресурсов, 3) сохранение, увеличение и восстановление природного капитала, 4) предотвращение утраты биоразнообразия и экосистемных услуг, 5) рост доходов и занятости.

Зеленая экономика часто рассматривается в контексте борьбы с глобальным изменением климата и в качестве перспективного направления преодоления глобального экономического кризиса. Приоритетной чертой ее роста является радикальное повышение энергоэффективности. В дальнейшем предлагается мобилизовать и перестроить глобальную экономику в направлении увеличения инвестиций в чистые технологии и «природную» инфраструктуру, стимулировать экологизацию экономики, вернуть рынки к нормальному функционированию и избежать катастрофических последствий глобального изменения климата [4].

Реализация нового зеленого курса предполагает минимизацию использования невозобновляемых полезных ископаемых для производства электроэнергии за счет инвестиций в возобновляемые энергоносители, а также обязательность энергосбережения. Все эти мероприятия позволят снизить спрос и затраты на энергию, а также ее стоимость. По оценкам ЮНЕП, достаточно 2% мирового ВВП в «озеленение» 10 секторов для изменения характера мирового развития, снижения выбросов парниковых газов и эффективного использования ресурсов.

Серьезную проблему для человечества уже сейчас представляет загрязнение природной среды, и если развитие промышленности и других видов деятельности будет продолжаться прежними способами, то весьма вероятен определенный кризис в недалеком будущем.

Этому может способствовать тот факт, что существующую в настоящее время мировую экономику определяют рыночные силы, находящиеся в разладе с экосистемами планеты и тем самым разрушающие свои природные механизмы поддержки. Что касается России, то ситуация выглядит еще более плачевно. Смена в начале 90-х гг. политической формации повлекла за собой очень большие перекосы в отраслевой структуре экономики, отражающей существующее соотношение (пропорции) между макроэкономическими элементами, входящими в систему народного хозяйства, и которая является одной из важнейших составляющих, влияющих на обеспечение экологической безопасности страны. Если при советской власти экономика характеризовалась высокой степенью огосударствления всех своих процессов и монополизации производства, то специфика нынешней отраслевой структуры проявляется в росте доли добывающих и падении доли обрабатывающих отраслей.

Это противоречит общемировой тенденции опережающего роста обрабатывающей промышленности. Более того, развитие отраслей ТЭК и металлургии во многом ориентировано на внешний рынок. Отечественная экономика все сильнее втягивается в худший вариант международного разделения труда в качестве поставщика топливных и сырьевых ресурсов и потребителя готовых промышленных изделий. Так, по данным Минэкономразвития по итогам 2011 г., в общем объеме российского экспорта топливно-энергетические товары занимали в стоимостном выражении более 70%, из которых на долю нефти и нефтепродуктов приходилось более 53%, на долю остальных сырьевых ресурсов – 21,6%. В общей сложности на долю топливно-сырьевых товаров приходится более 90%, тогда как в 2000 г. их доля составляла 53,2%, а с учетом древесины, черных, цветных и драгоценных металлов и сырья для их производства – 80,4%; что же касается экспорта подобных товаров из СССР, то он был меньше в несколько раз. В 2012 г. происходило дальнейшее наращивание экспорта топливно-энергетических товаров, о чем можно судить по экспорту нефти, который в физическом выражении по сравнению с 2011 г. вырос на 9,5%, т.е. с 219096 до 239946 тыс. т.

Таким образом, на лицо довольно существенное увеличение экспорта сырьевых материалов, в результате которого формируется сырьевая ориентация российской экономики и утрачивается значительная часть научно-технического потенциала. Но главная проблема состоит не только в том, что сырьевая ориентация российской экономики ставит нашу страну в униженное положение третьеразрядных стран, а в том, что безудержное использование невозобновляемых природных ресурсов, и не только на экспорт, но и внутри страны, нарушает экологический баланс и отрицательно влияет на благосостояние бу-

дущих поколений. Об этом уже говорят в мире. Так, в марте 2013 г. президент группы Всемирного банка Джим Ен Ким призвал власти России задуматься о том, что произойдет еще через четверть века, когда «нефтяная труба начнет пересыхать», и чем заменить поступления от экспорта нефти и газа, обеспечивающие России большую часть доходов [5].

Надо сказать, что такая ситуация в настоящее время в связи с вступлением во Всемирную Торговую Организацию (ВТО) еще более обострилась. Почему? Потому что создание ВТО на принципах *международного разделения труда* (МРТ) и представляет собой способ организации мировой экономики, при котором предприятия разных стран специализируются на изготовлении определенных товаров и услуг и обмена ими. Это обусловлено тем, что *специализация* ряда стран основа на производстве таких товаров, для которых в стране имеются более дешёвые факторы производства и предпочтительные условия в сравнении с другими странами. При такой специализации потребности стран удовлетворяются как собственным производством, так и участием в международной торговле. В целом можно сказать, что МРТ является прогрессивным явлением постиндустриального развития мировой системы, но в силу некоторых отрицательных черт (гегемония некоторых стран и т.д.) ВТО вызывает справедливое опасение ряда стран и прежде чем говорить о функционировании экономики России в ее рамках, на наш взгляд, необходимо рассмотреть все последствия вступления в нее, все *за* и *против*, тем более что сделать это очень легко, так как дискуссия об этом идет уже много лет. Анализ публикаций по этому поводу показал, что положительными результатами присоединения России к ВТО можно считать следующие:

- * выход на многостороннюю правовую базу для осуществления торговых операций национальными экспортерами и импортерами;

- * международно-правовую защиту, гарантируемую принципами и нормами ВТО, включая такие важные положения, как: режим наибольшего благоприятствования (благодаря чему Россия сможет использовать постоянно снижающиеся тарифы других стран – членов ВТО); национальный режим для товаров и услуг, экспортируемых и импортируемых российскими компаниями; защиту от возможного применения иностранными государствами дискриминационных внутренних налогов, акцизов, таможенных сборов;

- * возможность легализации системы защиты своей национальной экономики в рамках ВТО;

- * защиту от использования так называемых технических барьеров в торговле (технические и др. нормы и стандарты, правила сертификации и т.п.);

- * получение лучших, чем ныне, и не дискриминационных для доступа российской продукции на иностранные рынки условий;

- * доступ к международному механизму разрешения торговых споров;

- * создание более благоприятного климата для иностранных инвестиций в результате приведения законодательной системы в соответствие с нормами ВТО;

* расширение возможностей для российских инвесторов в странах-членах ВТО, в частности, в банковской сфере;

* создание условий для повышения качества и конкурентоспособности отечественной продукции в результате увеличения потока иностранных товаров, услуг и инвестиций на российский рынок;

* участие в выработке правил международной торговли с учетом своих национальных интересов;

* улучшение имиджа России в мире как полноправного участника международной торговли.

Такие, по мнению большинства сторонников вступления России в ВТО, положительные моменты этого действия, но существует и опасение, что благодаря приходу международных корпораций на российский рынок усилится конкуренция во всех отраслях экономики, что приведет к значительному увеличению маркетинговых расходов на поддержание рыночных позиций. В связи с этим возможно значительное падение рентабельности бизнесов отечественных предприятий и снижение их конкурентоспособности. Это, в особенности, относится к пищевой, фармацевтической, химической, авто- и авиастроительной, легкой и электронной промышленности, секторам страхования, финансовых услуг и розничной торговли, мелкому и среднему бизнесу.

В первую очередь пострадает сельскохозяйственный сектор, так как по условиям вступления в ВТО Россия должна снижать господдержку сельского хозяйства каждые пять лет на 5–10%.

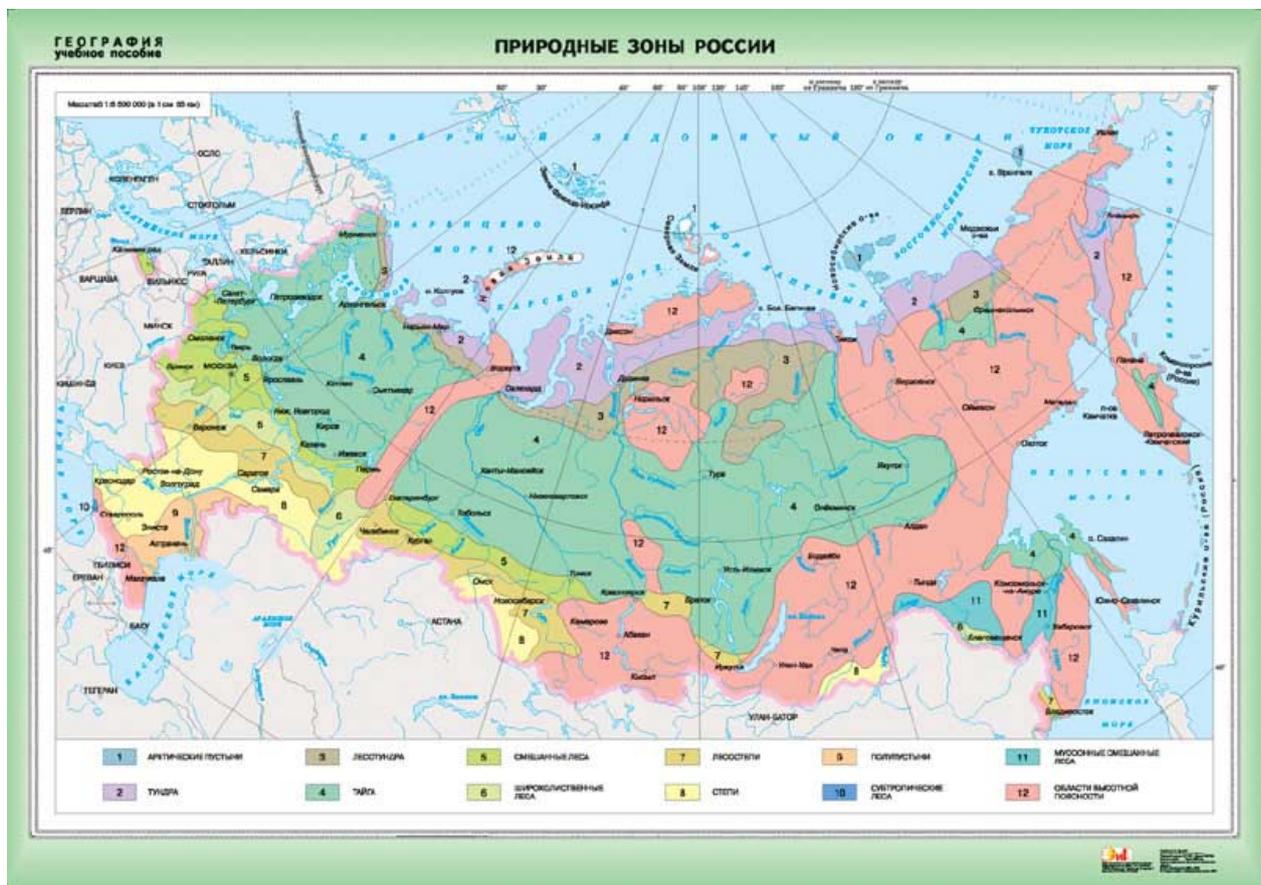
Аналогичная ситуация сложится и вокруг других отраслей экономики главным образом из-за снижения экспортных пошлин, открывающих широкую дорогу импортным товарам [6].

Все это показывает необходимость экологически ориентированного изменения структуры российской экономики, которая должна заключаться, во-первых, в уменьшении потребления природных ресурсов в процессе промышленного производства; во-вторых, перейти от экспорта первичного природного сырья на поставку конечной продукции, или хотя бы полуфабрикатов; в-третьих, необходимо сконцентрировать особое внимание на тех отраслях обрабатывающей промышленности, которые имеют конкурентные преимущества, позволяющие создавать экономические структуры, способные завоевывать мировые рынки. Прежде всего это касается авиационной и аэрокосмической промышленности, ядерной энергетики, ряда отраслей приборостроения, сферы высоких технологий, биотехнологии, внедрение безотходных производств, создание условий для переработки вторсырья, включая государственную поддержку, совершенствование инфраструктуры.

Это тем более необходимо сделать для занятия более достойного места России в ВТО. С этой же целью необходимо осуществить ряд масштабных, хотя и долгосрочных, проектов позволяющих значительно повысить значимость России в мировом сооб-

шестве и послужить залогом осуществления глубокой трансформации российской экономической системы. Для минимизации рисков вступления в ВТО, на наш взгляд, необходимо предпринять ряд масштабных проектов, позволяющих существенно повысить значимость России в мировом сообществе, что послужит залогом осуществления глубокой трансформации российской экономической системы. Вот некоторые из таких проектов.

1. Создание транспортной (преимущественно железнодорожной) сети, связующей Европу со странами Юго-Восточной Азии (Китай, Индия, Южная Корея), что потребует развития соответствующей производственной инфраструктуры, позволяющей повысить количество рабочих мест и обеспечить заказами наши отрасли промышленности (машиностроение, металлургию и др.), а также строительства заводов и т.д. В настоящее время создание такой сети уже является осознанной необходимостью, чему способствует решение о реконструкции и дальнейшего развития транссибирской магистрали.

2. Россия по своему местоположению (см. карту) находится в зоне рискованного земледелия, хотя в то же время обладает лучшими черноземами в мире (массив черноземных почв в России – 8,6%, что составляет 1,53 млн км), из этого следует, что в стране на черноземах необходимо сосредоточить производство зерновой продукции, пользующейся

спросом в мире, а на остальной части необходимо заниматься интенсивным животноводством, благо для этого есть все условия: вода, луга и т.д.

3. Отрасль животноводства должна состоять из ряда подотраслей, продукция которых будет экологически чистой, эксклюзивной и пользоваться повышенным спросом на мировом рынке (на основе проведенного анализа). Желательно производство полуфабрикатов и готовой продукции, что делает необходимым строительство перерабатывающих заводов.

4. Для сырьевых отраслей, использующих природные ресурсы, чтобы избежать сырьевой ориентации страны, необходимо организовать переработку сырья в конечный продукт или хотя бы в промежуточный.

5. Максимально благоприятствовать развитию отраслей, находящихся в настоящее время на лидирующих позициях в мире (о чем уже говорилось выше).

6. Необходимо предусмотреть комплекс мер по привлечению инвестиций, как иностранных, так и отечественных (льготное налогообложение, отсрочка платежей, амнистии первые годы).

7. Выполнение указанных пунктов, на наш взгляд, потребует значительного увеличения производственного персонала, как простого, так и квалифицированного, что потребует создания соответствующих учебных заведений и перепрофилирование существующих.

Все выше сказанное делает крайне необходимой разработку эффективной структурной политики путем осуществления целенаправленных мер по формированию, поддержанию и изменению пропорций в экономике для эффективного использования всех видов ресурсов и более полного удовлетворения общественных потребностей. Как отмечает В.В. Путин «нам нужна новая экономика, с конкурентоспособной промышленностью и инфраструктурой, с развитой сферой услуг, с эффективным сельским хозяйством. Экономика, работающая на современной технологической базе. Нам необходимо выстроить эффективный механизм обновления экономики, найти и привлечь необходимые для нее огромные материальные и кадровые ресурсы» [7].

В то же время нельзя забывать о необходимости экологически сбалансированного изменения структуры экономики, состоящего в стабилизации роста и объемов производства природоэксплуатирующих и ресурсодобывающих отраслей при быстром развитии на современной технологической основе всех производств в природно-продуктовой вертикали, связанных с преобразованием природного вещества и получением на его основе конечного продукта. Речь идет о глобальном перераспределении трудовых, материальных, финансовых ресурсов в народном хозяйстве в пользу ресурсосберегающих, технологически передовых отраслей и видов деятельности. Такая структурная перестройка экономики позволит значительно уменьшить природоемкость производимой продукции и услуг и снизить нагрузку на окружающую среду, сократить общую потребность в при-

родных ресурсах и, в то же время, позволит высвободить порядка 20–50% используемых сейчас неэффективно природных ресурсов при увеличении конечных результатов. И это очень важно, так как сейчас в стране наблюдается значительное избыточное потребление природных ресурсов, что создает мнимые дефициты в энергетике, сельском и лесном хозяйствах и т.д.

Основой новой концепции экономического развития является повсеместный учет экологического фактора, который, на наш взгляд, включает в себя целый ряд специфических факторов, обусловленных рядом причин:

- непосредственно экологические факторы, обусловленные причинами природного характера (неблагоприятными для жизни человека, растений и животных климатическими условиями, физико-химическими характеристиками воды, атмосферы, почв, природными бедствиями и катастрофами);

- социально-экономические факторы, обусловленные причинами социального, экономического и психологического характера (недостаточным уровнем питания, здравоохранения, образования, обеспечения материальными благами; нарушенными общественными отношениями, недостаточно развитыми социальными структурами);

- техногенные факторы, обусловленные хозяйственной деятельностью людей (чрезмерными выбросами и сбросами в окружающую среду отходов хозяйственной деятельности; необоснованными отчуждениями территорий под хозяйственную деятельность; чрезмерным вовлечением в хозяйственный оборот природных ресурсов и т.д.);

- военные факторы, обусловленные работой военной промышленности (транспортировкой военных материалов и оборудования, испытанием и уничтожением образцов оружия, функционированием всего комплекса военных средств – в случае военных действий).

При изучении проблемы безопасности человека и природной среды все эти факторы необходимо рассматривать в комплексе, с учетом их взаимовлияния и связей [8].

Таким образом, важность учета экологического фактора очевидна, что предопределяет выполнение обязательных экологических требований, которые должны устанавливаться в законодательных и нормативных документах направленных на обеспечение рационального природопользования, охрану окружающей среды, защиту здоровья и генетического фонда человека. В России эти требования нашли свое отражение в системе экологической сертификации, утвержденной Министерством природы [9], кроме того, за последнее время было принято ряд законодательных актов по учету экологических требований в различных отраслях народного хозяйства. Широкое распространение получила проблема учета экологических факторов при оценке недвижимости. В этом случае под экологическим фактором или фактором окружающей среды понимается любое природное явление или качественное состояние окружающей среды и ее отдельных компонентов, а также качественное состояние самих элементов недвижимости, влияющее на рыночную

стоимость недвижимости. Например, к экологическим факторам относят такие условия и параметры окружающей природной среды, как уровень загрязнения основных природных сред – воды, воздуха, почвы, включая и радиоактивное загрязнение. К ним также относятся наличие красивого вида, наличие зеленых массивов, привлекательная архитектурная среда, наличие или отсутствие поблизости свалок, присутствие или отсутствие рядом неблагоприятных непривлекательных промышленных объектов (например, мусоросжигательных заводов) и, наконец, наше представление о качестве окружающей среды.

К качественным параметрам, собственно самих элементов недвижимости относят химический состав материалов, из которых сделана постройка, уровень загрязнения внутри помещения, вызванный либо используемыми в строительстве материалами, либо технологиями производства, или иными внешними воздействиями.

К факторам окружающей среды также относят любые природные условия местности, связанные с климатическими, гидрологическими, гидрогеологическими и горногеологическими особенностями территории [10].

Основную роль при экологизации экономики должна играть государственная политика в области совершенствования экономического и финансового механизмов природопользования.

Экологическая функция государства заключается: в разработке экологической программы страны; принятии и осуществлении национальных программ охраны окружающей среды; установлении правового режима природопользования; установлении экологических стандартов (напр., показателей предельно допустимой концентрации вредных веществ в воде, атмосфере, выхлопных газах автомобилей и т. п.); контроле над соблюдением природоохранного законодательства. Для реализации этой цели была принята экологическая стратегия России, обусловленная необходимостью обеспечения экологической безопасности в процессе модернизации и инновационного развития страны [11].

Основными принципами принятого документа являются:

- соблюдение права каждого человека на получение достоверной информации о состоянии окружающей среды;
- участие граждан в принятии решений, касающихся их прав на благоприятную окружающую среду;
- научно обоснованное сочетание экологических, экономических и социальных интересов человека;
- охрана, воспроизводство и рациональное использование природных ресурсов как необходимые условия обеспечения благоприятной окружающей среды и экологической безопасности;
- приоритетность сохранения естественных экологических систем, природных ландшафтов и природных комплексов.

В свою очередь, обеспечение экологической безопасности состоит в осуществлении комплекса мер правового, организационного, экологического, экономического, материально-технического, воспитательного и иного характера, направленных на нейтрализацию угрозы жизненно важным интересам человека и природной среде от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий. Государственным приоритетом при этом на современном этапе развития становится не борьба с последствиями проявлениями этого негативного воздействия, а с его источниками, т.е. разработка мер их предупреждения. Это обусловлено в основном тем, что финансовые затраты на дальнейшее снижение последствий негативного воздействия становятся экономически не совсем выгодны, так как требуют многократного увеличения расходов. В связи с этим экологическая политика государства в последнее время претерпела существенное изменение, выраженное в том, что на первый план выходят меры экологического контроля, которые во главу угла ставят концепцию экологического риска. Согласно последней, принятие оптимального, с точки зрения охраны природы, решения означает экономически и социально обоснованное сведение к минимуму отрицательного воздействия проектируемого объекта на экологическую систему, включая человека.

Следует отметить, что только административными мерами вряд ли можно претворить в жизнь эту концепцию, что делает необходимым использование экономических методов, опирающихся на традиционный рыночный механизм. В связи с этим в государственной экологической политике все более возрастают такие экономические инструменты, как:

- прямые и косвенные субсидии;
- займы и кредиты по низким процентам;
- предоставление режима ускоренной амортизации очистного оборудования и другой экотехники;
- льготные ставки по косвенным налогам на продажу экотехники либо ее освобождение от налога;
- налоговые льготы на доходы от природоохранных программ частных предприятий;
- льготные тарифы фирмам на очистку стоков на муниципальных очистных сооружениях.

Сегодня, в период глобального социально-экологического кризиса, экологическая политика становится одним из ведущих направлений деятельности государств, важнейшей их заботой. Система политических, законодательных, исполнительных, судебных мероприятий, проводимых в рамках экологической политики, должна способствовать приоритетному решению проблем окружающей природной среды. Трудная и неблагодарная задача – попытаться выстроить в иерархический ряд направления государственной поли-

тики. Нет второстепенных сфер в жизни человека и общества. Тем не менее, бесспорно, что экологическая политика в плане стратегических ориентиров должна быть определяющей, ведущей и должна осуществляться по следующим направлениям:

- создание возможности регулирования территориально-ресурсных и производственных отношений с помощью экологических ограничений и нормативов;
- проведение рациональной инвестиционной политики в сфере охраны природы;
- создание системы платежей за природопользование и учет экологических факторов при налогообложении;
- увеличение финансирования и расширение органов контроля за претворением природоохранной политики;
- создание новых форм кредитно-финансового обеспечения природоохранных работ;
- формирование рынка экологических услуг, при этом структура их рынка должна включать в себя: научно-технические и производственные центры по разработке и выпуску природоохранных технологий, очистного оборудования, систем контроля и мониторинга, приборов и др.;
- расширение деятельности в области экологического предпринимательства и принятие закона об основах экологического предпринимательства, который должен быть направлен на регулирование деятельности по производству продукции, выполнению работ и оказанию услуг природоохранного назначения, определение принципов формирования и использования соответствующих финансовых ресурсов. Цель этого: определение экологического предпринимательства в качестве одного из приоритетных направлений экономического развития государства; формирование и совершенствование системы экологического предпринимательства с учетом тенденций развития рыночных отношений и обеспечения правового регулирования экологического предпринимательства как особого вида предпринимательской деятельности; реализация концепции перехода государства к устойчивому развитию; перераспределение части расходов по охране и воспроизводству природных ресурсов на субъектов предпринимательской деятельности; формирование основ соответствующей отрасли национальной экономики.

Для улучшения экологической обстановки в регионах страны важное значение имеет умение предупреждать нарушения и преодолевать их, восстанавливать стабильность и устойчивость процессов хозяйственного, социального и экологического развития в случае их нарушения в том или ином ключевом секторе народного хозяйства, в том или ином крупном регионе.

Оценить и своевременно сформировать ресурсы общества, ориентированные на восстановление и обретение стабильности и устойчивости социально-экономического развития, а также на предупреждение последствий дестабилизации, можно с помощью принципиально новых для нашей системы экономического анализа показателей компен-

сационного потенциала, который характеризует общую способность экономики страны реагировать на критические ситуации, предупреждать и преодолевать их, восстанавливать стабильность и устойчивость процессов хозяйственного, социального и экологического развития в случае их нарушения в том или ином ключевом секторе народного хозяйства, в том или ином крупном регионе.

Потенциал прямых компенсаций включает: материальные запасы и резервы производственного и непроизводственного характера; специальные запасы и резервы, их территориальное размещение; адекватные дополнительные транспортные возможности для доставки материальных ресурсов в места локализации критических ситуаций; резервные мощности, особенности в энергетических отраслях, а также технические средства для проведения крупных восстановительных работ; поддержание резервных возможностей оказания социальной помощи и адаптации населения.

Кроме того, потенциал компенсаций характеризуется такими показателями, как финансовые резервы (плюс валютные), системы страхования, возможности международной поддержки, возможности благотворительных фондов, развитие компенсационной функции и мобильность систем здравоохранения, возможности мобильной переподготовки кадров и пр.

Выбор вариантов обеспечения наиболее полной экономической безопасности достигается при сопоставлении в каждом конкретном случае мер предупредительного и компенсационного характера по критерию «минимум ущерба» или «минимум совокупных потерь и затрат».

Для целей, характеризующих экономическую безопасность страны и тенденции ее изменения на макроуровне, можно рассмотреть систему сгруппированных показателей: показатели первой группы могут быть использованы для оценки текущего состояния экономического, социального и экологического потенциала общества и происходящих кратко- и среднесрочных процессов; показатели второй группы направлены на выявление и ранжирование долговременных факторов дестабилизации и ориентировочную оценку их пороговых значений; показатели третьей группы должны характеризовать состояние наличных потенциалов предупреждения и компенсации ущерба. Только на основе такой системы показателей можно обеспечить достаточно многогранное восприятие происходящей ситуации в области экономической безопасности [12].

Не менее важным является необходимость рассмотрения приоритетов России в обеспечении эколого-экономической безопасности в условиях рынка, главным из которых является повышение ценности природных ресурсов и богатства в целом, что особенно актуально для социально-экономического развития страны, поскольку современная рыночная экономика охватывает своими ценовыми механизмами только небольшую часть природных благ. Вся остальная часть таких благ фактически оказывается бесплатной. В этой связи, можно сделать вывод: рост экономической ценности природных благ должен бази-

роваться на экологизации всей экономики и воздействии на всех субъектов экономической деятельности. Кроме того, надо с осторожностью подходить к проектам, предполагающим в своей основе экстенсивные подходы: разработка новых месторождений, освоение новых земель, скорее всего, как считают многие, необходимо более тщательное и рациональное использование уже «освоенного» (его более чем достаточно), более глубокую переработку сырья, использование отходов [14].

Резюмируя сказанное, отметим: для реализации главного приоритета экологической политики важнейшее значение имеет проведение экологически сбалансированных экономических реформ и создание соответствующей макроэкономической среды как условия перехода России к устойчивому развитию.

Литература

1. *Марков Ю.Г.* Социальные факторы экологически устойчивого развития. В сб. Закономерности социального развития: ориентиры и критерии моделей будущего. Часть 1. Новосибирск: РАН СО, 1994. С. 47-58.
2. <http://www.geoglobus.ru/ecology/practice3/nature09.php>.
3. ekonom-priroda.ru/upravlenie.../5-indikator-ustojchivogo-razvitiya.htm.
4. *Глазырина И.П.* Природный капитал в экономике переходного периода. М.: НИА-Природа, Российское экологическое федеральное информационное агентство, 2001.
5. <http://top.rbc.ru/economics/06/08/2013/868997.shtml>.
6. BiblioFond.ru.
7. *Путин В.В.* О наших экономических задачах / Ведомости. 30.01.2012.
8. *Хотунцев Ю.Л.* Экология и экологическая безопасность. М.: Академия, 2002.
9. [bestpravo.ru/Законодательство России/lj-instrukcii/m2g.htm](http://bestpravo.ru/Законодательство_России/lj-instrukcii/m2g.htm).
10. bibliotekar.ru Содержание книги. Экологический фактор.
11. [href=http://otherreferats.allbest.ru/economy/00077442_0.html](http://otherreferats.allbest.ru/economy/00077442_0.html) Экономическая безопасность
12. ekvr.narod.ru/ekregion7.htm.
13. Материалы сайта www.Grandars.ru «Правоведение» Теория государства ».
14. newecologist.ru/ecologs-1746-1.html.
15. *Мудрецов А.Ф.* Финансовая политика обеспечения эколого-экономической безопасности модернизационного развития общества. В кн. Проблемы модернизации экономики России / под ред. академика РАН Н.Я. Петракова. М.: ЦЭМИ РАН, 2011.
16. *Мудрецов А.Ф., Прудникова А.А.* Экологизация российской экономики в условиях становления рыночных отношений. Наука плюс, Махачкала, 2012.

МНОГОФАКТОРНАЯ МОДЕЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА РЕГИОНА

Регион - это определенная территория, отличающаяся от других территорий по ряду признаков и обладающая некоторой целостностью и взаимосвязанностью составляющих ее элементов. Основная задача при управлении регионом – рост благосостояния населения региона и экономический рост региона в целом. Экономический рост – это объемная, количественная сторона развития экономической системы, характеризующаяся расширением ее (системы) масштабов¹. Мерой измерения экономического роста являются темпы изменения показателя объема производства в экономической системе. В частности, для экономической системы региона мерой экономического роста является темпы роста валового регионального продукта (ВРП).

Целью нашего исследования является построение экономико-математической модели, описывающей функционирование экономики региона и позволяющей провести последующую декомпозицию экономического роста региона с оценкой вклада факторов роста в экономику региона.

Под декомпозицией экономического роста мы понимаем процесс разделения развития экономической системы на составные части. Выявленные в процессе декомпозиции факторы будем называть *факторами роста*. Декомпозиция экономического роста региона позволяет выделить экстенсивные и интенсивные источники роста региона. В процессе декомпозиции также оценивают совокупную факторную производительность или воплощение технического прогресса в факторах роста.

Под совокупной факторной производительностью мы будем понимать необъясненный факторами остаток экономического роста. Совокупная факторная производительность также может трактоваться как эффективность, связанная с техническим прогрессом и улучшением организации производства.

Для описания механизма экономических отношений внутри региона мы будем использовать производственные функции. Данный подход позволит нам найти взаимосвязь между выпуском и факторами производства в регионе.

Проблема изучения экономики региона с помощью аппарата производственных функций рассматривалась в работах Р.М.Энтова и С.М.Дробышевского². В обеих работах авторы для описания экономики региона использовали неоклассические производственные функции. Так Энтов Р.М. выделяет следующие основные виды производственных функций:

---

¹ Лопатников Л.И. Экономико-математический словарь: Словарь современной экономической науки. М.: Дело, 2003.

² Дробышевский С. и др. Факторы экономического роста в регионах РФ. М.: ИЭПП, 2005; Энтов Р. и др. Факторы экономического роста российской экономики. М.: ИЭПП, 2003.

$$Q = A(t)F(L, K, N), \quad (1)$$

$$Q - N = V_d = B(t)G(L, K), \quad (2)$$

$$Q = H(V(C(t), L, K), N), \quad (3)$$

где

Q – конечный выпуск;

V_d – добавленная стоимость;

L – затраты труда;

K – затраты капитала;

N – промежуточные затраты;

$A(t), B(t), C(t)$ – меры технического прогресса.

Параметр t – параметр времени и поэтому может принимать вещественные значения. Размерность функций $A(t), B(t), C(t)$ зависит от размерности L и K . В целом значения $A(t), B(t), C(t)$ зависят от конкретной производственной функции, но в общем виде область значения этих функций принадлежит множеству вещественных чисел.

Модели 1–3 часто встречаются в работах как отечественных, так и зарубежных авторов.

Во всех приведенных выше спецификациях в качестве аргументов неоклассической производственной функции выступают труд и основной капитал. Кроме этих факторов, на наш взгляд, также важным фактором экономического роста является финансовый капитал.

Существует несколько определений понятия «финансовый капитал».

«Финансовый капитал – совокупность условий, когда денежная форма капитала позволяет получать прибыль без формального обмена денег на товары»³.

«Финансовый капитал – это часть общего капитала, который рассматривается в рамках финансово - денежного оборота с регулированием его цикличности как источник финансирования деятельности хозяйствующего субъекта»⁴.

Приведенные выше определения позволяют рассматривать финансовый капитал как часть общего капитала, в том числе и капитала региона. Если учесть что капитал является неоспоримым по важности фактором экономического роста, то и финансовый капитал должен рассматриваться как фактор экономического роста. Однако указанные выше определения не дают четкого понимания о методе расчета финансового капитала.

На наш взгляд под финансовым капиталом региона стоит понимать сумму денежных средств, которые расходуются в регионе, т.е. это расходы консолидированного

³ Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. М.: ИНФРА-М, 2006.

⁴ Климова Н.В. Финансовый капитал: сущность и методы оценки // Аудит и финансовый анализ, 2010. №2.

бюджета региона, расходы внебюджетных фондов в регионе, потребительские расходы населения, оборотные активы организаций и кредиты, выданные физическим и юридическим лицам. Такое определение финансового капитала в отличие от приведенных выше учитывает всех субъектов региона и дает понятный способ оценки финансового капитала.

В качестве производственной функции региона, на наш взгляд, предпочтительно использование неоклассической мультипликативной производственной функции. Данный выбор обусловлен тем, что этот вид производственных функций хорошо теоретически описан и позволяет корректно охарактеризовать происходящие процессы в экономике региона.

Для построения макроэкономической производственной функции региона мы будем использовать уравнение (2) с добавлением в него фактора финансового капитала. Итак, предлагаемая нами многофакторная модель записывается следующим образом:

$$V_d = B(t)L^{\alpha_L} K^{\alpha_K} F^{\alpha_F} \exp(\varepsilon), \quad (4)$$

где

F – затраты финансового капитала;

α_L – вклад труда в добавленной стоимости;

α_K – вклад основного капитала в добавленной стоимости;

α_F – вклад финансового капитала в добавленной стоимости;

$\exp$ – экспонента;

ε – случайная компонента.

Для модели (4) оценка темпов роста общей производительности факторов в предположении постоянства отдачи от масштаба может быть выражена следующим образом:

$$g_B = g_V - \alpha_L g_L - \alpha_K g_K - \alpha_F g_F - \varepsilon. \quad (5)$$

где

g – темпы роста соответствующих показателей, %.

На изменение темпов роста факторов влияет изменение составляющих их «компонент». Так на изменение фактора труд влияет изменение численности занятых и структуры занятости. Для определения изменений в структуре занятости в регионе мы воспользуемся индексом изменения структуры занятых⁵, который может быть записан с помощью следующей формулы:

$$I = \sum_i \frac{w_i N_i}{wN}, \quad (6)$$

где

I – индекс изменения структуры занятых в регионе;

N_i – число занятых i -й категории в регионе;

---

⁵ Дробышевский С. и др. Факторы экономического роста в регионах РФ. М.: ИЭПП, 2005.

N – общее число занятых в регионе;
 w_i – оплата труда i -й категории в регионе;
 $\bar{w}$ – средняя оплата труда в регионе.

На изменение основного капитала влияет изменение основных фондов и степени их использования. Для оценки степени использования основного капитала мы применим подход, который описан в работе Дробышевского С. «Факторы экономического роста в регионах РФ» 2003г. Идея подхода заключается в том, что оценка степени использования основного капитала построена на данных об уровне использования электроэнергии.

Учитывая выше сказанное, мы можем переписать оценку темпов роста общей производительности следующим образом:

$$g_B = g_V - \alpha_L g_L - \alpha_K g_K - \alpha_F g_F - \varepsilon = g_V - \alpha_L (g_N + g_I) - \alpha_K (g_S + g_E) - \alpha_F g_F - \varepsilon. \quad (7)$$

где

g_N – изменение численности занятых в регионе;
 g_I – изменение структуры занятых в регионе;
 g_S – изменение основных фондов в регионе;
 g_E – изменение уровня потребления электроэнергии в регионе;
 g_F – изменение финансового капитала в регионе.

Итак, с помощью многофакторной модели (4) мы можем провести декомпозицию экономического роста региона. В качестве объекта исследования возьмем данные по Ивановской области.

Данные и факторы экономического роста Ивановской области за период 2005–2010 гг. в ценах 2004 года представлено в табл. 1.

В нашей работе для оценки вклада факторов в экономический рост в Ивановском регионе мы будем использовать:

- 1) в качестве весового коэффициента трудовых затрат – долю оплаты труда наемных работников в ВРП;
- 2) в качестве весового коэффициента основного капитала – разность между единицей и коэффициентом трудовых затрат, умноженную на долю основного капитала в сумме основного и финансового капитала;
- 3) в качестве весового коэффициента финансового капитала – разность между единицей и коэффициентом трудовых затрат, умноженную на долю финансового капитала в сумме основного и финансового капитала.

Данные по оценке вклада факторов представлены в табл. 2.

Таблица 1

Сводная таблица данных экономического роста Ивановского региона

Год	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	Темп прироста 2010/2004
Индекс физического объёма валового регионального продукта	1	104,80	107,00	112,30	99,90	93,20	101,80	19,36%
Среднегодовая численность занятого населения, чел.	480571	478690	484877	494892	496521	487373	490209	2,006%
Индекс изменения структуры занятых	0,992	0,981	0,993	1,007	1,003	0,982	1,030	-0,443%
Основные фонды, скорректированные на ИПЦ, млн.р.	144334	135162,83	132054,73	149048,2403	163061,2558	173184,6034	180383,8047	24,977%
Потребление электроэнергии, млн.кВт*ч	4127,8	4078,2	4082,2	4101,4	4004,6	3926,9	3846,7	-6,810%
Финансовый капитал, скорректированный на ИПЦ, млн.р.	39305,94615	45797,15076	51025,99897	53059,59731	61530,87349	62461,37433	65359,68172	66,284%

Таблица 2

Оценка вклада факторов

	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	ИТОГО
Вклад фактора труд, %	56,21	55,59	54,20	54,90	55,07	54,74	54,93	56,79	49,31	54,91	54,29
Вклад основного капитала, %	31,81	31,75	36,00	33,68	32,41	33,38	32,72	31,76	37,21	31,00	33,06
Вклад финансового капитала,	11,98	12,66	9,80	11,41	12,52	11,88	12,35	11,45	13,48	14,10	12,65

Результаты декомпозиции представлены в табл. 3 и на рис. 1.

В результате нашего исследования мы можем сделать следующие выводы:

1. Экономический рост Ивановской области за период 2005-2010гг. составил 19,36%.
2. Вкладом труда обусловлено лишь 4,38% от общего экономического роста или 0,85%.
3. Вкладом основного капитала обусловлено 31,03% от общего экономического роста или 6,01%;

4. Вкладом финансового капитала обусловлено 43,31% от общего экономического роста или 8,38%.

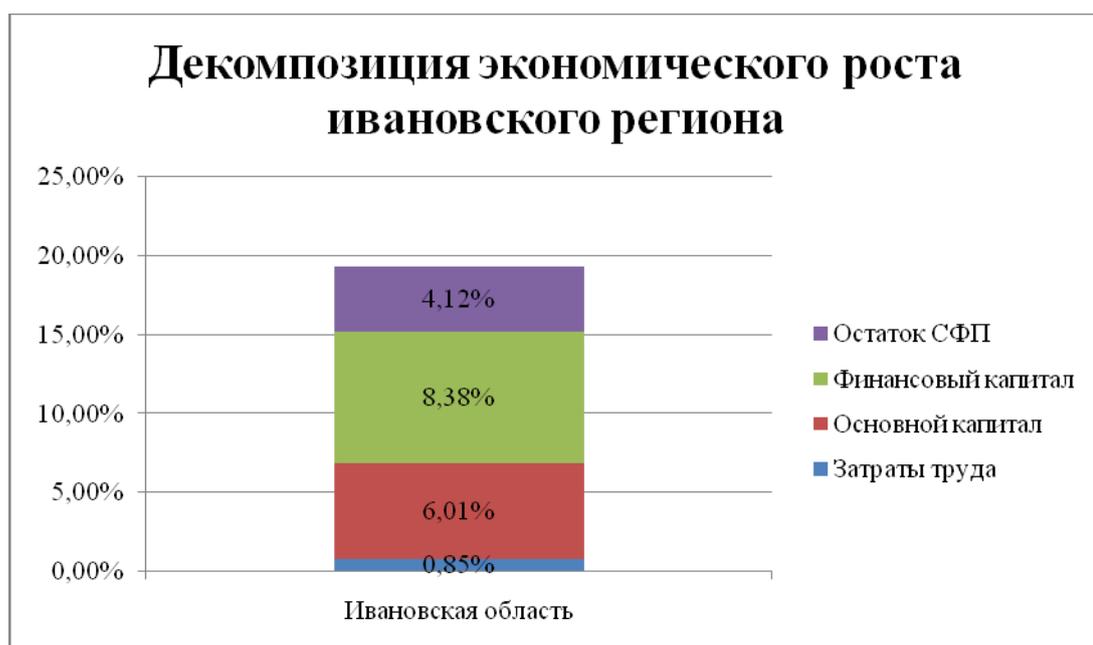
5. Суммарным вкладом основного и финансового капитала обусловлено 74,33% от общего экономического роста или 14,39%.

6. Необъясненный остаток СФП составил 21,28% от общего экономического роста или 4,12%.

Таблица 3

Декомпозиция экономического роста Ивановского региона, 2005–2010 гг. (%)

Ивановская область	ВРП	Общие затраты факторов	Затраты труда	Труд (занятость)	Структура занятости	Общие затраты капитала	Основной капитал	ОФ	Степень загрузки	ФК	Остаток СФП
	19,36	15,24	0,85	1,09	-0,24	14,39	6,01	8,26	-2,25	8,38	4,12

Рис. 1. Декомпозиция экономического роста Ивановского региона, 2005-2010 гг.

Проведем сравнение нашей многофакторной модели экономического роста (4) и модели экономического роста без фактора финансового капитала. Модель экономического роста без фактора финансового капитала может быть записана следующим образом:

$$V_d = B(t)L^{\alpha_L} K^{\alpha_K} \exp(\varepsilon). \quad (8)$$

Оценка темпа экономического роста региона, описанного моделью (8) может быть записана следующим образом

$$g_B = g_V - \alpha_L g_L - \alpha_K g_K - \varepsilon = g_V - \alpha_L (g_N + g_I) - \alpha_K (g_S + g_E) - \varepsilon. \quad (9)$$

Для проведения декомпозиции экономического роста Ивановской области с помощью модели (8)-(9) мы воспользуемся данными таблиц 1 и 2. Результат декомпозиции экономического роста Ивановской области за период 2005-2010 гг. на основе модели (8)-(9) представлен в табл. 4.

Таблица 4

Декомпозиция экономического роста Ивановского региона за период 2005–2010 гг. на основе 2-х факторной модели, (%)

Ивановская область	ВРП	Общие затраты факторов	Затраты труда	Труд (занятость)	Структура занятости	Общие затраты капитала	Основной капитал	ОФ	Степень загрузки	ФК	Остаток СФП
	19,36	9,15	0,85	1,09	-0,24	8,3	8,3	11,42	-3,11	10,21	10,21

Как видно из табл. 4, величина СФП превышает величину общих затрат факторов. Данный результат подтверждает то, что модель экономического роста (8)-(9) не является адекватной и непригодна для описания экономических процессов в Ивановском регионе.

В результате нашего исследования нам удалось построить многофакторную модель экономического роста. Наше исследование показало, что финансовый капитал является основным фактором экономического роста в Ивановском регионе за период 2005-2010 гг. В то же самое время нам удалось снизить величину необъясненного остатка совокупной факторной производительности по сравнению с оценками СФП в других работах и на основе двухфакторной модели экономического роста. Это также подтверждает правильность выделения финансового капитала как одного из основных факторов экономического роста региона.

ПРОБЛЕМЫ ИННОВАЦИОННО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ*

Практика проведения инновационно-ориентированных реформ российской экономики показывает, что без интеграции интересов государства и общества с интересами бизнес структур, любые управленческие инновации обречены на провал [3]. Современные общественные преобразования изменили функции государственной службы, трансформировали ее правовой и социальный статус, актуализировали необходимость детализации содержания деятельности государственных служащих.

В современных условиях инновационное развитие государства невозможно без использования методов стратегического планирования. Отход от директивного общегосударственного планирования выдвигает новые задачи на современном этапе. Переход к рыночным условиям заставляет использовать и находить механизмы координации действий и экономических интересов всех субъектов хозяйствования, включая интересы государства [2]. Это позволяет по-новому взглянуть на применяемые модели планирования развития государства, а также программы социально-экономического развития территорий.

Планирование как вид управленческой деятельности направлено на выбор оптимальной альтернативы развития объекта управления, рассчитанной на определенный временной период. Планирование всегда представляет собой предварительное принятие решений, направленных на достижение требуемых результатов в перспективе; оно должно быть гибким и способным адаптироваться к постоянным изменениям самого объекта управления, изменением внешней среды и направлено на достижение желаемого состояния объекта управления. Планирование предполагает предотвращение ошибочных действий и сокращение неиспользованных возможностей. Роль планирования в инновационном развитии экономики заключается не в предсказании будущего состояния объекта и не в пассивном приспособлении к изменениям, а в активном преобразовании объекта планирования [4]. Планирование является объективным, закономерным продолжением и развитием прогнозной деятельности. Решение проблем стратегического управления должно быть основано на интеграции объектно-ориентированных технологий проектирования, интеллектуальных услуг, современных информационных технологий, использующих передовые достижения в области анализа, прогнозирования, ситуационного моделирования и формализованных знаний эксперта для обработки оперативной информации, принятия управленческих решений [6]. Для повышения эффективности и результативности деятельности органов власти необходимо модернизировать всю систему государственной

---

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект № 14-06-00207-а).

власти, результатом которой должны быть эффективная и четкая технология разработки, принятия и исполнения решений, поскольку существующий сегодня порядок ориентирован не столько на содержание, сколько на форму [5].

Существует множество теоретических подходов к определению сущности планирования. По мнению Р. Акоффа, планирование есть «процесс принятия и оценки целого ряда взаимосвязанных решений, предваряющих определенную деятельность в ситуации, когда есть уверенность, что желаемое будущее состояние не возникнет без определенных действий, и что соответствующие действия повысят вероятность благоприятного исхода» [1, с. 131].

Планирование рассматривается как процесс, касающийся сознательной оценки взаимосвязанных решений и стратегий до принятия решений, как процесс, посредством которого научные и экспертные знания дополняются организованным действием, как действие, направленное на то, чтобы облегчить решения и сделать их более реалистичными и рациональными. Термин планирование становится значительно более конкретным, когда к дефиниции прибавляются такие определения как комплексное, стратегическое, тактическое, или направленное на развитие. Только после добавления определяющего термина слово планирование действительно обретает ясную цель.

Процесс планирования включает в себя:

- выявление и исследование неструктурированной или слабо структурированной проблемной ситуации;
- определение и проектирование «картины» целей;
- формулирование управленческих задач;
- создание образцов, эталонов и нормативов для деятельности;
- определение способов достижения целей и задач;
- обоснование ресурсного обеспечения целей и нормативов;
- определение возможного диапазона отклонений от первоначально разрабатываемой «картины целей», задач и стратегий по их достижению, а также осуществление контроля на данном этапе.

Если обобщить элементы процесса планирования, то можно выделить три его блока: проектирование миссии и «целевой картины» организации; разработка и реализация плана, направленного на их реализацию; осуществление контроля эффективности проделанной работы.

Первый этап процесса планирования заключается в аудите внешней и внутренней среды организации и структурировании проблемной ситуации. На этом этапе осуществляется сбор и анализ информации об особенностях проблемной ситуации, формируется миссия и «картина целей». Миссию и целевую картину необходимо не только своевременно проектировать, но и также своевременно презентовать в организационной культуре и во внешней среде. «Целевую картину» упорядочивают стратегические, тактические и опера-

ционные цели. Временной горизонт проявляет себя в соответствии с видами целей, в своевременности формирования целей – проектов, а также в «запуске» соответствующих типов менеджмента (стратегического, корпоративного, тактического, операционного). Выявление стратегических, тактических и операционных целей позволяет выделить соответствующие уровни планирования.

Формирование миссии организации, стратегических целей, а также стратегическое проектирование являются составляющими стратегического процесса. Планирование является одной из управленческих функций в организации и связано с ее перспективным развитием, а также со структурированием и координацией ее текущей деятельности. Содержание планирования явно выражено в программе мероприятий, направленной на достижение поставленной цели. Программа включает в себя расчет времени и ресурсов, а также субъектов, ответственных за реализацию данных мероприятий [7, с. 142].

В настоящее время наиболее острыми являются две основные проблемы в деятельности органов государственного управления – представительной и исполнительной власти. В качестве первой из них можно выделить слабую структурированность деятельности по формированию и достижению стратегических (общесистемных, межведомственных) приоритетов развития государства. Второй проблемой является отсутствие взаимосвязи между текущей деятельностью исполнительной власти и решением вопросов, относящихся к сфере приоритетности. Зачастую приоритетная деятельность не только не использует все преимущества, наработанные в процессе регулярной деятельности органов власти, но и противоречит ей, отнимая ограниченные финансовые и человеческие ресурсы.

Разработка планов деятельности органов государственной власти должна включать следующие этапы: определение целей деятельности, определение показателей деятельности, закрепление ответственности, определение частных целей и задач деятельности органа власти, установление целевых значений показателей конечного результата.

При определении целей деятельности органа государственной власти необходимо исходить из того, что цели деятельности органа должны соответствовать: стратегическим приоритетам развития государства; целям органа государственной власти по реализации стратегических приоритетов; уровню компетенции, объему полномочий, функциям, направлениям деятельности, услугам, которые закреплены за органом государственной власти.

На этапе определения показателей деятельности определяются общие и частные цели деятельности органа власти. Общие и частные (ведомственные) цели деятельности направлены на достижение определенного результата, например: производство общественных благ; изменение состояния, параметров и качественных характеристик определенной целевой группы; желаемое изменение параметров социально-экономического развития. Для возможности анализа и контроля над достижением общих и частных (ведомственных) целей используются специальные показатели результативности – показатели

конечного эффекта. Построение системы, обеспечивающей определение стратегических приоритетов развития как основу процесса целеполагания, является задачей, которую необходимо решать индивидуально, с учетом политической составляющей, а также особенностей и разработок аналитических подразделений в органах государственной власти.

Закрепление ответственности предполагает определение общих целей деятельности органа государственной власти. Критерий закрепления: приоритет закрепляется за лицом, чьи функции и полномочия в максимальной степени направлены на реализацию приоритетов.

При определении частных целей и задач деятельности органа власти предполагается, что каждый орган власти определяет частные (ведомственные) цели деятельности по каждому из направлений деятельности органа власти. Каждое направление деятельности имеет одну или несколько целей. После описания всех направлений деятельности, в реализации которых участвует орган, определяются частные (ведомственные) цели каждого направления деятельности.

Этап определения показателей результативности (показателей конечного эффекта) для общих и ведомственных целей предполагает следующее: для каждой их общих целей деятельности разрабатываются показатели конечного эффекта, которые могут быть аналогичны показателям социально-экономического развития. Далее формируется список показателей конечного эффекта для каждой из целей. Для каждого из показателей приводится источник информации для его вычисления. В случае важности показателя и отсутствия системы сбора и мониторинга данных для его вычисления, разрабатываются предложения по созданию соответствующей системы сбора и мониторинга информации (например, разработка дополнительных форм отчетности для подведомственных учреждений).

На этапе установления целевых значений показателей конечного результата исполнительный орган формирует предложения по значениям показателей конечного эффекта для общих целей, устанавливаются сроки достижения значений. Эти показатели для органа власти соотносятся с установленными показателями социальных стандартов и норм. Орган государственной власти формирует предложения по значениям показателей конечного эффекта для частных целей, устанавливает сроки достижения этих значений. Значений для частных целей, конкретизирующих общие, устанавливаются в соответствии со значениями, предложенными высшим исполнительным органом власти.

Реализуемая в настоящее время модель регламентирования деятельности предполагает четкую взаимосвязь деятельности органа власти, его структурных подразделений и конкретных должностных лиц при исполнении своих должностных обязанностей. Исходя из этого, можно выстроить алгоритм стратегического планирования служебной деятельности государственного служащего:

- положение об органе государственной власти, определяющее порядок исполнения полномочий и функций;

- должностная инструкция, содержащая профессиональные требования к государственному служащему и результатам его работы;

- служебный договор (контракт), включающий показатели результативности и показатели эффективности профессиональной служебной деятельности государственного служащего;

- индивидуальный план государственного служащего, реализующий конкретную программу реализации служебных задач государственного служащего.

Внедрение и применение модели «сбалансированных показателей» переводит корпоративные стратегические цели в систему сбалансированных показателей, а также осуществляет проектирование карты стратегических целей и задач органа власти и карты ключевых показателей результативности руководителей и сотрудников организации на всех должностных уровнях. Использование методики «системы сбалансированных показателей» в работе аппаратов органов власти помогает установить соответствие между стратегическим планированием и индивидуальным планом деятельности служащих, и, вместе с тем, позволяет определить стратегические перспективы организации; стратегические цели, переводимые в измеримые показатели; план работы органа, структурного подразделения, конкретного служащего.

Алгоритм планирования профессиональной деятельности служащего можно условно разделить на три этапа.

Первый этап – разработка карты стратегических целей и стратегии развития органа. На данном этапе конкретизируются перспективные направления работы органа, практическая реализация которых будет определять основные конкурентные преимущества организации, а именно: гарантия стабильной работы и профессиональной востребованности специалистов, высокая потребительская ценность государственных услуг, пенсионное обеспечение служащих, предоставление сотрудникам возможности участвовать в инновационных проектах, профессиональная репутация управленческой команды, комфортная рабочая обстановка. Стратегический план развития органа власти предусматривает анализ четырех перспективных направлений оценки эффективности деятельности органа: финансовое обеспечение; организационные процессы; потребители социальных услуг; развитие персонала.

Второй этап – каскадирование или «расщепление» стратегических целей по структурным подразделениям и сотрудникам организации на всех должностных уровнях. Процесс измерения эффективности профессиональной служебной деятельности государственных служащих – это, по сути, оценка потенциальной возможности персонала достигать намеченных целей, с минимальными затратами. Поэтому на данном этапе необходимо оценить вклад конкретного сотрудника и конкретного структурного подразделения в

достижение запланированного результата и реализацию намеченных стратегических целей организации.

Третий этап – разработка системы ключевых показателей результативности профессиональной деятельности государственных служащих. Ключевые показатели результативности работы организации как органа власти и, соответственно, профессиональной деятельности государственных служащих можно определить, используя методику «система ключевых показателей результативности».

«Система ключевых показателей результативности» представляют собой измеряемые индикаторы, отражающие реальный вклад каждого служащего в реализацию намеченного плана, определяют стиль работы органа и вовлекают персонал в реализацию стратегии развития организации через выполнение индивидуального плана деятельности государственного служащего. Количество показателей (оптимальное их число – 25) является индивидуальным для каждой организации. Показатели должны быть достоверны и сбалансированы между собой, четко и конкретно сформулированы, т.к. это предоставляет возможность исполнителю самостоятельно оценивать свою работу и влиять на ее результат. Количественные и качественные «системы ключевых показателей результативности» также распределяются по четырем перспективным направлениям оценки эффективности деятельности органа: финансовое обеспечение, организационные процессы, потребители услуг, развитие персонала.

Условно эту систему можно объединить в три группы: финансовые, управленческие, исполнительские:

- финансовые (стоимость программы профессионального развития служащих, расходы на дополнительные социальные выплаты и льготы, объем «продаж» оказываемых услуг в расчете на одного потребителя, доход в расчете на одного сотрудника, уровень целесообразности расходования бюджетных средств и т.д.);

- управленческие (степень реализации стратегического плана развития органа, уровень готовности персонала к организационным изменениям, уровень текучести кадров, оперативность реагирования на потребительские запросы населения и т.д.);

- исполнительские (количество документов, прошедших экспертизу, среднее время, затраченное на одного потребителя оказанных услуг, время заполнения вакансии, количество обученных сотрудников т.д.).

Представленная методика построения системы сбалансированных показателей предполагает проектирование карты *ключевых показателей результативности* работы органа государственного управления, карты ключевых показателей результативности структурного подразделения и индивидуальной карты ключевых показателей результативности государственного служащего.

Таким образом, в процессе стратегического планирования в положении об органе государственной власти закрепляются конкретные перспективные направления деятель-

ности, порядок исполнения полномочий и функций, предоставления государственных услуг, желаемые результаты работы и измеримые показатели для их оценки. При реализации стратегического планирования профессиональной служебной деятельности государственных служащих упорядочивается выполнение функциональных обязанностей, а также закрепляется взаимозависимость между стратегическим планом развития органа и индивидуальным планированием работы сотрудников.

Взаимосвязь процессов стратегического планирования деятельности органа и индивидуального плана работы государственного служащего можно представить следующим образом:

- стратегия развития органа государственной власти;
- стратегический план деятельности органа государственной власти;
- индивидуальный план работы государственных служащих;
- основные конкурентные преимущества органа власти.

Целостное рассмотрение проблемы эффективности деятельности органов государственной власти основано на построении взаимоувязанной системы оценок. Давая всестороннюю оценку различных аспектов управленческой деятельности, необходимо вместе с тем выделять и акцентировать внимание на главных ее моментах и приоритетных критериях, непрерывности.

Наиболее объективная оценка результатов достигается при условии всестороннего их рассмотрения с нескольких позиций: экономических и социальных; количественных и качественных; текущих и перспективных. Чтобы провести процесс планирования, необходимо определить методы, технологии и процедуры, с помощью которых можно его осуществить. Они должны, с одной стороны, быть способными выделить показатели, и, во-вторых, соответствовать целям планирования, которые преследует субъект.

Многообразие подходов к принятию управленческих решений требует, чтобы подход к эффективности этих решений основывался на едином и общем для всей системы параметре. Таким параметром является степень совпадения целей организации с целями системы управления. Но поскольку конечную цель управления выразить одним показателем невозможно, необходима сбалансированная система показателей.

Наиболее значимым для развития открытости системы государственного управления, повышения их эффективности именно как социальных институтов представляется концептуальное осмысление миссии, без которого процесс реформирования становится проблематичным, лишается фундаментальной основы и в результате происходит еще большее дистанцирование от целей социального управления. Трудно ожидать качественных результатов работы от организации, сотрудники которой не знают, каковы задачи этой организации и каков вклад каждого из служащих в достижение необходимых результатов. Даже в тех случаях, когда органы власти имеют, например, стратегический план, а подразделения - им установленные задачи и цели – это не означает автоматически нали-

чия системного подхода, поскольку может означать просто набор никаким образом не связанных между собой и достаточно случайных мероприятий.

Необходимым условием эффективности государственного управления является разработка долгосрочной стратегии развития на основе научно обоснованного анализа имеющихся ресурсов и определения приоритетных направлений с учетом изменения основных показателей социально-экономических процессов с использованием инструментов планирования и управления по результатам. Перенос акцента со структурных преобразований на реформирование содержания и внутренних механизмов деятельности органов исполнительной власти, синхронизация реформирования с бюджетированием, внедрением показателей результативности и эффективности деятельности органов власти, информационных и коммуникативных технологий. Оценка качества принимаемых и реализуемых управленческих решений должна осуществляться уже не столько по показателям осуществляемых действий, сколько по конечным результатам их воздействия на экономику и социальную сферу.

Таким образом, разработка и утверждение единой методики определения целей и планирования деятельности органов власти является средством, позволяющим обеспечить эффективную координацию работы различных властных структур по достижению приоритетных задач, определенных параметрами уровня социально-экономического развития, а также результативное осуществление текущей деятельности, возложенной на орган государственной власти.

В процессе стратегического планирования формируется «продуктивный» стиль работы органа власти: персонал вовлекается в реализацию стратегического плана через четкое исполнение своих должностных обязанностей и выполнение индивидуального плана. В результате подобной работы стратегические цели организации транслируются в систему сбалансированных показателей, измерение которых предоставляет возможность специалистам оценивать текущие и планируемые результаты работы непосредственно органа, его структурных подразделений, конкретных сотрудников, обеспечивая оперативную связь результатов текущей служебной деятельности служащих с долгосрочными перспективами развития организации.

Литература

1. *Акофф Р.* Акофф о менеджменте / Пер с англ. под. ред. В.А. Волковой. – СПб.: Питер, 2002.
2. *Ерзнкян Б.А.* Неолиберальные «коридоры» и институциональные «тоннели» // Теория и практика институциональных преобразований в России / Сборник научных трудов под ред. Б.А.Ерзнкяна. Вып. 24. – М: ЦЭМИ РАН, 2012. С. 6–33.
3. *Ерзнкян Б.А.* Эволюция социальных порядков и особенности поведения экономических агентов // Теория и практика институциональных преобразований в России / Сборник научных трудов под ред. Б.А.Ерзнкяна. Вып. 26. – М: ЦЭМИ РАН, 2013. С. 6–63.

4. *Петрова М.Н.* Индикативное планирование: вопросы теории и методологии. Казань, 2000; Индикативное планирование: теория и пути совершенствования. СПб, 2000.
5. *Сергушко С.В., Славянов А.С.* Инновационные методы в государственном управлении // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 46. С. 56–62.
6. *Славянов А.С., Хрусталёв Е.Ю.* Методы формирования национальной инвестиционной стратегии на основе GAP-анализа // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2009. Т. 2. № 26. С. 167–179.
7. *Щербина В.В.* Социальные теории организации: Словарь. – М.: ИНФРА-М, 2000.

ТЕНДЕНЦИИ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ В РОССИИ

На мировых рынках высокотехнологичной продукции наша страна занимает мало-заметное положение. И хотя национальная инновационная система (НИС) продвигается вперед, заметных изменений и технологически модернизационных прорывов по всему периметру народного хозяйства не наблюдается. Вот красноречивое свидетельство этого распространенного мнения: «индекс экономики знаний (10-е место среди ведущих стран мира); расходы на образование (последнее место среди ведущих стран мира); доля страны в производстве высокотехнологичной продукции (последнее место среди ведущих стран мира); международное сопоставление наукоемкости и наукоотдачи (последнее место среди ведущих стран); рейтинг благосостояния (63 место); влияние государственной политики на инвестиции в инфраструктуру (последнее место в мире); показатель продуктивности сельхозпродукции (ниже показателей стран ЕС)» [12, с. 6].

Самым большим результатов усилий в научно-исследовательском секторе любой страны должны быть очевидные, осязаемые, реально воплощенные в повседневность, повседневный уклад (в повседневную жизнь) технико-технологические изменения. А сама весьма скромная инновационная активность характеризуется следующими показателями: (см. табл. 1, 2).

Таблица 1

Удельный вес инновационно-активных организаций, осуществлявших технологические инновации (уровень инновационной активности)

Год	Проценты (%)
2005	9,7
2007	8,5
2008	8,0
2009	7,7
2011	7,9

Источник: [10, с.166]

Таблица 2

Удельный вес отгруженных инновационных товаров в объеме отгруженных товаров и услуг инновационно-активных организаций, осуществлявших технологические инновации

Год	Проценты (%)
2005	12,6
2007	10,4
2008	9,8
2009	9,3
2011	8,9

Источник: [10, с.166]

Нужно согласиться, что в стране сохраняется реальная опасность сведения жизненно необходимого процесса создания национальной инновационной системы к «искусственной недееспособной конструкции» [6, с. 465]. Аналогичный вывод делается и в национальном докладе «Инновационное развитие – основа модернизации России»: «Пока даже модернизированные модели, которые выпускает наша промышленность, ориентированы на сбыт на маргинальных рынках... Сохранение существующего положения – это даже не концепция догоняющего развития, а закрепление нарастающего отставания» [7, с. 60]. Этот вывод подтверждают данные, приведенные в табл. 3.

Таблица 3

Уровень инновационной активности организаций промышленного производства и сферы услуг, осуществляющих технологические инновации, по видам экономической деятельности (в процентах) – 2010

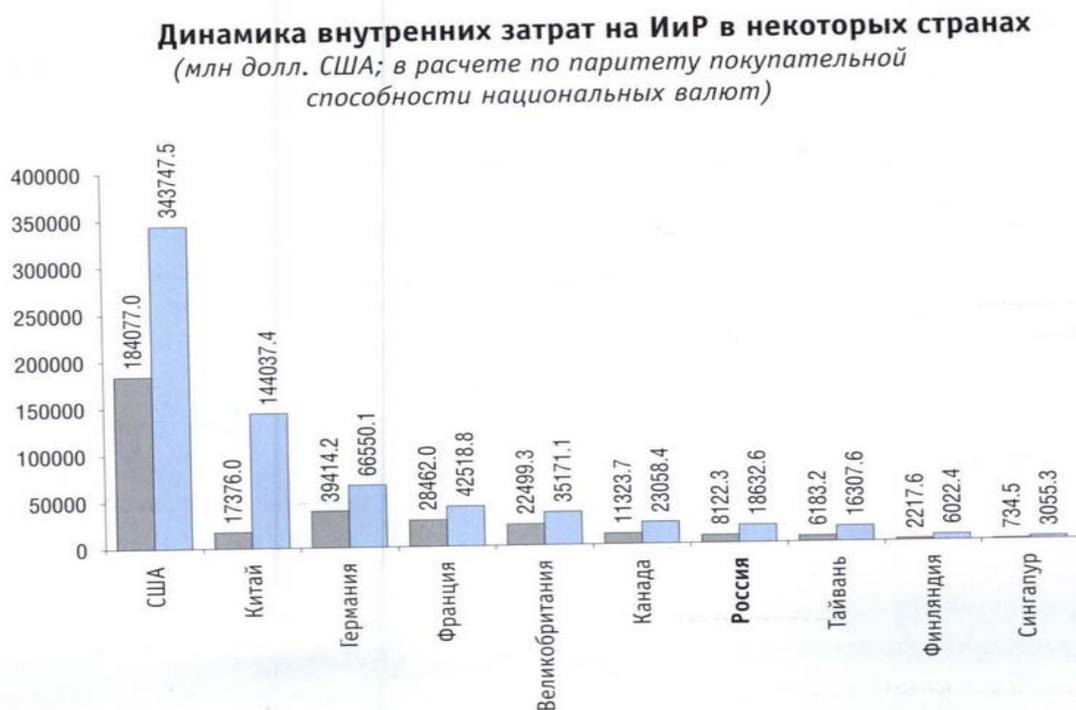
	%
Всего	7,9
добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	8,0
добыча других полезных ископаемых	4,8
производство пищевых продуктов, включая напитки, и табак	9,5
текстильное и швейное производство	7,5
производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	8,1
обработка древесины и производство изделий из дерева	4,1
целлюлозно-бумажное производство, издательская и полиграфическая деятельность	3,0
производство кокса, нефтепродуктов	30,2
химическое производство	23,3
производство резиновых и пластмассовых изделий	9,6
производство прочих неметаллических минеральных продуктов	7,2
металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	13,2
производство машин и оборудования	14,8
производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	24,3
производство транспортных средств и оборудования	19,0
прочие производство	7,0
производство прочих материалов и веществ, не включенных в другие группировки	38,3
производство и распределение газа и воды	4,3
деятельность, связанная с использованием вычислительной техники и информационных технологий	8,7
Связь	11,9
предоставление прочих видов услуг	3,5

Источник: [10, с. 170]

Все отрасли промышленности, которые непосредственно выходят на повседневность, находятся на угрожающе низком уровне для комфортного проживания человека в России. И если сюда добавить показатели интенсивности инновационной деятельности

организаций промышленного производства и сферы услуг, осуществлявших технологические инновации по регионам страны, то картина покажется просто удручающей.

Динамика внутренних затрат на R&D в России в сравнении с другими странами также оставляет желать лучшего. Так, в национальном докладе «Инновационное развитие – основа модернизации экономики России» приводятся следующие показатели (см. рис. 1).

Источник [Индикаторы науки, 2008; Наука, технологии и инновации, 2007].

Рис. 1. Динамика затрат на R&D по странам

Вместе с тем в последние годы наращивался инфраструктурный потенциал инновационной деятельности. К началу второго десятилетия нашего века Россия характеризуется следующими основными показателями развития науки в наукоградах (см. табл. 4, 5).

Таблица 4

Объем отгруженных инновационных товаров и затраты на технологические инновации организаций промышленного производства и сферы услуг

	Объем отгруженных инновационных товаров*, млн руб.	Затраты на технологические инновации, млн руб.	Из них		
			на исследования и разработки	на приобретение машин и оборудования	на производственное проектирование
2005	589005.2	143222.6	20799.0	88482.3	14206.8
2007	879698.4	234057.7	38607.1	136884.4	15833.6
2008	987844.1	307186.9	43231.0	181036.8	22051.5
2009	855253.0	399122.0	99543.2	203700.6	29239.4
2010	1045830.5	400803.8	83318.6	216611.8	27500.7

Таблица 5

Основные показатели развития науки в наукоградах

	2006	2007	2008	2009	2010
Наукограды	12	12	12	12	14
Организации, выполняющие научные исследования и разработки	84	93	91	94	110
Персонал, занятый исследованиями и разработками, человек	46917	45287	42601	42410	47099
Внутренние затраты на научные исследования и разработки, млн руб.	12984.4	16864.7	22236.7	26668.3	33618.1
из них внутренние текущие затраты	12461.3	15965.0	20032.2	24330.9	31077.1
Внутренние текущие затраты по видам работ:					
фундаментальные исследования	1811.0	2701.4	2256.6	2844.1	5740.5
прикладные исследования	2756.6	3029.9	6173.6	6789.1	8377.2
разработки	7893.8	10233.7	11602.1	14697.7	16959.4
Из общего объема – внутренние затраты по приоритетным направлениям развития науки, технологий и техники, млн руб.	3992.6	8628.8	14413.4	15517.3	21797.0
Среднегодовая стоимость основных средств, млн руб.	31629.6	45345.7	37497.4	41916.3	57047.6

Во всем мире существенное место в распространении технологий занимают технопарки. Их можно классифицировать следующим образом:

- технопарки при вузах и научных центрах;
- промышленные технопарки;
- особые экономические зоны технико-внедренческого типа;
- технопарки, создаваемые по программе Минкомсвязи.

В России большинство технопарков не может выполнять своих функций в качестве крупномасштабного проекта, включающего в себя либо корпоративные, правительственные или университетские лаборатории, а также малые компании. Поэтому необходимо совершенствование этого института по линии придания ему общемирового статуса технопарка, а не структуры, которая занята лишь привлечением бюджетных средств и только. Росстат РФ определяет российский технопарк как специализированный научно-производственный территориальный комплекс, на базе которого создаются благоприятные условия для развития инновационной деятельности, становления малых и средних наукоемких предприятий посредством предоставления субъектам инновационной деятельности в пользование помещений и оборудования, финансовой и кадровой помощи, необходимых услуг. Таким образом, технопарк можно рассматривать как организацию, на территории которой концентрируются научно-исследовательские институты, учебные заведения, промышленные предприятия, деловые центры, обслуживающие объекты, выставочные центры. Выход технопарков на повседневность, также как и обратная связь повседневности с эффективным, деятельным функционированием технопарков становится, в некотором роде, определяющим индикатором их устойчивости. По мнению И.Дежиной – заведующей сектором экономики и инноваций ИМЭ и МО РАН, руководителя группы по научной и промышленной политике Института науки и технологий (Сколково): «...Это не просто вопрос денег, всё гораздо сложнее. Важен общий климат в стране, который складывается из множества факторов. Например, опросы среди русскоязычных ученых, рабо-

тающих за рубежом..., показали, что только улучшение условий в науке и увеличение финансирования инновационной деятельности не подвигают людей к возвращению в страну. Им важна атмосфера, экономическое и политическое положение, стабильность... Богатство общества и его наука – это ещё не всё, важно устройство общества [9, с. 49].

Технопарки в качестве института распространения технологий в России имеет свои наработки, отдельные успехи и удачи, однако прорыва до сих пор не состоялось. Среди основных проблем, которые мешают превратить технопарки в действительно эффективный институт распространения технологий в России, можно отметить следующие. Во-первых, межведомственные несогласованности, мешающие последовательной работе по созданию технопарков и их финансированию, с учетом всех аспектов неопределенности и рискованности инновационной деятельности. Во-вторых, отсутствие доступа к квалифицированному, соответствующему профилю данного технопарка, научно-производственному и управленческому персоналу. В-третьих, низкая защита процессных или продуктовых инноваций патентами, гарантиями и пр. Так в сравнении с другими странами, патентная и публикационная активность в научно-исследовательской работе характеризуется следующими данными (рис. 2).

Рис. 2. Результаты R&D по странам

В-четвертых, понимание того, что необходимо склоняться к селективной инновационной деятельности, специализируясь в определенных областях знания, обеспечивая в них конкурентоспособность, с выходом на опережающую коммерциализацию и абсорб-

цию технологий в промышленности и сфере услуг для дальнейшего распространения в повседневность бытия. В связи с этим, необходим жесткий отбор фирм, способных отвечать профили технопарка. В-пятых, общей проблемой многих институтов современной России является отсутствие стратегических планов долгосрочного экономического развития, отсутствие в своем арсенале таких современных методов управления и мониторинга как форсайт, Swot-анализ, PESTEL-анализ, бенчмаркинг. В-шестых, всё ещё низкая кооперация с инновационным малым предпринимательством. В-седьмых, отсутствие понимания угроз и возможностей, которые несёт с собой вступление в ВТО [8, с. 83–89].

Организацией, которая обеспечивает передачу интеллектуальной собственности компаниям для ее использования в производстве товаров и услуг является центр трансфера технологий. Главной задачей центров трансфера технологий (ЦТТ) является формирования эффективного сотрудничества между разработчиками технологий, предпринимателями и инвесторами. ЦТТ - такой институт, который, относясь к консалтинговым элементам инфраструктуры, призван содействовать развитию инновационных проектов на разных стадиях инновационного цикла, так как новая идея может возникнуть на любой его стадии.

Центр трансфера технологий – это структурное подразделение в высшем учебном заведении, научной организации, на промышленном предприятии, которое обеспечивает коммерциализацию интеллектуального продукта, полученного в результате инновационной деятельности.

Развития венчурного предпринимательства западноевропейского уровня в России фактически не происходит. Стало нормой бегство капитала из России, так по официальным данным в 2012 году отток составит много более 60 млрд долл. (по некоторым данным – до 80 млрд долл.). Прогнозы на 2014 год – уже 100 млрд долл. Привлекает за рубеж отечественных предпринимателей прозрачность и простота ведения и организации бизнеса. Рискованная схема финансирования по сравнению с традиционными способами вложения, так эффективно работающая в развитых странах, у нас фактически отсутствует. Серьезной проблемой является отсутствие необходимых кадров – команды менеджеров – рискованных инвесторов в высокотехнологичные производства, нет подобающей подготовки в вузах этих менеджеров, с весьма специфическим набором качеств, фактически отсутствуют образовательные программы мирового уровня по подготовки таких кадров.

Исключительное значение для развития венчурного предпринимательства имело утверждение в 2000 году Венчурного инвестиционного фонда (ВИФ). К концу «нулевых» годов было создано уже более 20 региональных венчурных фондов инвестиций в малые предприятия научно-технической сферы. Причем, наряду с федеральными средствами (25%) и средствами регионального бюджета (25%) в качестве источников финансирования предусматривалось 50% средств частного капитала.

Инновационная деятельность предпринимательского сектора в России оставляет желать лучшего. Складывается устойчивое мнение, что отечественному бизнесу в массе своей, нет никакого дела до модернизационных проектов и модернизационных прорывов в стране. Отсутствует трансляция инновационного импульса со стороны деловой элиты.

Вообще «детерминантами политики, оказывающими влияние на спрос и предложение венчурного капитала, являются: налог на доход от капитала и налог на (реализованный) прирост капитала (налог на прибыль от продажи капитальных активов, *capital gains*), регулирование поглощений и приобретений с участием зарубежных инвесторов, процедура банкротства. К сожалению, в России отсутствует подход, использующий эти детерминанты политики.

Высокое качество работы фондов не обеспечивается по ряду причин. Главной из этих негативных причин является привлечение к работе фондов специалистов невысокой квалификации (специалисты высокой квалификации за высокие доходы у нас практически отсутствуют).

Большим достижением в продвижении инновационного предпринимательства стало создание в 2006 году Фондовой биржи высоких технологий (ФБВТ), которая призвана привлекать инвестиции в перспективные российские высокотехнологичные проекты на максимально выгодных условиях для соответствующих хозяйствующих субъектов.

Итак, для технологического прорыва, вроде, делается все необходимое – создаются соответствующие институты, ведутся научно-исследовательские работы. Проблемы инновационной политики постоянно обсуждаются на заседаниях Совета по науке, технологиям и образованию при Президенте РФ, в работе которого принимают участия эксперты, представители правительства, бизнеса, науки и высшего профессионального образования, имеется и солидный человеческий капитал, есть социальный запрос на высокотехнологическое повседневное бытие – однако видимых результатов, повторимся, нет. Анализ данной проблемы подводит исследование к выводу о том, что институциональных инструментов поддержки коммерциализации, распространения, абсорбции высоких технологий не хватает в одних случаях, а в других они просто не разработаны. Не осознаются многие институциональные проблемы организации стартовых фирм, рискованных предприятий, вообще инновационного малого предпринимательства, распространения высоких технологий, абсорбции, а также эргономики и в частном случаи дизайна.

Понимание этих проблем (в частности проблем коммерциализации технологий) привело к появлению закона РФ № 217-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйствующих обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности». Этот закон направлен на создание условий для обеспечения реального внедрения в производство, созданных за счет бюджетных средств результатов интеллектуальной деятельности, исключительные

права на которые принадлежат бюджетным учреждениям науки и образования. Действительно, по закону № 217 – ФЗ вузам и научно исследовательским институтам (как бюджетным, так и созданным государственными академиями наук) предоставляется право без согласия собственника их имущества (но с уведомлением) становиться учредителями или участниками хозяйственных обществ. Основной целью таких обществ является практическое применение – внедрение результатов интеллектуальной деятельности, исключительное право на которые принадлежит научным и образовательным учреждениям – учредителям. По этому закону результатами интеллектуальной деятельности могут быть:

- программы для ЭВМ;
- базы данных;
- изобретения;
- полезные модели;
- промышленные образцы;
- селекционные достижения;
- топологии интегральных микросхем;
- секреты производства (know-how).

Однако этот закон оставляет много вопросов. В экспертном сообществе вызывает критику способ и процедура денежной оценки вклада на основе решения общего собрания учредителей хозяйствующего общества – предлагается такую оценку не проводить вообще.

Интеллектуальная собственность, созданная в бюджетных научных учреждениях, как правило, не ставится на учет и принадлежит государству. Бюджетные организации в большинстве случаев не имеют на нее прав. Такое положение значительно снижает эффективность деятельности таких организаций и препятствует оптимизации ее функционирования.

В законе не оговорено, кто же становится в создаваемом хозяйственном обществе реальным собственником – тем реально заинтересованным предпринимателем, обладающим достаточными полномочиями для эффективного функционирования, управления прибылью и стратегического планирования своей деятельностью. Открытым остается вопрос о партнерах бюджетной организации или вуза при формировании хозяйствующего общества. Следовательно, во-первых, неясно насколько партнеры будут заинтересованы в развитии предприятия, во-вторых, из каких средств будет финансироваться развитие – приобретение и эксплуатация оборудования, маркетинг, логистика, реклама. Высказывается вполне реализуемое предложение о том, что такими партнерами должны быть изобретатели или инициаторы той идеи, для которой и создается это хозяйствующее общество. Такой подход позволяет реально решать острую для страны проблему возвращения инициативных предпринимателей, функционирующих на инновационной основе. Дополнительные преимущества при создании описываемых хозяйствующих обществ даст право

привлекать других лиц для участия в их деятельности, если это не противоречит интересам участников этого соглашения. Таким образом, необходимо продолжать двигаться в сторону создания благоприятной институциональной среды для трансфера технологий по линии привлечение вузов и научно-исследовательских институтов.

Оставляет желать лучшего межведомственная работа в области проведения инновационной политики в целом, а тем более в области распространения технологий, она остается на низком организационном уровне, особенно по линии обеспечения системности, регламентации функций и компетенций, входящих в систему элементов.

Для эффективного функционирования распространения технологий и их абсорбции принципиальное значение имеет положение дел с интеллектуальной собственностью. С 2008 года начали действовать нормы IV части Гражданского кодекса РФ, которая посвящена вопросам регулирования прав на объекты интеллектуальной собственности. В кодексе много недостатков, которые затрудняют, а в отдельных случаях блокируют эффективное использование прав на объекты интеллектуальной собственности.

Институционализация распространения технологий в России требует постоянного совершенствования и даже революционных прорывных действий. Особого внимания требуют механизмы, обеспечивающие взаимодействие бизнеса (инвесторов) и государства (разработчиков научно-технических программ). Однако государство и в обратном направлении должно инициировать для бизнеса разнообразную поддержку – финансовую, материально-вещественную, «обеспечивать человеческим капиталом». Оставляют желать много лучшего и механизм распространения технологий.

В действующем законе о передаче технологий констатируются три случая, когда права на единую технологию принадлежат полностью или частично Российской Федерации или ее субъектам:

- единая технология непосредственно связана с обеспечением обороны и безопасности;
- Российская Федерация до создания единой технологии или в последующем приняла на себя финансирование работ по ее доведению до стадии практического применения;
- исполнитель не обеспечил, до истечения шести месяцев после окончания работ по ее созданию, совершение всех действий, необходимых для признания за ним или приобретения исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, которые входят в состав технологии [п. 1 ст. 1546 IV части ГК РФ].

Однако данный правовой акт не рассматривает ситуацию, когда права на единую технологию, создание которой финансировалось из федерального бюджета или бюджета субъекта Российской Федерации, должны передаваться исполнителю, особенно это касается масштабного государственного сектора науки в нашей стране. Получается, что государственный сектор науки в таком правовом поле практически лишен стимулов по созданию инноваций.

Закон о передачи технологий не снимает существующий административные барьеры на пути коммерциализации этих технологий:

- не определены правила использования лицензионных выплат в финансовой деятельности различных бюджетных научных организаций;

- доход от продажи лицензий и патентов, если наступает такая необходимость, академические институты или бюджетные научные организации, обязаны вернуть в бюджет страны;

- в результате – отсутствие стимулов по регистрации объектов интеллектуальной собственности, продажи лицензий для последующей разработки и внедрения;

- изменения в Бюджетный кодекс РФ (вступивший в действие в 2008 году) ухудшили положение бюджетных научных организаций, так как отныне все доходы от разрешенных видов деятельности будут напрямую зачисляться в бюджет.

Перечисленные недостатки позволяют сделать вывод о том, что данные положения будут однозначно препятствовать эффективной коммерциализации научных разработок и технологий, созданных с привлечением бюджетных средств. Регулирующий потенциал государства, по мнению многих аналитиков, должен быть направлен в русло создания таких институтов, которые представляли бы из себя правила, формирующие общие принципы коммерциализации технологий, созданных в государственных организациях. Так, в Национальном докладе «Инновационное развитие – основа модернизации экономики России» [7, с. 66-67], предложены, абсолютно обосновано, следующие механизмы закрепления доли ожидаемой прибыли за разработчиками технологий, организациями и посредниками, содействующими процессу передачи технологий:

- ввести положения, определяющие задачу коммерциализации (передачи) технологий как одну из целей развития государственных научных организаций и вузов, а сам процесс коммерциализации как один из профильных (обязательных) видов деятельности;

- ввести правила и формы участия государственных научных организаций и вузов в создание малых инновационных предприятий;

- ввести положения, определяющие права и порядок использования доходов от коммерциализации технологий для развития научных исследований в государственных научных организациях и вузах;

- ввести положения, определяющие необходимость и направления развития инфраструктуры коммерциализации в государственных научных организациях и вузах, а также в федеральных органах исполнительной власти.

В России, как и в других странах, налоговое стимулирование является основным и общепризнанным инструментом инновационной деятельности.

За прошедшие десятилетия в новой России сложился определенный механизм поддержки инновационно активных организаций. Наиболее успешно действует ряд правил

[см. налоговый кодекс РФ, ст. 149 – п. 2, п.п. 26, п. 16, п.п.1, ст. 251 – п. 1, п.п. 14, ст. 259 – п. 7, ст. 262, п.3]. К ним относятся:

- налог на добавленную стоимость, от которого освобождается реализация исключительных прав на изобретения, полезные модели, промышленные образцы, программы для ЭВМ,... секреты производства (ноу-хау). От данного налога освобождается реализация прав на использование указанных результатов интеллектуальной деятельности на основании лицензионного договора. Определяется перечень освобожденных от налогообложения выполняемых организациями работ, относящихся к созданию или усовершенствованию производимой продукции;

- налог на прибыль. Расширяется перечень научных фондов, средства из которых, полученные в рамках целевого финансирования, не учитываются при определении налоговой базы по налогу на прибыль и пр.;

- упрощается система налогообложения в части расходов, которые уменьшают доходы инноваторов;

- предусмотрены льготы для особых экономических зон, для экспортно-ориентированных компаний в сфере информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

Аналитики отмечают, что принятые меры незначительны для изменения стратегии частного бизнеса в отношении финансирования исследований и разработок, что для российской картины технологического прорыва является весьма актуальным. В предлагаемых преференциях нет целостности и они трудны для согласованного действия административных структур разного уровня.

Абсолютно справедливо подчеркивается, что « не решены серьёзные проблемы налогообложения государственных научных организаций, которые стали особенно актуальны с момента отмены льгот по уплате имущественного и земельного налога. Особенно болезненно их отсутствие почувствовали крупные отраслевые институты, ведущие прикладные исследования и экспериментальные разработки, в том числе в области двойных технологий. Их деятельность, как правило, требует наличия мощной инфраструктуры и большой территории. Отсутствие налоговых льгот фактически ведет к разрушению материально-технической базы этих организаций, которая может быть с успехом использована в интересах повышения их инновационной активности, развития инновационной сферы в целом, включая создание технопарков, наукоградов, бизнес-инкубаторов и других элементов инновационной инфраструктуры» [7, с. 69].

Много пишется и говорится о значении и потенциале инновационного малого и среднего предпринимательства для обеспечения конкурентоспособности отечественной экономики и ее технологического прорыва. Все последние федеральные законы о развитии малого и среднего предпринимательства в России содержат различные формы поддержки от налоговых льгот и преференций до имущественной, информационной и инфра-

структурной поддержки. Однако фактическое отсутствие всяких возможностей в получении государственных гарантий значительно снижает возможности реализации большинства проектов малого предпринимательства в научно-технической сфере. Создание гарантийных фондов для МСП в большинстве субъектов РФ революционного прорыва пока не совершили, так как размеры региональных гарантийных фондов незначительны.

Важнейшим инструментом государственного регулирования отечественного научно-технического комплекса являются Федеральные целевые программы (ФЦП). В России на сегодняшний день их насчитывается около 50. Основной целью этих программ является развитие научно-технологического потенциала нашей страны в целях реализации приоритетных направлений развития науки, технологий и техники. Материалы по функционированию ФЦП хорошо известны научному сообществу, общественности и в данной статье не будут анализироваться. Однако хотелось бы подчеркнуть, что среди приоритетных направлений отмечено, что до 2012 года необходимо разработать 55–60 конкурентоспособных технологий, предназначенных для коммерциализации и внедрить в промышленное производство 5–7 технологий мирового уровня, выполнить строительно-монтажных работ по 13 инвестиционным объектам (где это всё на деле?).

Анализ некоторых ФЦП показал, что предполагается активизация инновационной деятельности и ускорение внедрения достижений в массовое производство, повышение качества жизни населения, отвечающего стандартам высокоразвитых стран мира по интеллектуализации среды обитания и возможностям использования электроники и информационных систем. Синергетический эффект в реализации заявленных целей предполагается получить от совместного действия государства, бизнес-сообщества, и научных организаций для повышения качества жизни населения и комфортного проживания в стране (ФЦП «Развитие электронной компонентной базы и радиоэлектроники» на 2008–2015 годы) Складывается впечатление, что до жизни прекрасной нам остался один год.

При всей привлекательности ФЦП как инструмента государственного регулирования научно-инновационной сферы им присущ такой серьёзный изъян как низкий уровень координации. « Государственными заказчиками ФЦП, как правило, выступают несколько министерств и ведомств. Например, в случае программы развития инфраструктуры наноиндустрии – это Федеральное агентство по науке и инновациям, Федеральное агентство по образованию, Федеральное агентство по атомной энергии, Федеральное космическое агентство, Федеральное агентство по промышленности, Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии, Федеральная служба по техническому и экспортному контролю. Заказчик-координатор – Минобрнауки России. Сложная межведомственная структура большинства федеральных программ создает большие затруднения в их реализации» [7, с. 76]. Дублирование функций, разобщенность институтов развития становится тормозом инновационного прорыва. Таким образом, явным изъяном становится институциональный изъян. И если к этому добавить перманентные и повсеместные реструк-

туризации министерств и ведомств и государственных структур разного уровня, отечественных вузов, то понятно, почему многое декларируется, а ничего не меняется. Вообще ФЦП подвергаются критическому анализу по ряду причин, среди которых, во-первых, низкая отдача вложенных средств, во-вторых, высокая степень бюрократизации процесса принятия решений, в-третьих, неритмичность выделения средств в течение года, в-четвертых, низкая степень участия бизнес-структур в софинансировании, выполнении и использовании ФЦП. Бизнес-элиты в целом остаются за рамками общегосударственных программ научно-технического развития; по сути, они являются компрадорскими, часто с нелегитимной собственностью, образованиями. Складывается неприглядная ситуация, характеризующаяся нежеланием национального бизнеса реализовывать собственные инновационные проекты в своей стране. Этот процесс угрожающе нарастает, что требует серьезных и немедленных институциональных преобразований. Прозрачности в деятельности государства по исполнению ФЦП тоже нет. Как отмечалось, есть много пробелов в законодательстве по регулированию прав на интеллектуальную собственность.

Институциональные преобразования и новации для нашей страны должны исходить из сложившейся и хорошо себя зарекомендовавшей зарубежной практики, конечно, без фанатизма с учетом национальных и региональных особенностей именно нашей страны, как это, впрочем, принято во всем мире. Во многих вопросах инициативу необходимо передавать частным компаниям, модернизировать организационные механизмы и обеспечить прозрачность программных мероприятий по линии их экономического обоснования, сроков исполнения и показателей оценки результативности.

Особое внимание хотелось бы обратить на абсорбционные возможности российских предприятий. Анализ инновационной деятельности, трансфера технологий и абсорбционных возможностей российских предприятий с неизбежностью подводит к выводам об институциональной несостоятельности российской модели модернизации. Однако хотелось бы остановиться и на других сдерживающих факторах, среди которых, прежде всего, финансовая несостоятельность бизнеса. Качество инноваций, их радикальная сущность, осуществление инноваций на постоянной основе требуют адекватной финансовой обеспеченности, которая отсутствует не только в низко-технологичных отраслях, но и в высокотехнологичных по всему ареалу функционирования. Общим недостатком является низкая степень продвижения инноваций в реальный сектор экономики и определенная инертность государства в этих вопросах – особенно в проведении институциональных реформ. Основным источником финансирования инноваций в отечественной практике остаётся самофинансирование, а удельный вес кредитов и займов непозволительно мал – до 20%. В практике отечественного предпринимательства практически отсутствует льготное кредитование инновационной деятельности. Такое положение вещей связано с низкой кредитной мощностью самих банков, их недоверием к инновационным проектам в своей стране и спекулятивной направленностью деятельности в погони за быстрыми деньгами. Не ме-

няется политика отечественных банков в отношении к финансированию инноваций, нового строительства и модернизации производства. Нормативы Банка России не развернуты в сторону модернизации и нового строительства, они по-прежнему ориентируют коммерческие банки в основном на кредитование уже действующего производства.

Совокупное бюджетное финансирование ограничивается в лучшем случае 5% общих затрат на инновации, половина из которых идет на высокотехнологичные отрасли. Региональные и местные бюджеты уходят (2/3) на средне-технологичные отрасли низкого уровня – в основном осваиваются в металлургическом производстве. А что же низкотехнологичным отраслям? Им остается мизерная доля в качестве остальных источников – внебюджетных фондов, иностранных инвестиций и венчурных фондов – институтов, которые, сами по себе, в России с ее модернизационными амбициями, очень слабо развиты. Их распределение – на пищевую промышленность, производства химических и неметаллических минеральных продуктов, не оставляет другим отраслям, выходящим на потребителя шансов на инновационный прорыв. Отсюда вытекает отсутствие реальных, прорывных проектов, меняющих качественно жизнь человека двадцать первого века в России. Повседневность бытия, комфортное проживание остается для россиянина только благим пожеланием, обещанием. Повторимся, улучшения, видимо, есть, однако прорыва нет, складывается впечатление, что мы отстали навсегда. Этого допустить в социально ориентированной рыночной экономике России нельзя.

Трудно переоценить значение кооперационных связей для распространения технологий. Взаимодействие экономических агентов, как уже отмечалось, неременное условие их эффективной инновационной деятельности. Кооперативные связи российских новаторов практически отсутствуют. И если высокотехнологичные отрасли еще как-то пытаются развернуть свою деятельность по широкому кругу взаимодействий от маркетинговых исследований предпочтений потребителей до сотрудничества с академическими институтами и вузами, то предприятия низко технологических отраслей находятся практически в отрыве от науки. В России продолжает сохраняться глубокий разрыв между наукой и бизнесом. Причем, понимание того, что положение вещей необходимо менять, всё-таки в большей степени идёт от науки и государства, а не от бизнеса, что является отрицательным показателем всей инновационной деятельности в стране. Использование дешевой рабочей силы из зарубежья, монопольное положение на рынках, популистские требования протекционистских мер для отечественного предпринимательства, критическое отношение к вступлению в ВТО являются добавочной питательной средой для инертного поведения в области кооперативных связей по линии инновационной деятельности. Технологический обмен до сих пор не стал нормой функционирования отечественного бизнеса и в стране до сих пор не сложился организованный рынок технологий и научно-технологических достижений, связанный с торговлей объектами интеллектуальной собственности – соглашениями на передачу технологий, лицензиями на использование изоб-

ретений, ноу-хау (вообще нематериальными активами). Практически отсутствует в НИС нашей страны совместное выполнение исследовательских проектов. Особенно плачевное состояние дел в низко-технологичных отраслях, где фактически отсутствует, как самостоятельная научно-исследовательская работа, так и совместная.

Современное состояние институционализации трансфера высоких технологий в России можно оценить, используя методологию SWOT-анализ, следующим образом [8, с. 89–93, с. 102–104]:

SWOT (Strengths, Weaknesses, Opportunities, Threats) – сильные стороны, слабости, возможности, угрозы.

S (Strengths) – Сильные стороны:

- высокий научно-технический потенциал страны. В двадцатом веке около 2/3 мировых новаций, внедренных в экономику развитых стран, произошло при использовании достижений и идей российской фундаментальной науки;

- активная государственная поддержка инновационной политики и направленности на модернизацию экономики страны, активное участие государства в поддержке всего спектра инновационно ориентированного функционирования социально-экономической системы страны в целом. Формирование НИС (национальной инновационной системы). Наличие ФЦП (Федеральных целевых программ). Постепенное формирование единой интегрированной стратегии развития. Первый этап (2009 - 2012 годы) – консолидация конкурентных преимуществ. Этот этап развития должен был обеспечить реализацию конкурентных преимуществ в «традиционных» секторах: обеспечить адаптацию к кризисным процессам в мировой экономике; обеспечить условия для перевода экономики в режим инновационного развития и, наконец, опережающими темпами направить инвестиции в человеческий капитал и инфраструктуру. Второй этап (2013 – 2020 годы) инновационный прорыв. На этом этапе планируется перейти на новую технологическую базу; улучшить качество человеческого потенциала и социальной среды; завершение модернизации инфраструктурных секторов; сформировать общество доверия и социального благополучия, смягчить социальную и региональную дифференциации.

Заметное стремление к комплексному прогнозированию как инструменту определения путей направления инновационной политики, ее целей и задач.

Создание и функционирование системы институтов развития, таких как Фонд Бортника – Фонд содействия развития малых форм предприятий в научно-технической сфере, Российский фонд фундаментальных исследований, «Сколково» – фонд развития Центра разработки и коммерциализации новых технологий, российский фонд технологического развития. Использование современных институтов для распространения технологий, таких как технопарки, бизнес-инкубаторы, и т. д. Вменение в обязанность государ-

ственным корпорациям как ключевым институтам развития выделение средств на поддержку НИОКР.

Выделение из общей инновационной парадигмы особого сегмента «распространение технологи, трансферта технологий, диффузии технологий, абсорбционной способности экономических агентов». Регламентация этой деятельности;

- использование международного опыта распространения технологий на основе современных методов исследования. Использование преимуществ вступления в ВТО. Использование Internet ресурсов;

- интерес, заинтересованность, запрос домохозяев в распространении современных технологий.

W (Weaknesses) – Слабые стороны:

- отсутствие целостности и системности в проведении мероприятий в области науки и технологий, образовании, промышленности. Порой эти мероприятия даже противоречат такой необходимой целостности.

Низкая степень координации всех участников трансфера технологий на всех уровнях, начиная с микро уровня, заканчивая мега уровнем.

Отсутствие общности интересов различных экономических агентов. Не согласованность интересов частного предпринимательства с национальными интересами в выборе приоритетов инновационных проектов;

- низкая абсорбционная способность экономики в целом и основных хозяйствующих субъектов в частности.

Низкая квалификация персонала, зачастую тормозящая инициирование инноваций, освоение сложных технологических процессов и новой продукции. Серьёзный дефицит профессионалов практически во всех отраслях. Общими для всех стран являются усиливающиеся ограничения инновационной деятельности, такие как **высокая стоимость нововведений, экономический риск и длительные сроки окупаемости;**

- низкая восприимчивость бизнеса к нововведениям, особенно технологического характера, даже стагнация. (По некоторым данным только 10% от общего числа предприятий осуществляют разработку и внедрение технологических инноваций) Недооценка инновационного потенциала малых предприятий с вытекающими из этого последствиями финансового, ресурсного обеспечения. В целом слабая инфраструктурная поддержка малого предпринимательства (финансовая, интеллектуальная, информационная и пр., и пр., поддержка). Доля малых инновационных предприятий непозволительно мала – около 2%. В целом небольшая доля предприятий, которые тратят средства на приобретение новых технологий и на приобретение патентов и патентных лицензий. Это связано с тем, что есть опасения за неопределенность экономической выгоды от использования интеллектуальной собственности;

- отсутствие нацеленности на конечного потребителя, на улучшение качества жизни и повседневности бытия.

Низкие стандарты потребления российского потребителя, которые тиражируются и закладываются в психологию российского потребителя на годы и годы вперед, что делает страну некомфортным местом проживания. Повседневность бытия нашего соотечественника не отвечает высоким стандартам современного человека социально ориентированной новой экономики.

О (Opportunities) – Возможности:

- совершенствование функционирования национальной инновационной системы в целом. Необходимость вовлечения всех институтов в единую согласованную систему управленческих решений. Широкий круг мероприятий по дальнейшей институционализации всей системы распространения технологий. Формирование формальных и неформальных институтов поддержки абсорбционной деятельности предприятий. Превращение отечественных вузов в плодотворную среду для коммерциализации инноваций;

- борьба с недобросовестной конкуренцией и монополизмом. Искоренение коррупции. Формирование культуры, этики предпринимательской деятельности по самому широкому кругу экономических агентов;

- формирование системы и современного механизма защиты прав на объекты интеллектуальной собственности, всесторонняя поддержка патентной активности отечественных предпринимателей – как в стране, так и за рубежом;

- государственное внимание к регулированию инновационных процессов, в частности использование таких мер как:

1) содействие распространению новых технологий;

2) содействие в подготовке квалифицированных кадров, соответствующих перспективным требованиям инновационной экономики. Расширение возможностей подготовки квалифицированных кадров на самих предприятиях. Расширение и поддержка института наставничества. Придание институту наставничества особого статуса и привилегий;

3) содействие переходу на международные стандарты качества. Внедрение международных стандартов в системах менеджмента, качества и сертификации продукции. Интеграция в международные сети знаний и инновационные цепочки;

4) содействие абсорбции новых технологий в повседневной жизни с целью улучшения качества жизни населения страны, комфортного проживания в ее пределах;

5) проведение институциональных преобразований;

6) усилия принципиального характера со стороны государства по привлечению в инновационную сферу малых и средних предприятий, учитывая растущую диверсификацию и особенно индивидуализацию производства.

T (Threats) – Угрозы:

- отставание от лидирующих стран навсегда (на угрожающий для безопасности страны уровень). Отсутствие прогресса функционирования национальной инновационной системы;

- деградация научно-технической базы промышленности, потеря преимуществ при производстве уникальной, принципиально новой продукции;

- потеря профиля страны социально ориентированной экономики;

- деградация и потеря целостности страны вообще.

Литература

1. Гражданский Кодекс РФ, часть IV (права на интеллектуальную собственность). 2010 г.
2. Налоговый Кодекс РФ (в части, регулирующей налогообложение науки и инновационной деятельности). 2007 г.
3. Федеральный закон РФ «О внесении изменений во вторую часть налогового кодекса Российской Федерации в части формирования благоприятных налоговых условий для финансирования инновационной деятельности». 2007 г.
4. Федеральный закон РФ «О науке и государственной научно-технической политике». 2007 г.
5. Федеральный закон РФ № 217-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности». 2009 г.
6. *Голиченко О.Г.* Основные факторы развития национальной инновационной системы: уроки для России. – М.: ЦЭМИ РАН, 2011. – 634 с.
7. Инновационное развитие – основа модернизации экономики России: Национальный доклад. – М.: 2008. – 168 с.
8. *Исаенко В.О. Рыбина М.Н.* Институционализация трансфера технологий и роль государственного управления в абсорбционной способности экономики: Монография. – Государственный университет управления. – М.: ГУУ, 2014. – 107 с.
9. Как снизить риски при разработке нового продукта // *Business Excellence*. 2012. № 4. С. 49–52.
10. Наука России в цифрах: 2011. Стат сб. – М.: ЦИСН, 2011. – 219 с.
11. *Рыбина М.Н. Исаенко В.О.* Экономика высокого качества жизни и повседневность бытия городов // *Вестник университета (ГУУ)*. 2012. С. 36 – 46.
12. *Степанов С.А.* Модернизационный потенциал России: образовательный аспект. Развитие с оглядкой на будущее // *Вузовский вестник*. 2012. № 16(160). С. 6–7.

СТРУКТУРАЛИСТСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ НЕОБХОДИМОСТИ ПРОЕКТИРОВАНИЯ НОВОЙ СИСТЕМЫ ВАЛЮТНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

*Двойных стандартов эпоха, когда хорошим быть плохо...
Пора добавить нас в список вымирающих рас,
Из нас выкачивают души, а не только нефть и газ...*

Репер Руставели (2013)

В работах по исследованию влияния валютного курса на промышленное производство (Наринян, 2010, 2011, 2012, 2013) автор пытался абстрагироваться от различных проблем мировой экономики для фокусирования усилий на создание стратегии предприятия, противостоящей банкротству. В данной работе предпринимается попытка создания «рычагов обуздания изменения курсов иностранных валют», в особенности по отношению к российской валюте и к валютам других бывших социалистических стран, посредством критического отношения к некоторым устоявшимся фундаментальным экономическим доктринам по соотношению курсов валют различных стран на валютных биржах.

Создание таких стратегий для отдельных предприятий и отраслей, при углублённом изучении курсовых воздействий, необходимо и реально. Сделать это возможно, несмотря на утверждения о невозможности противостояния росту волатильности котировок валют на внутренних и международных валютных рынках (Качалов, 2012; Андрукович, 2013 и др.). Такой вариант событий представляется реальным, если в валютной системе выявить и передать на рассмотрение экспертной общественности ряд опасных неувязок, связанных с международной экономической политикой двойных стандартов. Отсюда вытекает необходимость создания проекта новой системы международного валютного регулирования, к примеру, в ЦЭМИ РАН, при поддержке российских и зарубежных коллег.

В выступлении на Круглом столе научного совета ООН РАН «Проблемы комплексного развития промышленных предприятий» 9 сентября 2013 г. академик В.Л.Макаров, подчеркивая важность и актуальность проектной экономики, отметил, что «проект часто затевается не для получения прибыли и захвата рынков, а для создания чего-то нового. Проекты должны быть такими, чтобы соответствовать потребностям нормального человека». Сейчас практически нет проектных институтов для воплощения в жизнь различного рода инноваций и открытий, и необходимо их создание.

Поскольку чаще всего система не способна в самой себе выявить присущие ей недостатки и ошибочные итерации, в данной работе не будут применяться системный анализ и системный метод. Причина в том, что они были сформированы *в условиях существующей международной валютной системы*, которая далеко не совершенна. При их использовании результаты могут быть, говоря языком матричной алгебры, вырожденными. В качестве аргумента о бесперспективности применения системной методологии при

исследовании динамики и соотношения курсов валют следует указать на то, что таких работ на настоящий момент множество (Соколов, 2010; Кондратов, 2010; Дресслер, 2007; Кейстер, 2009 и др.). Их результаты нередко содержат противоречивые выводы и не способствуют заметному улучшению показателей волатильности курсов валют, от чего страдает большая часть как экономически развитых, так и развивающихся стран.

Отметим и факт относительной противоречивости системных методов, заключающийся в невозможности, к примеру, адекватно и объективно рассмотреть все отрасли промышленного производства или все виды экономической деятельности. Известно, что отрасли макроэкономики являются более узкими, и сопоставление отраслей или сфер деятельности различных весовых категорий некорректно. Кроме того, в каждой отрасли существуют свои особенности, поэтому обобщение, агрегирование отраслей на макроэкономическом уровне не всегда правомерно и чревато неверными выводами. Таковы и некоторые из новейших исследований о фиксации отличающихся друг от друга значений и выводов при изменении масштабов агрегирования одной и той же генеральной совокупности, т.е. при создании и изучении группировок с разным объёмом более мелких отраслей.

Автор оставляет за собой право использовать удобные для представления результатов постулаты системного анализа и моделирования, беря за методологическую основу исследования структуралистское видение проблемы. Несмотря на то, что структурализм, как особая ветвь направления исследований, в середине XX века был подвергнут резкой критике, учёные-структуралисты достигли многих позитивных результатов в различных областях науки. Интересы структуралистов охватывают многие сферы: от анализа восприятия звуков и форм – до социологических исследований населения (Моль, 1966 и др.). Структурализм широко известен в основном как направление лингвистики, но по отношению к точным наукам историческая память заметно искажена, и он попросту незаслуженно проигнорирован. Особенно явно это наблюдается во всех основных поисковиках системы Интернет. А ведь в прошлом столетии было много интересных результатов по математическому структурализму (Резник, 1964; Мулуд, 1973 и др.).

Структурализм можно рассматривать как перспективное направление исследований, так как в нём гармонично соединяются постулаты математики, физики, логики, теории вероятностей и математической статистики, общей теории статистики, эконометрики и многомерного статистического анализа. Для него не важен охват всех влияющих на событие факторов, точнее, все они важны, но рассматриваемые первоначально факторы (меньшей значимости) нереально определить из хотя бы двух (или одного) динамических рядов исходных данных. В последующих исследованиях реально сделать поправки на выявленные недостающие факторы влияния без статистических данных.

В отличие от системных исследований, структуралисты не рассматривают изучаемое событие с точки зрения системы в целом; такой подход направлен на исследование событий из «ядра» не рассматриваемой в целом системы. Любая совокупность изучается

не системно, а чаще всего по случайной выборке, с помощью «срезов» доступных данных по рядам экономической динамики. Такой подход, охватывая некоторую выборку, например, в промышленности, позволяет выявить и некоторые социальные проблемы. Если производство нерентабельно, то материально страдают в первую очередь работники, а это уже социальный аспект.

До последнего времени происходила дискредитация не только структурализма, но родственных ему направлений: кибернетики, статистики, эконометрики. Поверхностный охват приводил к ошибочной интерпретации эконометрических, кибернетических, статистических и структуралистских результатов. Например, цена нефти сравнивалась с динамикой курса валют эконометрическими методами. Если в одном периоде (в 30-х годах XX века) существовала корреляционная связь между ценой нефти и курсом валют, её распространяли на все последующие периоды, несмотря на меняющиеся условия и изменение коэффициентов корреляции (Харрод, 2008).

Таким образом, не научные направления являются причиной ошибочных результатов, а неправильная интерпретация результатов из-за неверной интерполяции тенденций прошлого. Ошибочна не наука, а её неправильное применение, результаты которого, к тому же, неверно трактуются в угоду существующей финансовой и экономической власти, которые пользуются псевдонаучными выводами для оправдания и даже поддержки определённых публичных транзакций (Варшавский, 2013; Клейнер, Смоляк, 2001 и др.).

На Круглом столе ЦЭМИ РАН «Социальные сети и коллективное поведение» научно-практической конференции «Языки общественных наук» (ЯЗОН-3) III по социологическим исследованиям (25.10.2013 г.) приводилось в качестве примера исследование действия пчёл из различных ульев. В выступлении А.Н. Поддьякова (2013) было представлено понятие «троянское обучение», когда пчёлы одного типа обучают только «своих пчёл» и способствуют снижению обучения и искажению обучения «чужих пчёл». Подчёркнуто, что образование – это «доверительный товар». Но в таком процессе, как обучение, обмана не должно быть. Обучение в свою пользу – это искажение обучения, лжеобучение, когда продвинутые обучаемые, даже не понимая, что их «троянят», читая литературу различных авторов, могут осознать и понять истинные и ложные постулаты конкретного предмета. Отметим, что более 50% от всего объёма ложных сведений, не пройдёт, не сможет быть использовано в дальнейших исследованиях. Современное мировое научное сообщество ведёт себя наподобие пчёл, опекающих потомство только из «своих» ульев, предоставляя только им достоверную информацию. Весьма интересно, что среди пчёл имеет место некоторая дезинформация и способы увода от истинных полезных догм потомств «чужих» пчёл. Это логически является оправданными действиями при борьбе за существование. Но по этическим соображениям у людей такое поведение считается нечестным и достойным осуждения, и поэтому у такого поведения в научном сообществе нет перспективы и будущего.

Следует признать и обозначить недостатки структуралистского подхода. Здесь метод «срезов» различных векторных направлений может обозначить ошибки, логические неувязки, противоречия арифметическим законам и здравому смыслу. Но структурализм «не в силах» сразу же выдать рецепт альтернативного безошибочного валютного регулирования. Это реально осуществить через апробацию результатов на практике в течение существенного периода времени. Системный же анализ может сразу подготовить некоторые директивы, в то время как структуралисты, выявляя конкретные неточности, не смогут сразу представить альтернативный экономический алгоритм действий. С другой стороны, результаты, полученные структуралистскими методами, могут оказаться решающими. И их перечень в разделе «Выводы» способен эффективно помочь в принятии важнейших экономических решений властями вышестоящих структур и уровней. Либо, в доработанном виде, они могут быть использованы более компетентными и продвинутыми научными сотрудниками.

Нет сомнения, что большая часть экономической и политической элиты мирового сообщества, в особенности из стран Евросоюза, США, Великобритании, имеет определенный настрой на поддержку стран с развивающейся экономикой, государств «третьего» мира. Но такие параметры, как несовпадение фундаментальных основ экономики и финансов с реальными событиями, заставляют искать неизвестные до сих пор причины экономических коллапсов – как в странах бывшего социалистического лагеря, так и в государствах с развитой рыночной экономикой.

Известно, что сейчас в мире только единицы так называемых «посвящённых» людей имеют неискажённое представление об объективной ситуации на валютных рынках, о реальности валютного регулирования. Не случайно после революции 1917 года наше государство было закрыто так называемым «железным занавесом» от валютных спекуляций, происходивших до того времени. Сейчас об этом имеется очень мало информации. Вероятно, какие-то события о несостоятельности арбитражных и биржевых операций начала XX века в России, скорее всего, целенаправленно были стёрты из исторической памяти. Даже соратники первого послереволюционного министра финансов Г.Я. Сокольникова почти ничего не могут сказать об этих немаловажных фактах и событиях (Белкин, 2014).

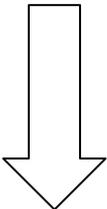
Ещё Наполеон столкнулся с бесперспективностью и ошибочностью акционерских правил, делая серьёзные ставки на создание во Франции того времени акционерных обществ, на развитие биржевой торговли акциями и валютой. Всё это было обречено на неудачу ещё в XVIII-XIX столетиях (Бухвальд, 1994). Валютные преступления в СССР, как посягающие «на современную денежную и кредитную систему», строго карались законом. Впервые валютное регулирование было введено отдельными государствами в годы первой мировой войны «для сбалансирования валютных поступлений и платежей по международным расчётам». При этом власти регламентировали ограничения на торговлю валютой и золотом, а также на внешние экспортно-импортные расчёты (СЭС, 1984).

В бывших социалистических странах конца XX века валютное регулирование заключалось в валютной монополии, т.е. в исключительном праве на указанные операции при монополии внешней торговли. В настоящее время объединённая валюта Евросоюза (евро) очень сильно напоминает существовавший с 1963 г. переводный рубль с золотым содержанием 0,987412 г чистого золота как «коллективная международная социалистическая валюта и средство платежа во взаимных безналичных расчётах стран – членов СЭВ» (СЭС, 1984). В царской России после денежной реформы 1895–1897 гг. и до 1914 г. был в обращении золотой рубль с содержанием 0,774235 г чистого золота. В 1921–1922 гг. золотой рубль использовался всего лишь как расчётная единица.

Валютная интервенция – это «вмешательство капиталистического государства в операции на валютном рынке путём продажи (скупки) крупной суммы иностранной валюты или золота с целью повышения (понижения) курса национальной или иностранной валюты» (СЭС, 1984). Важно отметить и такое событие, как «**золотой пул**». В 1961–1968 гг. объединённые центральные банки Великобритании, ФРГ, Франции, Италии, Бельгии, Нидерландов, Швейцарии и Федерального резервного банка Нью-Йорка **безуспешно** пытались стабилизировать цену золота на Лондонском рынке золота на уровне, близком к официальной цене – 35 долл. США за тройскую унцию. При этом регулирование шло через Банк Англии путём купли-продажи золота за счёт государственных золотых запасов. Можно выдвинуть **гипотезу** если восемь сильнейших государств **не смогли** ничего сделать с рыночной ценой реального стоимостного предмета (золота), то вряд ли это удастся сделать стране, скажем, из бывшего социалистического лагеря (см. табл.1).

Таблица 1

Вероятность успех от интервенций для поддержания курса национальной валюты

Задача	Структура организаций как сила	Итог
Путём интервенций (купли-продажи золота) стабилизировать цену золота на уровне 35\$	Объединение ЦБ Великобритании, ФРГ, Франции, Италии, Бельгии, Нидерландов, Швейцарии и ФРБ США (1961–1968 гг.)	БЕЗУСПЕШНО
Путём интервенций (купли-продажи рублей) стабилизировать курс рубля на уровне...	ЦБ РФ (1992 – по настоящее время)	МАЛОВЕРОЯТНО

Подтвердить эту гипотезу пока что нет возможности, как и нет соответствующих статистических данных о том, что вряд ли такое весомое сообщество высокоразвитых капиталистических стран с их центральными банками ставило перед собой объявленную публично цель: урегулировать цену на золото. Скорее всего, в период 1961–1968 гг. элите финансистов было интересно и выгодно просто негласно «поиграть» на рынке, что, конечно же, не могло «понравиться» другим представителям экономики и населению.

Широко известное понятие «золотой стандарт», которое было установлено в Великобритании ещё в конце XVIII века, а в большинстве других стран в конце XIX века, характеризовало систему золотого монометаллизма. При золотом стандарте имели место свободные чеканка и обращение золотых монет, а также обмен банкнот на золото в слитках и монетах. В годы мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. и после него, «в связи с неустойчивостью капиталистической экономики», золотой стандарт был практически отменён в большинстве государств.

Нельзя упускать из виду и такое значимое для нас понятие, как **паритет**, образованное от латинского слова **paritas** (равенство). Валютный паритет – это соотношение между валютами разных стран. До первой мировой войны в качестве денег и при их свободном размене на золото и серебро применялся **монетный паритет** по количеству содержащегося в денежных единицах чистого золота или серебра. **Валютный же паритет** начал применяться в условиях обращения неразменных на золото и серебро бумажных денег, по количеству золота, официально устанавливаемого правительством в национальной денежной единице. Следовательно, **паритет покупательной способности валют** – это валютный паритет, изменяемый государством в зависимости от движения цен внутри страны и покупательной силы иностранной валюты.

Золотой паритет – это зафиксированное законом **процентное** содержание чистого золота в национальных денежных единицах, или, иное значение, **долевое** соотношение двух денежных единиц, рассчитанное на основе их золотого содержания.

Во время кризиса 1929–1933 гг. возникли так называемые «**валютные блоки**», группировки государств, в которых валюта стран-участниц прикреплялась к валюте страны-гегемона: стерлинговой (1931 г.), долларовой (1933 г.), золотой (1933–1936 гг.).

Во время и сразу же после второй мировой войны на базе валютных блоков были образованы **валютные зоны**, своеобразные группировки капиталистических стран, в которых проводилась известная координация валютной политики и системы внешних расчётов. Наиболее известные из валютных зон это стерлинговая, долларовая, зона франка.

Весьма примечательно определение в энциклопедии прошлого века (СЭС, 1984) **валютного кризиса**, как «глубокого хронического расстройств денежно-кредитной системы капитализма, охватывающего сферы внутреннего денежного обращения капиталистических стран и международных расчётов». Там же: «Выражается в отмене золотого стандарта, переходе к бумажно-денежному обращению, хронической инфляции».

Валютный рынок, по фундаментальным определениям, опосредует международные расчёты. Его формируют национальные и международные банки, биржи. На валютном рынке осуществляются покупка, продажа, обмен иностранной валюты, чеков, векселей, переводов и аккредитивов.

Денежные расчёты между учреждениями, предприятиями, банками и отдельными лицами разных государств, связанные с внешней торговлей, кредитами, инвестициями, некоммерческими платежами (транспортными услугами, туризмом) формируют **международные расчёты**. Основная их часть производится на безналичной основе.

По словам председателя ЦБ РФ Э.С. Набиуллиной, существуют формулы, способствующие, в зависимости от уровня величины курса валюты, вычислению необходимой суммы интервенций. Так, с 05.02.2014 г. ЦБ РФ для поддержания курса увеличил объём необходимых интервенций примерно в 4 раза, и одна из последних продаж составила 11 млрд долл. ЦБ РФ с 4.03.2014 г., по причине высокой волатильности изменения биржевых курсов, из-за быстрой смены рыночных условий, и постоянной планке валютного коридора на максимуме, принял решение приостановить на неопределённый срок операции по интервенционной покупке и продаже валюты на внутреннем рынке. При повышенном спросе на определённую валюту курс такой валюты растёт. При этом нет смысла в определённый временной интервал на него влиять.

С другой стороны, покупка определённых валют для поддержания золотовалютных резервов со стороны Минфина запланирована и необходима. При этом перспективной видится точка зрения тех аналитиков, которые считают, что в такой ситуации (при стремительном росте курса необходимой для покупки валюты) можно дожидаться «отскока», т.е. снижения через некоторое время выросшего курса примерно на треть произошедшего прироста, а, возможно, и его большего понижения.

Как сообщил в СМИ заместитель министра финансов РФ Алексей Моисеев, с 13.03.2014г. Минфин РФ должен был ежедневно приобретать доллары США на сумму около 3 млрд. \$ для пополнения резервного фонда. Но поскольку курс стал «слишком волатилен», к тому же оказался таким высоким, каким не был никогда (36,51 руб. за 1\$), Минфин РФ решил приостановить на 2 недели покупку долларов США для резервного фонда по «такому завышенному курсу». Однако, уже 19 марта 2014г. ЦБ РФ «продал 400 млн. \$ в рамках валютных интервенций», согласно сообщениям СМИ (РБК).

По мнению министра экономического развития РФ А.В.Улюкаева, в случае индивидуальных санкций США может быть усложнена система международной торговли. Переключение на национальные валюты – свои и партнерские – может существенно оградить от любых санкций. Особенно это касается торговли (по газовым компаниям) с Китаем, с Индией. «Мы должны делать то, что требуется, нужно просто работать, не срываясь на эмоции», – подчёркивает А.В. Улюкаев. (Интервью «Россия 24»).

Рассмотрим кратко формирование курса на бирже по Б. Бухвальду. Ещё в начале XIX века курсовые маклеры имели чёткие правила по установлению курса ценных бумаг, валюты. Камера присяжных маклеров в Берлине состояла из 11 маклеров, которые избирались курсовыми маклерами из своего сообщества. Среди них были присяжные маклеры, назначаемые самим правительством. Важнейшее правило биржи – определение курса бумаг и валюты таким образом, чтобы наилучшим способом были удовлетворены поручения покупателей и продавцов. При этом курсовые присяжные маклеры непременно обсуждали между собой высоту курса, т.е. устанавливали цену каждой бумаги и курс каждой валюты **совместно**. Начиная с определённого официального времени открытия биржи, присяжными курсовыми маклерами определялись: а) первый курс; б) последующие колебания курса; в) окончательный курс.

Присяжные, официальные маклеры отмечали все движения курса в соответствующих книгах, а в современном мире курс фиксируется на компьютерах. Заметим, что при курсе валюты в интервале от 0 до 1 приходится принимать всевозможные округления. Но для больших сумм при обмене ошибка может быть весьма значительна. Это можно проверить, разделив число более 5000 на 0,334; а затем попытаться совершить обратное действие с полученным значением. Калькулятор или компьютер могут иметь различную настройку точности, а также учитывать или не учитывать принятое округление цифр до 5 и свыше 5. Многие цифры после запятой повторяются в периоде до бесконечности, и точный их аналог, без округлений и допущений погрешностей, представить невозможно.

Вообще, валютный курс – это цена (котировка) денежной единицы одной страны, выраженная в денежной единице другой страны. В прошлом веке во всех странах, кроме Великобритании, применялась прямая котировка: 1, 100 или 1000 единиц иностранной валюты оценивались в национальной валюте. В Великобритании же фунт стерлингов оценивался в иностранной валюте – обратная котировка (или косвенная); когда за единицу принимается национальная валюта, курс которой выражен в определённом количестве иностранных денежных единиц. Процедура фиксации курса – это официальная котировка валют на межбанковском рынке, т.е. определение или установление курса. Несмотря на то, что «на большинстве валютных рынков применяется процедура котировки, называемая фиксинг, заключающаяся в определении и регистрации межбанковского курса сопоставлением спроса и предложения по каждой валюте» и основе которой «устанавливается курс продавца и покупателя» (Носкова, 1996), важно отличать прямую и косвенную котировку и определять значимые соотношения. Например, EUR/RUB (50,00); USD/RUB (36,30) – это прямая котировка курса рубля, оцениваемая в российских рублях за единицу евро и долларов США. Но не следует упускать из рассмотрения так называемую «косвенную», или «обратную» котировку; RUB/EUR (~ 0,02), RUB/USD (~0,03), которая выражена в иностранных валютах (в евро и в долларах США) за единицу национальной валюты – российских рублей. Это весьма важно при рассмотрении международного веса валют.

По логике вещей, определение косвенной котировки более созвучно и лучше подходит для обратной котировки. К тому же, одна и та же котировка, в зависимости от её места размещения и от того, банк какого государства её определяет, одновременно может быть как прямой, так и обратной для различных стран. Мы можем сегодня лишь предполагать, отчего в отличие от других стран, в Великобритании применялась (возможно, и до сих пор) обратная котировка, т. е. английские фунты ст. оценивались в иностранной для этого государства валюте. Быть может, по той же причине, что и направление сторон движения транспорта в этом государстве. Например, на 16.09.1985 г. GBP/RUB (1,1129), т. е. на указанную дату за 1 рубль предлагали 1,1129 английских фунтов стерлингов.

Но даже если на основании определений из различных источников, реально возникновение путаницы по поводу прямой и обратной котировки, можно с уверенностью констатировать такой неоспоримый и очевидный факт: неважно, что считать прямой котировкой курса, а что обратной. Главное, что обратную котировку курса валюты всегда возможно вычислить из котировки, условно принятой за «прямую»:

$$PK * OK = 1; PK = 1/OK, \quad (1)$$

где PK – прямая котировка валюты, OK – обратная котировка валюты.

Таким образом, при произведении прямой (PK) и обратной (OK) котировки двух валютных пар всегда получается 1, с точностью до 10 знаков после запятой, т. е. всегда получается абсолютно точное значение единицы.

Более того, по нашим наблюдениям, для курсов всех свободно конвертируемых валют (skv), включая 90-е гг. прошлого столетия, более ранние периоды и сегодняшнее время, все суммы валютных пар прямой и обратной котировки варьируют в диапазоне примерно от 1,9 до 2,2, за редким исключением (см. рис. 1).

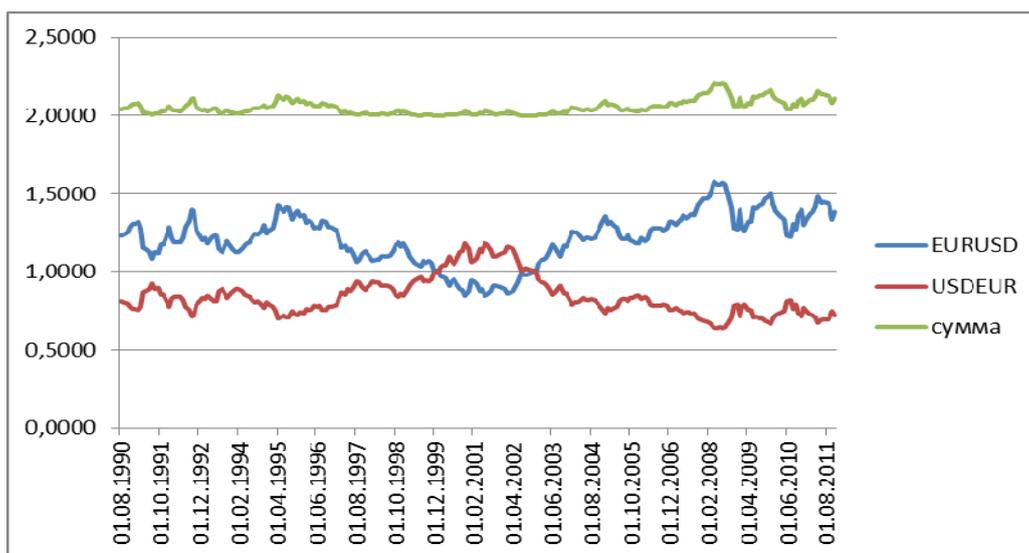

Рис. 1. Движение свободно конвертируемых валютных пар USDEUR и EURUSD

$$\sum(\text{PK}, \text{OK}) \sim \{1,9 \div 2,2\} \text{ для любой skv.} \quad (2)$$

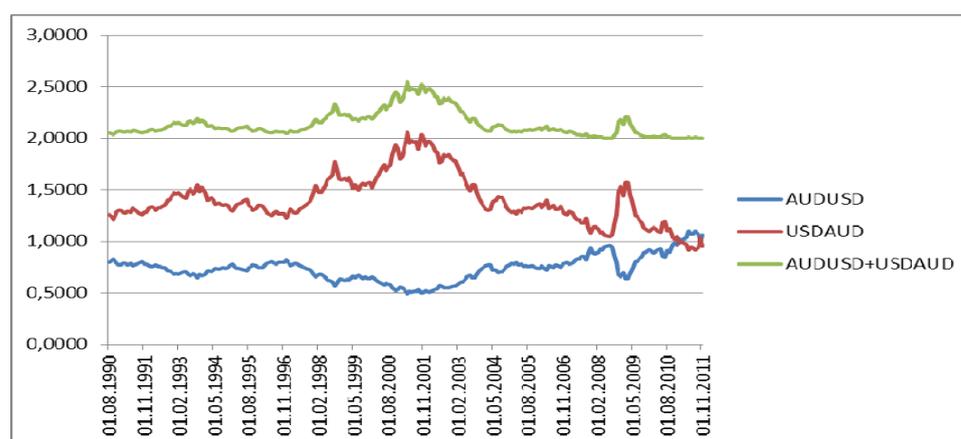
Такие же границы допустимы при соотношениях валютных пар за 100 единиц одной из валют, а также за 10000 единиц. Кратное число нулей в одной из валют валютной пары, скорее всего, обусловлено необходимостью симметричности траекторий двух валютных пар: по прямой и обратной котировке.

Рассмотрим траекторию движения некоторых валютных пар на рынке Форекс (рис. 1 – 6), (статистические данные Profit Large Trading Ltd). Основные skv, рассматриваемые в данной работе, можно представить в виде следующих валютных пар, обозначения которых общеприняты на международных валютных биржах (см. табл. 2).

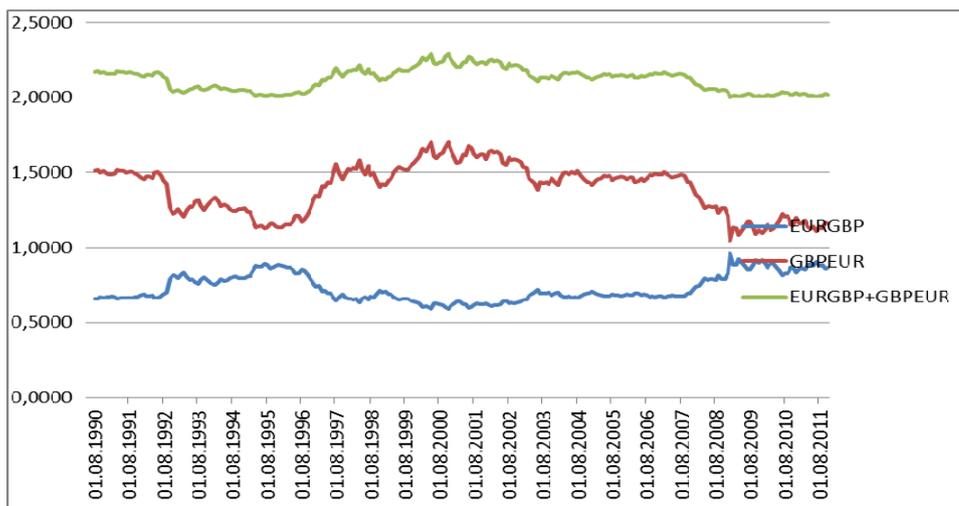
Таблица 2

Обозначения основных свободно конвертируемых валют (skv)

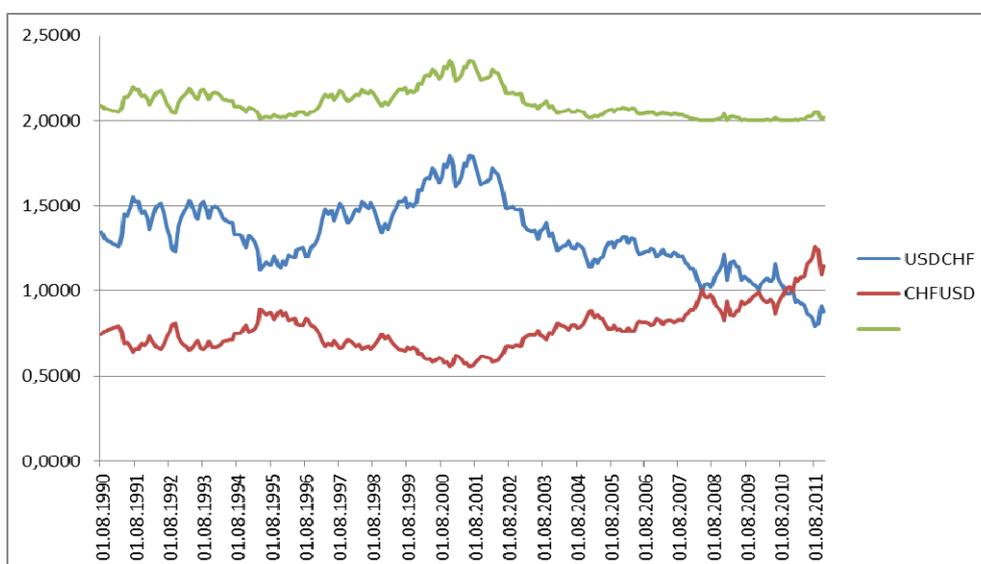
Валютная пара		Обратная валютная пара	
Обозначение	Наименование	Обозначение	Наименование
AUDUSD	австралийские доллары к долларам США	USDAUD	доллары США к австралийским долларам
EURGBP	евро к английским фунтам стерлингов	GBPEUR	английские фунты стерлингов к евро
EURUSD	евро к долларам США	USDEUR	доллары США к евро
GBPUSD	английские фунты стерлингов к долларам США	USDGBP	доллары США к английским фунтам стерлингов
NZDUSD	новозеландские доллары к долларам США	USDNZD	доллары США к новозеландским долларам
USDCHF	доллары США к швейцарским франкам	CHFUSD	швейцарские франки к долларам США
USDJPY	доллары США к японским иенам	JPYUSD	Японские иены к долларам США

Рис. 2. Движение свободно конвертируемых валютных пар AUDUSD и USDAUD

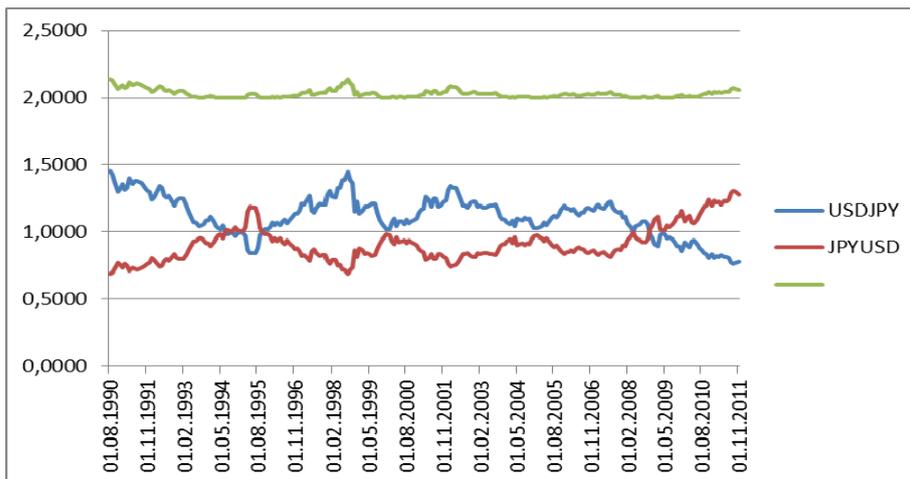
Рис. 3. Движение свободно конвертируемых валютных пар EURGBP и GBPEUR

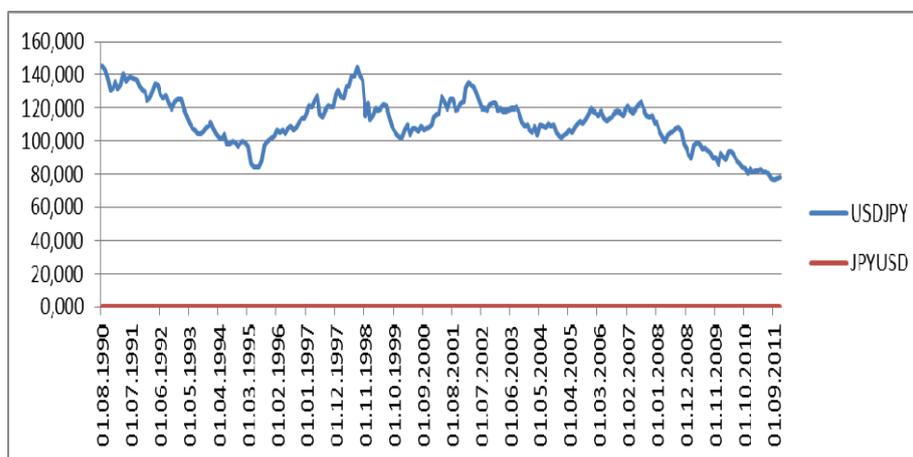
Рис. 4. Движение свободно конвертируемых валютных пар USDCHF и SHFUSD.

Даже такая экзотическая и, на первый взгляд, не поддающаяся приведению к общему виду валюта, как иена, при корректном пересчёте, т.е. при преобразовании валютной пары с иеной к котировке по отношению к 100 единицам японской валюты, подчиняется выявленным правилам. И её диапазон в преобразованном виде составляет не более 1,5 и не менее 0,5 по отношению к долларам США, из расчёта за 100 японских иен.

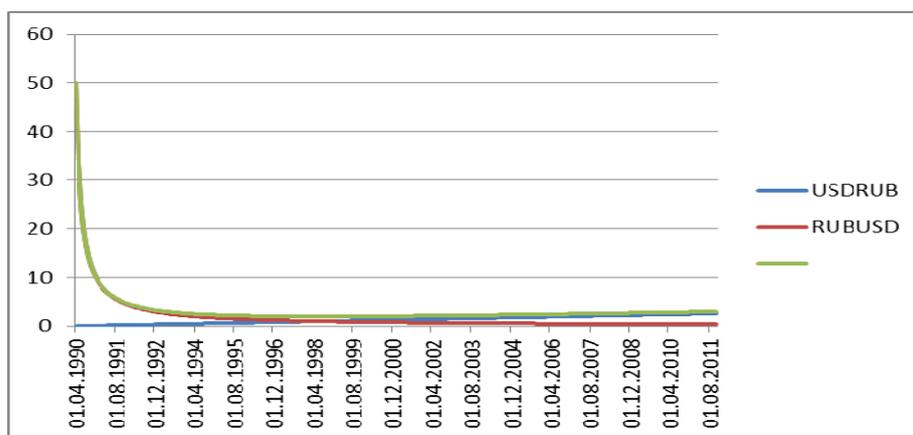
Таким образом, курс «нестандартных» валютных пар, при возможности его преобразования из расчёта одной из валют за 100 либо за 10000 единиц (1000 единиц для прямой и обратной валютной пары не может быть симметрично), при корректности и адекватности, должен всегда находиться в границах $\sum(\text{PK}, \text{OK}) \sim \{1,9 \div 2,2\}$. Это математическое условие должно выполняться, независимо от уровня развития государства определённой валюты.

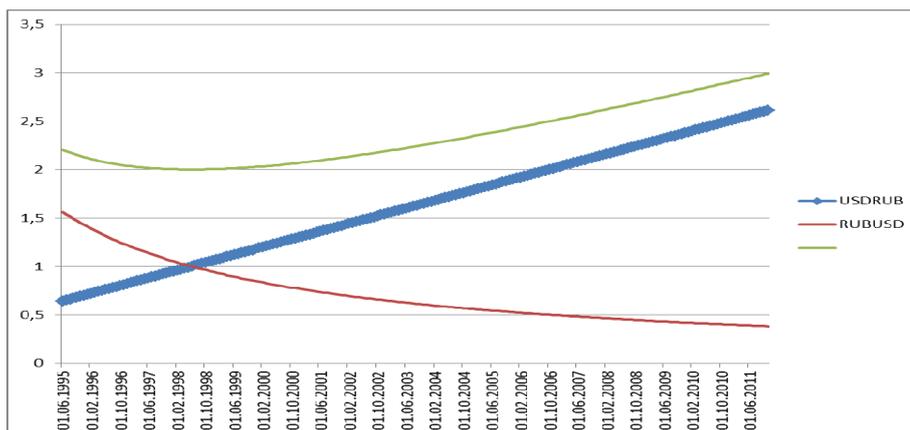
Рис. 5. Преобразованное движение свободно конвертируемых валютных пар USDJPY и JPYUSD, с учётом того, что доллар США оценивается за 100 японских иен

Рис. 6. Движение свободно конвертируемых валютных пар USDJPY и JPYUSD без преобразования

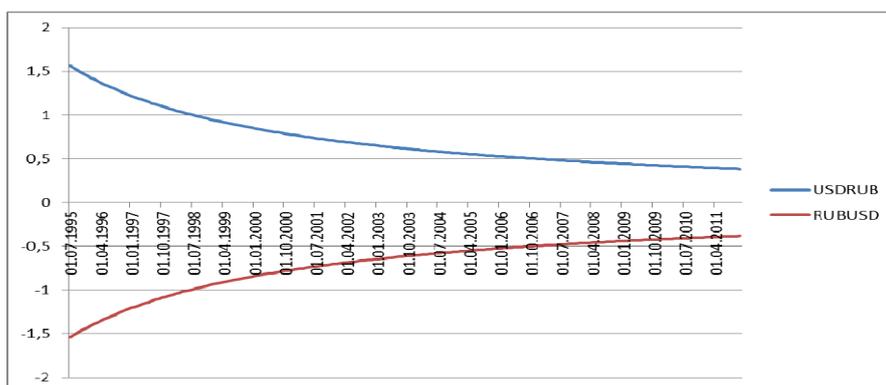

Рис. 7. Условная траектория курса USDRUB и RUBUSD

Рис. 8. "Серп и молот" – траектория движения валютных пар развивающихся стран!

На рис. 7 и 8 представлена условная траектория курса USDRUB и RUBUSD, при ситуации, когда бы курс доллара США к рублю только бы начинал свой рост, согласно математическим законам, от значения не намного более 2,5.

Рис. 9. Прирост валютных пар USDRUB и RUBUSD

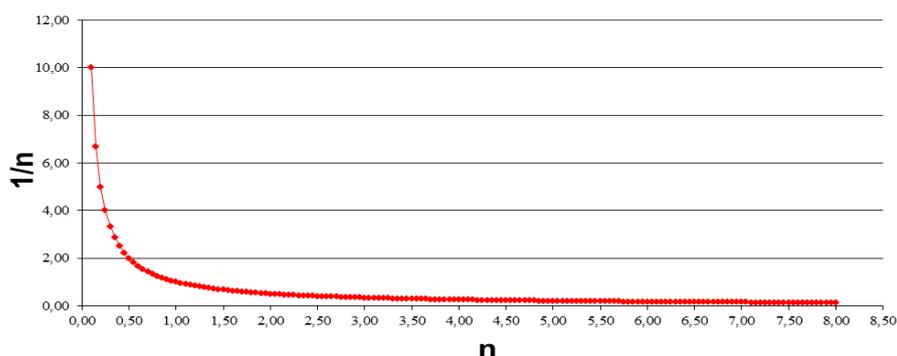
На протяжении всего изучаемого периода (1990–2011 гг.) курс валютных пар свободно конвертируемых валют, за редким исключением (отклонение менее 0,03), имеет варьируемое значение на интервале примерно от 0,50 до 1,95, по отношению друг к другу. Валюты же стран бывшего социалистического лагеря, а также валюты развивающихся государств имеют совершенно иную курсовую систему исчисления. Хотя в валютных парах по ним произведение прямой и обратной котировки также всегда даёт результат 1 (с некоторыми неточностями из-за высоковероятных погрешностей при вычислениях значений различного порядка), но сумма таких валютных пар по прямой и обратной котировке всегда намного выше значения 2,2:

$$\sum(\text{ПК}, \text{ОК}) > 2,2 \text{ для валюты государств бывшего социалистического лагеря и развивающихся стран «третьего» мира.} \quad (3)$$

Для более тонкого понимания специфики значений суммы прямой и обратной котировки свободно конвертируемых валют вспомним такой термин, как «**золотое сечение**». Его соотношение: $5/3$, точнее – $8/5$, ещё точнее – $13/8$ и т.д. Золотое сечение – это такое гармоническое деление или золотая пропорция – деление в крайнем и среднем отношении. Принцип золотого сечения используется в архитектуре и в изобразительных искусствах. Слегка в упрощенном виде он применяется при создании стратегии на основе технического анализа у трейдеров на различных биржах: при соотношении $1/3$, $2/3$.

Находясь в поиске исходных причин таких различных и несопоставимых траекторий курсов валют, вспомним о такой условной валюте, как инвалютный рубль и о его курсе к долларам США на последний момент существования СССР, который составлял 1,6713 долларов США за 1 (один) рубль. Это значение выбрано для последующих перерасчётов, весьма вероятно, не случайно, так как оно как раз является приближённым значением **золотого сечения** ($5/3 \sim 1,666$).

Согласно рис. 10, при каждом увеличении n на 0,05 пунктов, при n менее 1, значения $1/n$ представляются как возрастающая прогрессия с увеличивающимися «интервалами», а при n более 1 – $1/n$ – убывающая прогрессия с уменьшающимися «интервалами», см. также (Наринян, 2014).

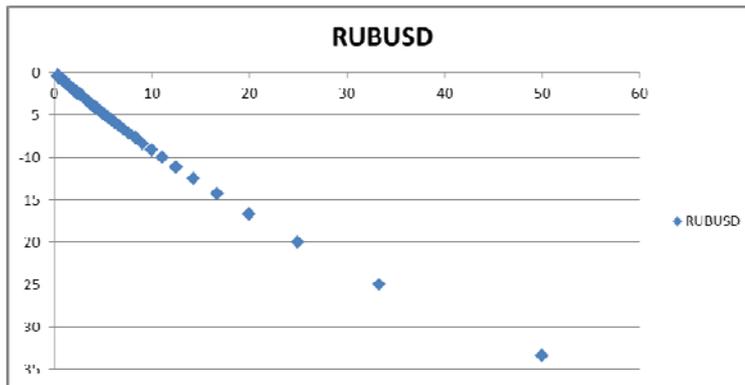

Рис. 10. Функция $1/n$ от n

Таким образом, смысл и сущность соотношения курсов различных валют – соотношение золотого содержания в валюте каждой страны, с учётом паритета покупательной способности. Соотношение в этом аспекте является долевым, и для каждой валютной пары на международных рынках сумма прямой и обратной котировки должна составлять ~ 2 , как подразумеваемые 2 целые доли двух валют (рис. 8).

Этот арифметический смысл логически оправдан незначительной вариацией валют капиталистических стран, начиная ещё с XVIII века, в осмысленно приемлемых пределах, а именно: отношение валюты одной страны и валюты другой, как правило, не менее 0,5 и не более 1,9, за редким исключением.

Соотношения со значениями выше $\sim 2,5$ логически не оправданы, а траектория их изменения, как на валютных биржах, так и при фиксации котировок в соответствующих книгах, и даже на обычном калькуляторе, имеет совершенно иной характер, отличаясь неоправданно завышенным ускорением волатильности (рис. 11). Показано, что при курсе более 2,2 (10, 20, 30, ...) происходит увеличение каждого последующего интервала.

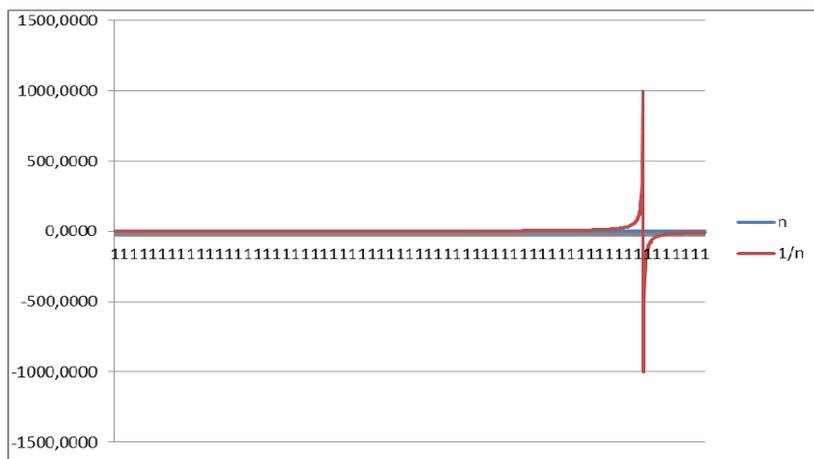

Рис. 11. Изменение скорости прироста валютной пары RUBUSD

Рис. 12. Изменение скорости абсолютного прироста функции $1/n$

На рис. 13 показано, что происходит при приближении валютной пары к нулю при каждом увеличении обратной пары на 0,001. При каждом увеличении n в функции $y=1/n$ для убывающей последовательности от 1,0000 до 0,0010 значения y распределяются неравномерно: в начале ~ 1 , а затем, начиная с 0,5, ~ 2 , увеличиваясь и достигая 1000 при $n = 0,0010$.

Рис. 13. Изменение скорости прироста функции $1/n$ при изменении n на $0,001$

Прогрессии с увеличивающимися, а не постоянными, расстояниями «не могут быть редуцируемы к нетривиальным свойствам или отношениям между позициями» (Резник, 1964). Также спорно такие случаи рядов причислять к множествам и к их свойствам.

Управление курсом такого характера (свыше $\sim 2,5$ по отношению к сопоставляемой валюте) весьма проблематично, не поддаётся стандартным действиям по аналогии с курсом валют стран бывшего «капиталистического» мира. Гораздо проще видоизменить биржевой курс, сделав его корректным. При этом нет необходимости производить деноминацию, а важно и необходимо преобразовать курс национальной валюты, сославшись на **некорректное изменение и применение курса рубля в период распада СССР**.

Вообще, преобразование, «возвращение» курса национальной валюты в пределы $0,5 \div 1,9$ – это не какого-либо рода экономическая реформа на фоне деноминации, а всего лишь устранение ошибки, появившейся из-за дестабилизации экономики при масштабном изменении руководства государства и крупнейших корпораций времён 1991–1993 гг.

Следует отметить, что в России и в СССР до 90-х годов XX века была сформирована относительно адекватная валютная система. Несмотря на автаркию, или закрытость, такой валютной системы от противоположного в то время экономического мира «капиталистических» стран, физические и юридические лица нашего видоизменённого, по сравнению с тем временем, государства, были ограждены и защищены от каких либо внезапных резких курсовых изменений в международной торговле. Такая экономическая защита была обусловлена существованием нескольких контролируемых Госбанком СССР видов котировок. Одновременно существовали официальный курс, коммерческий курс, курс Внешэкономбанка (бывшего Внешторгбанка), туристический курс.

Таким образом, изменения курса на мировых биржах никак не сказывались напрямую на населении, на национальном производстве. В этом плане экономическая ситуация в СССР была намного гуманнее.

Уточним, что инвалютный рубль представлял собой условную, виртуальную денежную единицу измерения. Все счета советских граждан, работавших по контрактам за границей, либо получавших гонорары в соответствии с авторскими правами, либо являвшихся получателями наследства из-за рубежа, велись в инвалютных рублях. Ведение счетов Банка для внешней торговли РФ, Банка для внешней торговли СССР, позднее Внешторгбанка РФ, Внешторгбанка СССР, ещё позднее Внешэкономбанка СССР в инвалютных рублях было, можно сказать, надёжной «воздушной подушкой безопасности» для населения, а также для различных учреждений, имеющих счета в инвалютных рублях.

Причём, не всегда в те времена советские граждане были довольны при выяснении суммы текущего счёта после заграникомандировки или учёбы за границей. Дело в том, что на квитках советских граждан, в соответствии с их работой или гонораром, всегда фиксировались суммы в определённой валюте той страны, в которую граждане направлялись в заграникомандировку. Затем, в соответствии с платёжными поручениями от организаций, отправлявших граждан на работу за границу, денежные средства зачислялись на текущие счета по соответствующему курсу определённой валюты к инвалютному рублю. Таким образом, все валютные счета велись не в конкретной валюте, а в условных денежных единицах – инвалютных рублях, с пометкой-кодом наименования валюты. Код валюты фиксировался по текущему счёту для последующего расчёта с физическим лицом при его распоряжении денежными средствами.

Все валюты, размещавшиеся на инвалютных счетах советских граждан во Внешэкономбанке СССР, подразделялись на три основные категории: 1) свободно конвертируемые валюты; 2) замкнутые валюты; 3) валюты социалистических стран.

Так, при получении с инвалютного счёта советских рублей, в определённые периоды высокой волатильности (программисты не всегда успевали преобразовывать компьютерную программу из-за курсовых изменений), банковскими работниками применялась система ручного пересчёта, осуществлявшаяся в два этапа:

- 1) инвалютные рубли, в соответствии с текущим курсом, переводились в валюту той страны, код которой указан в счёте;
- 2) сумма валюты пересчитывалась в рубли по курсу определённой валюты.

При пересчёте на рубли, помимо курсового перерасчёта, применялись различные коэффициенты в зависимости от категории валюты счёта.

Резюмируем сказанное: необходимо непременно продолжать использовать в расчетах свободно конвертируемые валюты, но на иных, уточненных условиях. Возможна также разработка такой биржевой формулы, которая бы корректировала выявленные непаритетные соотношения валют на международных рынках. Существует также острейшая необходимость в проектировании новой системы валютного регулирования, как в России, так и во всем мире.

Есть уверенность в том, что такой проект XXI века, и даже третьего тысячелетия, способен разрешить многие экономико-финансовые проблемы, и в первую очередь такой стране – финансовому гегемону, как США. И это притом, что проект реально «сконструировать» и на периферии экономического пространства – в России; место разработки проекта не столь важно. Дисбаланс на биржевых валютных рынках однозначно не выгоден ведущим экономическим территориям, и в первую очередь – Америке. Весьма вероятно, что такой проект поможет разрешить многие проблемы, связанные с излишними монетаристскими мерами: инфляцией, чрезмерными денежными эмиссиями, деноминацией национальных валют, бестолковым и ненужным директивным ограничением процентных ставок по вкладам, по депозитам, а также вообще ограничением национальных ставок рефинансирования государств различного уровня.

Новая система валютного регулирования требует основательного пересмотра всех правил, законодательных актов и соотношений на валютных биржах. В этой связи уместно вспомнить притчу о работниках в винограднике. Одни работники трудились с самого раннего утра, другие пришли в полдень, а третьи – в конце дня; и виноградарь заплатил всем одинаковую оплату за их труд, несмотря на возмущение первых и вторых. Эту притчу можно сопоставить с положением стран, относительно недавно вошедших в международную систему рыночных отношений. Такие страны должны иметь равные права на сопоставимый и адекватный вес своих национальных валют, подобно пришедшим позже других работникам в винограднике в известной притче (Евангелие от Матфея).

Представляется, что вряд ли бы США устроило получение временной необоснованной прибыли по биржевым операциям, в том случае, если бы руководство валютных бирж владело данной информацией. И это при понимании неизбежности раздувания из-за этого валютных пузырей и дестабилизации.

По мнению автора, мировые финансовые державы должны быть заинтересованы не меньше, а может быть и больше, в восприятии идей настоящей работы о биржевой валютной торговле с развивающимися странами и в поддержке проекта предлагаемой автором к разработке новой системы валютного регулирования.

Литература

Dressler S.J. The cyclical effects of monetary policy regimes // International economic review, Department of Economics, Villanova University, Villanova, Vol. 48 № 2, May 2007.

Keyster T. Expectations and contagion in self-fulfilling currency attacks// International economic review, Federal Reserve Bank of New York, U.S.A., Vol.50, № 3, August 2009.

Profit Large Trading Ltd, Торговля на рынке Forex, практика, 8-800-200-60-09, www.Profitlt.ru.

Андреев В.В., Анциферова Л.Я. Ситуация на валютных рынках в странах СНГ в 2009 г. // Проблемы прогнозирования. 2009. № 6.

Андрукович П.Ф. Средняя продолжительность предстоящей жизни компаний в индексе Доу-Джонса и индексе РТС // Экономическая наука современной России. 2013. № 2 (61).

Белкин В.Д. Доклад на тему: «Г.Я. Сокольников – гениальный экономист, финансист, реформатор» на расширенном заседании семинара «Проблемы моделирования развития производственных систем» от 14.03.2014.

- Бухвальд Б.* Техника банковского дела. Справочная книга и руководство по изучению практики банковских и биржевых операций. М., 1994.
- Варшавский Л.Е.* Проблемы эконометрического моделирования экономических процессов. Сборник трудов Научно-практической конференции «Эконометрические методы в исследовании глобальных экономических процессов» / Фонд развития МГИМО. М.: Апкил, 2013.
- Генис В.Л.* Упрямый нарком с Ильинки. Вместо предисловия к книге *Сокольников Г.Я.* Новая финансовая политика. На пути к твёрдой валюте. М.: Наука, 1995.
- Качалов Р.М.* Управление экономическим риском: теоретические основы и приложения. Монография. СПб.: Нестор-История, 2012.
- Клейнер Г.Б., Смоляк С.А.* Эконометрические зависимости. М.: Экономика, 2000.
- Кондратов Д.И.* Валютная политика в Европе и её влияние на динамику промышленного производства // Проблемы прогнозирования. 2010. № 3.
- Кондратов Д.И.* Некоторые актуальные проблемы российской денежно-кредитной политики // Проблемы прогнозирования. 2010. № 6.
- Макаров В.Л.* Вступительная речь во время круглого стола 09.04.2013 на 14-м всероссийском симпозиуме «Стратегическое планирование и развитие предприятий», 2013.
- Моль А.* Теория информации и эстетическое восприятие. М.: Мир, 1966.
- Мулуд Н.* Современный структурализм. Размышления о методе и философии точных наук. М.: Прогресс, 1973.
- Наринян Н.Е.* О влиянии курсов валют на производство легковых автомобилей // Материалы 11-го всероссийского симпозиума «Стратегическое планирование и развитие предприятий». М.: ЦЭМИ РАН, 2010.
- Наринян Н.Е.* Эффективность производства как объект влияния курса валют // Материалы 12-го всероссийского симпозиума «Стратегическое планирование и развитие предприятий». М.: ЦЭМИ РАН, 2011.
- Наринян Н.Е.* Исследование влияния курса валют на эффективность производства промышленных предприятий в России. Препринт #wp/2012/294. М.: ЦЭМИ РАН, 2012.
- Наринян Н.Е.* Выявленное влияние курса валют на эффективность обрабатывающей промышленности // Материалы 14-го всероссийского симпозиума «Стратегическое планирование и развитие предприятий». М.: ЦЭМИ РАН, 2013.
- Наринян Н.Е.* Тщетность преобразований полиномов при моделировании // Материалы 14-го всероссийского симпозиума «Стратегическое планирование и развитие предприятий». М.: ЦЭМИ РАН, 2013.
- Наринян Н.Е.* Экономическая интерпретация интервенций на валютных рынках трейдеров различных уровней // Материалы 15-го всероссийского симпозиума «Стратегическое планирование и развитие предприятий». М.: ЦЭМИ РАН, 2014.
- Евангелие от Матфея, гл. 20, 1-16.
- Носкова И.Я.* Финансовые и валютные операции. М.: ЮНИТИ, 1996.
- Панилов М.А.* Моделирование динамики номинального курса рубля на основании системы воздействующих факторов. М.: МГУ, 2009.
- Поддьяков А.Н.* Игры на повышение и понижение человеческого маткапитала, доклад, круглый стол ЦЭМИ РАН «Социальные сети и коллективное поведение» научно-практической конференции «Языки общественных наук» (ЯЗОН-3) III, 25.10.2013г.
- Резник М.* Структурализм и идентичность математических объектов, США, 1964, статья в Интернет.
- Семёнычев В.К., Семёнычев Е.В.* Параметрическая идентификация рядов динамики: структуры, модели, эволюция. Самара: СоцНЦ РАН, 2011.
- СЭС. См.: Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1984.
- Соколов П.И.* Эффективное хеджирование на основе эконометрической оценки взаимосвязи валютных курсов. М.: МГУ, 2010.
- Татаркин А.И.* Мировой финансовый кризис и возможности реального сектора российской экономики // Экономическая наука современной России. 2010. № 1.
- Улин Б.* Межрегиональная и международная торговля. М.: Дело, 2004.
- Харрод Р.* Теория экономической динамики. М.: ЦЭМИ РАН, 2008.

SOME CHARACTERISTICS OF THE INSTITUTIONAL-CHANGE-AND-INNOVATION-BASED ECONOMIC DEVELOPMENT IN THE COUNTRIES IN TRANSITION

Global economics trends in 2008 and the first quarter of 2009 have been characterized by recession. The entire Balkan region including Montenegro shares the same destiny, since global economic distortions, caused by financial crisis, spread like dominoes on the real sector and conditioned the biggest fall of economic activities in the last few decades. Weakening of the crisis intensity has been noticed in the last few months, and a mild recovery is expected at the end of 2009 and the beginning of next year.

Most of the counties in transition, particularly the Balkan countries, are characterized with deep post-socialist problems, deformations, and disproportions, which have been deepened and complicated even more by global economic crisis. These consequences are results of erroneous economic policies and nonexistence of consistent developmental strategy and they also represent the focus of threatening crisis. Certain decision makers of economic policies, in the midst of unprecedented state interventions, are glorifying neo-liberalism (thanks to which and on which waves they most probably came to power). They are forgetting that significant donations from abroad, direct foreign investments and loans are not the result of neo-liberal economic successes but of a concrete politics of the West towards the region.

Dialectics of economic development has verified the necessity for resource-allocation, organizational, innovative, motivational, institution and information combinations as well as pluralistic functioning of all economic, political and other institutions. It is not the problem when economists are making mistakes, but when (if) they make mistakes on purpose because of different interests, especially if their interest ambitions can actively influence the actual economic politics, with accompanying, speaking by words of 1974 Nobel Laureate Gunnar Myrdal, *opportunistic ignorance*, a term for indicating a specific kind of the economic prerequisites substitution for achieving political goals. This leads to promotion and realization of own choices, with which one is to maximize personal gain at the expense of somebody else's (and with which somebody else's choices are reduced¹). Non-alternative *interest one-sidedness* is seen in performances of many economic politics in the Balkan region and is characterized by paradoxical domination of socio-pathological brake system of anti-developmental, privileged and monopolistic interests, in which the notion of origin of property has been *persona non grata*.

Challenges of global crisis forced out a paradigmatic response of market economies, based on *state interventionism*. Hence the message from the recent Summit of leaders of developed countries to underdeveloped “*not to focus on protectionist measures*” had surprising repercussions. It represents typical dual standards in “developmental” macroeconomic recipes. It is

---

¹ Drašković V. Finansijska kriza i paradoksi // Montenegrin Journal of Economics. 2008. No.8. Vol. 4. P. 5.

clear that the crisis in the Balkans cannot be overcome in a way in which the concept would not be considerably amended and that, as thus far, only facade forms are innovated. However, it is not surprising. To understand it, let us remember the words of Erich Fromm about the difficulties the construction of the new society has to solve:

- “It would have to solve the problem of how to continue the industrial mode of production without total centralization, i.e., without ending up in fascism of the old-fashioned type or, more likely, technological ‘fascism with a smiling face’.

- It would have to combine overall planning with a high degree of decentralization, giving up the ‘free-market economy,’ that has become largely a fiction.

- It would have to give up the goal of unlimited growth for selective growth, without running the risk of economic disaster.

- It would have to create work conditions and a general spirit in which not material gain but other, psychic satisfactions are effective motivations.

- It would have to further scientific progress and, at the same time, prevent this progress from becoming a danger to the human race by its practical application.

- It would have to create conditions under which people experience well-being and joy, not the satisfaction of the maximum-pleasure drive.

- It would have to give basic security to individuals without making them dependent on a bureaucracy to feed them.

- It must restore possibilities for individual initiative in living, rather than in business (where it hardly exists any more anyway)².

With these words in mind, let us attempt to show the absolute unproductiveness of hitherto disinvestment and anti-institutional economic politics of post-socialist countries, especially Balkan countries, and needs for applying anti-crisis economic politics based on real innovative-institutional elements.

Economic development of post-socialist countries, particularly in Russia, the effectiveness of national “institutional policy, especially in regards to solving the tasks of innovative-institutional modernization and development, depends on, at a minimum, two circumstances”³. *First*, there is need in choice of appropriate governance aimed at achieving the goals of knowledge-based innovative economy⁴. *Second*, to create a real, not doomed to fail, policy the specificity of predominant in Russia form of business functioning should be taken into account. It is about the so-called *business po ponyatiyam* (literally, business on notions). “A theoretical analogue of such way of doing business is an economy of local networks with personal and continuous relations between their participants based on the informal, mafia-type norms of behavior.

---

² Fromm E. To Have or to Be? London, New York: Continuum, 2008. Pp. 141–142.

³ Yerznkyan B.H. Institutional Economics at the Crossroads: A View from Russia // Montenegrin Journal of Economics. 2012. Vol. 8. No. 1. P. 35.

⁴ Yerznkyan B.H. Governance Choice for the Knowledge Creation and Sharing // Montenegrin Journal of Economics. 2008. Vol. 4. No. 8. Pp. 53–59.

While acting according to these norms, agents conduct themselves in the institutional frameworks of the locally shared notions that indicate acceptability of what they ought to do and what is right and/or wrong and thus the notions shape participants' actions. In short, notions are the essence, specific code of ethics, forming the regulative, unwritten and informal institution – locally acting not in geographical sense, but by nature, although widely diffused in a modern Russian economy”⁵.

As for economic development of the Balkan region, it is based on permanent discrepancy between rhetoric on pluralistic institutional changes and monistic implementation of neo-liberal recipes of macroeconomic politics. The latter one has been extremely motivated by interests of insatiable appetites of state nomenclatures, which represented the main obstacle for institutional changes, apart from noticeable socio-pathologic milieu. All of this resulted in long-term destabilization of economic systems through disinvestments and spilling over of positive effects in spending instead of production.

Institutional innovations are, when it comes to timing, structure, quality, quantity and functionality, undeveloped compared to other transitional changes, instead of being their foundation, stimulant and a guarantee. There was a big lap between formally established economic institutes from foreign economic politics and economic behavior in practice, which was far from standard norms. A *strategic significance* of practical institutional innovations was disregarded as well as their *priority role* compared to economic politics. Vulgarized *individualism* was imposed by certain “*skilful and capable entrepreneurs*” (“*efficient owners*”) as a social and civilization norm. Such *reduced individualism* (of the privileged) became very fast a foundation of formal *institutional monism* as theoretic and ideological basis for neo-liberal economic politics (which resembles economic klototrizam i.e. “*selling of nothing*”– without consequences for sellers). The main cause of the mentioned phenomenon is a paradoxical need for the public economic policy to serve private interests.

A complete distrust in the institute of state regulation is neither logical nor productive and is not appropriate for increasing IT, production, innovative, financial and civilization integrations.

Wrong post-socialist economic policies in the Balkans contributed to creation of a specific brake and crisis transitional model “**d**”, which is made of *deformation, deficit, deregulation, disinvestment, destructivity, differentiations, disproportion, domination, discrimination, dictates, determination, duality and de-motivation*⁶. The above mentioned model “d” is characterized by functioning of “*rapacious country*”, which substituted the “*country of development*”, which eroded the socialist institutes and which created an institutional vacuum. This has enabled the

---

⁵ Yerznkyan B. H., Gassner L. Ethics in the Different Types of Economy // Theory and Practice of Institutional Reforms in Russia / Collection of scientific works ed. by B.H. Yerznkyan. Issue 17. Moscow: CEMI Russian Academy of Sciences, 2010. P. 143.

⁶ Adapted according to: Drašković V. Kritika odnosa ekonomske politike i institucionalizacije u Crnoj Gori // Ekonomija (Zagreb). 2007. Br. 1. God. 15 (Croat.). P. 93.

initial rapacious mass privatization and later on the so called “*privatization of gains and nationalization of losses*”⁷.

Populist and paternalistic tendencies are not avoided and the only unclearness is to which extent they compensated the primitivism of rapacious trends, monopolization and criminalization of Balkan economies, accompanied with reduction of institutional changes (innovations), of economic freedoms and healthy market competition. One of indicators of unsuccessfulness of post-socialist economic policies in the region can be a high level of systemic, political and economic risks, which are the best illustrated by high interest rates, cautiousness of foreign investors and enormously low prices when privatizing companies, hotels, banks, land and other property.

A theoretic approach implies state regulation of economic policy measures in all cases of inefficiency of market regulations, when economic growth and sustainable economic development are endangered. Since this type of interventions did not happen in the last two decades, the economic policy in that period cannot be called, at first glance, crisis policy. However, the practice shows something different: complicating of economic problems, erosion of state property and its decantation into the ownership of rare individuals (*making of illegitimate profit*), drastic social stratification and pauperization of citizens, high unemployment and fictive employment, flourishing of black and grey market, erosion of trade and industry and so on. A recombined regime was created. It is a system in which the economic policy resembles marionette of certain political parties and individuals and which serves, as it seems, only for preservation of power and increase of property of few. Since institutional solutions did not work, the responsibility should lie with those who create government policy (economic and other).

Even before the global economic crisis, the economic policy of small and less developed post-socialist countries refracted in the prism of different shapes of economic assistance, direct foreign investments, creation of conditions for Euro-Atlantic integrations and for foreign trade relations in which import component dominated. Overcoming crisis and propitiating of its consequences depends on the right choice of anti-crisis measures of economic policy, which have to be directed towards overcoming of limitations of economic growth and development.

It is impossible to unify the list of mentioned measures, which is different from country to country and has different priorities that depend on the level of a reached economic development, specificities of certain industries, indicators, consequences and different level of crisis of a certain economy. Rational anti-crisis economic policy has to be based on: a) consistent developmental strategy, b) implementation of defensive measures which will, as a priority, take into consideration the so far mistakes, ecologic limitations and social requirements, c) maximal support to civilization innovations in the area of technology, organization, regulatory mechanisms, political, economic and social relations, saving and rational allocation of resources, d) modernization

---

⁷ *Maj V. Ekonomičeskaja politika 2007 goda: uspehi i riski // Voprosi ekonomiki. 2008. No.2 (Rus.). P. 7.*

of state regulations, as the main institutional innovation, e) development of human resources and f) change in the way of thinking and behaving.

Institutional innovations imply civilization norms, placing economic behavior in realistic, moral, human and institutionalized frameworks, creation of competitive economic policy, which will honestly (and not rhetorically) favor healthy market competition and will take into consideration a given objective developmental frameworks and numerous market limitations. All of it without mythology, ideology, dogmatism and interest related misuses. Freedom of choice and free market - yes, but at own risk and money, within the limits of moral criteria, state responsibility, rational behavior, institutional standards, protected and well specified property rights!

Only institutional innovations can neutralize party-lobby's structures and can activate missing control mechanisms, rule of law, economic freedoms and efficient instruments of economic policy.

For schematic illustration of institutional change, including innovations, one can use a simple institutional scheme offered by analogy of a Williamson's simple contractual scheme⁸.

In the last two decades, Montenegrin economy went through a difficult developmental period: from deep transitional recession, through euphoric economic "boom" based on foreign assistance and virtualization of certain economic sectors (real estate markets, prices of shares at stock market) to another crisis affected by both global and local factors. How come an "*attractive investment and tourist destination*" turned into a crisis and risky one in such a short period of time?

The period of transitional recession was marked by rapine privatization, rupture of economic structures and infrastructure and adjusting to different types of assistance from abroad. The period of pseudo economic boom happened in the period of huge direct foreign investments, which served for filling in the state budget, but in most cases it was a process of disinvestment (investing in the real estate and in spending). Investments in production were insignificant. Development of institutional environment did not happen; economic policy was passive, unselective and anti-innovative.

If we consider goals of thus far economic policy through the prism of integrations in the European Union, we can notice much bigger institutional and developmental disproportions than complementarities and convergences. The existence of Euro as the currency which is too strong for Montenegrin circumstances, the signed institutional arrangements and fast harmonization of legal regulations represents more a symbolic than valid framework for united European environment. It is known that fulfilling of Copenhagen criteria depends before all on the real formation of qualitative political, democratic and economic institutes.

---

⁸ See the present collection of scientific works: *Yerznkyan B.H. Economic Agents in the System of Social Structures and Codes // Theory and Practice of Institutional Reforms in Russia / Collection of scientific works ed. by B.H. Yerznkyan. Issue 28. Moscow: CEMI Russian Academy of Sciences, 2014 (Rus.). P. 33.*

The influence of global crisis illustrated very fast the wastefulness of economic growth based on inconsistent economic policy. One cannot talk about economic development since structural and institutional changes were minor and short-term economic growth was not reached even in the midterm⁹. There are no new sources of growth and what is wanted is “*at least one big investment*”, which would allegedly resolve all Montenegrin economic problems: “*Successful market capitalization of the Electric Power Company of Montenegro*”¹⁰, *good tourist season and valorization of launched tenders in the area of tourism are factors which could significantly influence economic growth*” (Report of the main economist of the Central Bank of Montenegro). One cannot understand neither such palliative thinking, on which the economic policy is based, nor basic economic logic of “*drawing the red line*” one day when there will not be anything for sale, not even at very low prices, as done so far.

It is said that there are no secrets in economics and even when they exist they are not generated neither in private ownership nor in market, but in competition, which is being suffocated so much. Considering this in a long term, the economic terrain leans towards one side - that of monopolistic and newly rich and powerful, who became rich in a non-competitive way and with privileged businesses and who are today increasing their wealth through secured and guided businesses, from one situation to another. They are not thinking of turning their possessions into capital because in this type of environment almost nothing is secure, long-standing and sustainable. Why should “big players” risk when there is a well developed institute of *informal limitations* (conventions, self-imposed caudexes of behavior, privileged norms of behavior, impact of total institutes, anisotropy of information and unavoidable privileges). No one is responsible for the fact that informal institutes are formally and essentially conflicting with formal ones (Constitution, law, rules). What matters is that the severity of the law is super-finely compensated with its non-implementation.

In a discussed unfavorable economic and social situation, there came the strike of the global crisis, which put an end to the sources of economic growth on which the economic policy was based: the price of aluminium has drastically fallen at world markets (from 3300 € per ton to 1629 €) and this was a dominant Montenegrin export product; the assistance ceased long ago (with elimination of reasons for which it was given); tourism is also declining influenced by economic crisis and numerous other factors; the construction sector is marking a collapse as well as market prices of already constructed and initiated real estates. Risks are increasing as well as the

---

⁹ The first six months of 2009 marked, after many years, a decrease of economic activities for 3,5%; the budget deficit reappeared and it amounts to 7,9 mil. € (0,2% GDP); rebalance of the budget was also done and according to it, source revenues decreased for 212,36 mil € at 6 % GDP, the extreme borrowing amounting to more than 125 mil€ is needed; public debt increased significantly; inflation increased for 8%; deposits of industry and banks decreased significantly; financial insolvency is considerably endangering economic flows; stock exchange turnover decreased drastically for cca 133 mil. €, followed by a huge decrease of stock exchange indexes; foreign debt reached the level of 550,7 mil€ (15,6% of estimated GDP), negative balance of the current account increased from last year's 1.005 mil.€ (cca 30% GDP) for additional 189 mil.€.

¹⁰ The Government confirmed that an Italian offer for market capitalization of the Electric Power Company of Montenegro amounting to cca 457 mil.€ was accepted and this amount makes cca 10% GDP.

price of capital, which is almost nonexistent. Everyone is expecting a rescue and consoling themselves: Montenegro is a small country and it will be easier to overcome the crisis. As if this was only the impact of global economic crisis and as if there is no reproduction of the local crisis, without which the global one could perhaps be minimized in an institutionalized environment with well planned economic policy.

The global economic crisis was saluted with no discomfort and with a conviction that it will go round Montenegro since it is a small country. The preference for monistic neo-liberal forcing of market institutes, which already showed as unproductive long ago for most of population, only suited narrow groups and individual interests, which are controlling the economic ambient in the monopoly. Such degenerative institutional environment has a small chance to converge towards some economic successful institutional model. Illusory sayings about democracy are reflected here since it is proved that participatory democratic regimes lead towards sustainable economic growth, have more stable economies, they better absorb shocks, are distributing revenues more evenly and stimulate objectively the creation of qualitative economic and other institutes and innovations¹¹.

Apart from that, the economic reality is overburdened by weak protection of property rights and investors, shortfalls in the work of state administration, pronounced existence of corruption and inefficient struggle against it, different regulatory limitations, insufficient ruling of law and similar. The question of economic freedoms is problematic in conditions of significant unemployment, fictive employment and low living standards, on one side, and relatively high prices, on the other.

New developmental strategy has to take into consideration its own specifics but also the absence of alternativeness of exemplar innovative-institutional models in the region and the world. Specific characteristics of institutes are not their different coloring, form and political orientation, but quality and efficiency.

Review of official governmental documents relating to economic policy in the last years does not show existence of risk analysis, without which developmental plans of economy seem gratuitous. The crisis threw the light on all weaknesses of economic policy, not only in the domain of risk, but also in mercantile-neo-liberal orientation related to sale of key economic capacities. The collapse of stock exchange market has additionally made citizens and a real economic sector more miserable and showed that it all perhaps has to do with programmed and manipulated losing trends.

Opinions of local analysts can be subjective. Thereafter, we are quoting the latest report of the USAID¹², which emphasizes numerous deformations of economic policy makers in Montenegro: poor control and monitoring of the work of the executive power, weak institutions of the

---

¹¹ Budak J., Sumpo M. Nova institucionalna ekonomijai institucionalna konvergencija // Ekonomski pregled. 2009. Vol. 60. Nos. 3–4 (Serb.). P. 176.

¹² Vijesti. 29.07.2009. P. 9.

government, limited political competition and broad intertwining of political and economic elite¹³, limited publicity of the work of the government, poor implementation of the law, limited access to information, widespread use of personal connections, nepotism and favoritism, corruption as an activity for great gain with little risk, huge conflicts of interests, rigidity in politics and governing. When you add to these, anisotropy of information, negative selection of cadre, advantage given to political affiliation, as opposed to competency and many characteristics of hermetic society (it is still a long way to civil society), it is then clear that the economic policy could not have been much better.

Package of measures of the Government of Montenegro, which will be implemented with the aim to lessen negative effects of global economic crisis comprises: a) strengthening investments in the infrastructure and support to development of private sector, b) decrease of ongoing and unproductive budgetary spending, c) support to citizens and economy by securing additional solvency and d) socio-economic measures.

„*Economic miracle*“ of Montenegrin economy and closer Balkan region was dismantled by the first more serious wave of the global economic crisis together with longterm negative local economic currents. The crisis according to its so far manifestations is surpassing ordinary cyclic oscillations and it clearly accentuates weaknesses of the economy. Changes for dealing with the crisis have to be sought, apart from more work, order and discipline, in institutional innovations and the area of economy of knowledge.

Operational anti-crisis support measures to economies in the region must be combined with development of consistent, systemic developmental strategy, which will be the basis for adoption of innovative developmental model founded on creation of a stable institutional environment and accelerated adoption of economy of knowledge. These are the conditions of all other conditions.

It is understood that there is a stimulation of internal demand, securing allocation of capital in priority areas, substitution of import as maximally as possible and genuine stimulation for developing small and medium sized entrepreneurship, with gradual elimination of burdened economic problems and disproportions. It represents, *inter alia*, stabilization and strengthening of banking sector, severe and efficient control of active and passive operations of all financial institutes.

Affirmation of anti-crisis measures is an imperative of time and economic growth, which in the discussed region has to be orientated towards production of qualitative services (banking, logistical, tourist, transportation, communicational and so on), on the basis of absolute and comparative advantages. All anti-crisis measures have to be considered through the prism of few basic criteria: increase of production and employment, liquidity, economic effectiveness, restruc-

---

¹³ Compare with: *Acemoglu D. et al. Institutions and the Fundamental Causes, of Long-Run Growth / Handbook of Economic Growth*, Ph. Aghion, S. Durland (eds), North-Holand, 2004.

turing and sustainability of economic growth and development. A special attention has to be dedicated to increase of agricultural production, wherever it is objectively possible.

Global crisis represents a unique possibility to create qualitatively different and better developmental approach to economic policy, which proper implementation can secure a stable economic growth. It includes a complicated and difficult process of fundamental civil and economic changes (innovations) and not cosmetic retouches as so far, which always had a palliative character and limited scope.

It is necessary to overcome a rhetoric and interest sayings about successfulness of neo-liberal economic doctrine. The outdated and hazardous market fundamentalism has to be urgently and in a long-run substituted with “*institutional fundamentalism*”¹⁴ and with enormous doses of some of Keynesian medicaments. The economic policy has to be directed towards production of goods and services (instead of financial engineering and *doing everything mercantile*), activation of comparative advantages and sustainable development (instead of sale of natural wealth and monopolies).

The state regulation institution, to which the economic policy belongs, has to be revitalized and made functional. Rare individuals became extremely rich in a short period of time since the institute of state control and regulation did not work; these people were given privileges, there was reshuffling of wealth in which both the state and majority of citizens lost. Without any ambitions to prejudge the opposite process, new anti-crisis economic policy has to take certain measures in order to activate and invest in the above mentioned wealth and to tax huge assets.

---

¹⁴ Rodrik D. *et al.* Institution Rule: The Primacy of Institutions over Geography and Integration in Economic Development // Journal of Economic Growth. 2004. Vol. 9. No. 2. Pp. 131–165.

РАЗДЕЛ 2. ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПРАКТИКА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В РОССИИ

О.Ю. Ульянова

ЖИЛИЩНЫЙ СЕКТОР ГОРОДА: ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Методы государственного регулирования жилищного сектора разрабатываются в соответствии с закономерностями и траекторией его предшествующего развития. Поэтому диверсификация методов является результатом социально-экономических и культурных изменений в обществе.

Методы госрегулирования направлены на снижение конфликтности между экономическими субъектами жилищного сектора. Инновации являются генератором не только институциональных изменений, но и социального развития. Особенно велика роль инновационных технологий в обеспечении устойчивости экономического роста региона и страны в целом. Такая устойчивость роста определяется не только его количественной, но и качественной составляющей, для которой характерно доминирование интенсивных факторов, т.е. инноваций, обладающих эколого-гуманистическим характером и направленных на рациональное использование инвестиционных ресурсов.

Специфика современных методов госрегулирования жилищного сектора определяется ее социо-институциональной направленностью. Это предполагает совокупность методов, учитывающих интересы государства, предпринимателей, науки и общества.

Содержание методов государственного регулирования состоит в обеспечении и согласовании широкого спектра комплементарных и взаимоусиливающих технологических и институциональных инноваций. Отсутствие слаженности и согласованности в реализации методов государственного регулирования, стимулов и правил взаимодействия участников, диверсификации инвестиций для разработки инноваций – все это приводит к замедлению темпов развития жилищного сектора.

Особенностями анализируемых методов госрегулирования являются то, что:

1) жилищный сектор – приоритет в ряду элементов социальной инфраструктуры города;

2) эффективное функционирование и развитие жилищного сектора возможно при всесторонней и комплексной государственной поддержке.

Функциональный аспект исследования данных методов регулирования предполагает выполнение интегральной целевой направленности и дифференциальных задач развития жилищного сектора. Интегральная цель методов государственного регулирования состоит в сохранении ее устойчивости, или самосохранении, через инвестиционно-

инновационное обновление. Приоритетным аспектом государственной деятельности является общий интегральный интерес экономических субъектов жилищного сектора – это повысить качество жилищных условий. Новый культурный уклад формируется в условиях диффузии таких инноваций, которые восприняты предпринимательским сообществом и обществом в целом.

Современная концепция развития жилищного сектора характеризуется сочетанием методов государственного регулирования и их принципов. Основными принципами государственного регулирования развития жилищного сектора следует выделить принципы адекватности, системности, адаптивности.

Принцип адекватности предполагает соответствие госрегулирования достигнутой стадии культурной матрицы техногенного развития (доиндустриальной, индустриальной, постиндустриальной). Чем полнее соответствуют данные методы госрегулирования историко-экономическим условиям экономического развития, тем эффективнее их воздействие на развитие жилищного сектора города.

Принцип системности предполагает эффективность функционирования методов государственного регулирования жилищного сектора (приоритетные технологические ниши, система реализации приоритетов, ресурсное обеспечение, инновационные структуры) в их синергетической целостности.

Принцип адаптивности предполагает способность приспособливать методы государственного регулирования к изменяющимся условиям внешней среды, формирующимся инновационным потребностям общества.

Следует отметить, что системность реализации вышеперечисленных принципов способствует достижению развития жилищного сектора на региональном уровне.

Государство, рассматриваемое в качестве основного предъявителя спроса на высокие технологии, способно содействовать развитию жилищного сектора, при этом, обеспечивая социальную стабильность в обществе. Государство выступает активным субъектом в определении методов и инструментов регулирования жилищного сектора.

Будучи по своей природе объективными отношениями, взаимодействие экономических субъектов организуется государством. В своей деятельности государство опирается на определенные принципы, «...теоретически сформулированные положения, отражающие закономерности развития общественного производства. Это и есть принципы социалистического хозяйствования – теоретическое выражение объективно необходимых форм и методов, обеспечивающих планомерное функционирование общественного производства»¹. Это принципы, характерные для модели государственного капитализма. При переходе к рыночной экономике государство продолжает использовать административные

---

¹ Абалкин Л.И. Роль социалистического государства в планомерном регулировании общественного производства: Дис...д-ра экон. наук. М., 1970. С. 495.

методы, которые необходимы для создания рыночных и институциональных условий в стране.

Значительное внимание со стороны ученых и практиков уделяется тому, что только административными методами создавать новые рыночные институты и класс частных собственников, способных эффективно функционировать в новых условиях, невозможно. Любые принимаемые правовые нормы и создаваемые рыночные институты будут неэффективными и не обеспечат социально-экономический эффект на макроуровне без учета российского менталитета и психологической подготовленности общества к кардинальным изменениям в экономике регионов. Рыночные преобразования вызвали к жизни особое социальное явление – переходное состояние экономического сознания, сформированное в условиях быстрой и радикальной ломки плановой системы, в которой практически отсутствовал институт частной собственности, система мотивации частной инициативы и ответственности. При переходе к рыночному регулированию необходимо создание институциональных условий, в том числе комплексная разработка и проведение воспитательных и образовательных мероприятий, создание мотивационных факторов, которые приведут к возрождению в сознании граждан собственнического интереса к объектам собственности и заинтересованности в результатах хозяйственной деятельности. Экономические методы государственного регулирования экономики региона, в частности жилищной системы, в отличие от административных, являются более гибкими и эффективными.

Принципы, характерные на определенном этапе общественного развития, определяют доминирование соответствующих методов госрегулирования, направленных на развитие жилищного сектора. «Административные методы предполагают безусловное выполнение распоряжений вышестоящих органов нижестоящими, вне всякой зависимости от того, выгодно или невыгодно это исполнителям, соответствует это их интересам или нет. Экономические методы лишь по форме являются государственно-правовым, и по существу, по своей природе принадлежат собственно экономике, являются составной частью объективного хозяйственного механизма. Осуществляемая хозяйственная реформа связана с усилением экономических методов руководства».

Методы государственного регулирования, которые хороши и приемлемы в одних условиях, могут в других исторических условиях сдерживать региональное развитие. По мнению Л. Абалкина, «... самые лучшие и эффективные приемы и методы будут работать вхолостую, если они не объединены общей концепцией и единым стратегическим курсом»².

Экономические методы направлены на сбалансирование интересов различных субъектов с целью достижения стратегической цели и обеспечения вектора развития городов. Развитие жилищного сектора в современный период возможно на основе формирова-

---

² Абалкин Л.И. 1970. Указ. соч. С. 599.

ния новой системы управления, ориентированной на использование экономических стимулов, максимальный учет интересов потребителей. По мнению Д. Львова, «... в угоду «чистоте» антисоциалистической доктрины Россия не должна заведомо отбрасывать институты плановой экономики, как ничего, включая западные методы государственного прессинга экономики, – не должна принимать потому, что они фактически применяются в рамках капиталистической экономики»³.

В современных условиях хозяйствования сосуществуют группы методов государственного регулирования, которые могут воздействовать на функционирование жилищного сектора.

Административными методами невозможно создавать новые рыночные институты, способные эффективно функционировать в новых условиях. Любые принимаемые правовые нормы и создаваемые рыночные институты будут неэффективными и не обеспечат социально-экономический эффект без учета российского менталитета и психологической подготовленности общества к кардинальным изменениям в экономике регионов. Рыночные преобразования вызвали особое социальное явление – переходное состояние экономического сознания, сформированное в условиях радикальной ломки плановой системы. Экономические методы в отличие от административных являются более гибкими и эффективными, в посткризисный период развитие жилищного сектора возможно на основе использования экономических стимулов, максимальный учет интересов потребителей.

Институциональные методы направлены на обеспечение рыночными институтами и их качества, а также легитимацию создаваемых институтов. В посткризисный период экономики институциональные методы начинают играть доминирующую роль среди методов государственного регулирования, поскольку усиливается социальный контроль над экономическими процессами, и происходит ослабление функций административного государственного вмешательства в хозяйственную деятельность экономических субъектов. Развитие и жизнеспособность экономических институтов, формируемых на микроэкономическом уровне, характеризует эффективность сотрудничества государства и бизнеса для достижения общерегиональной цели. В этих условиях актуализируется формирование и развитие институтов самоорганизации, социальной ответственности и благотворительности бизнеса, сотрудничества, что способствует достижению баланса общих интересов государства и бизнеса. Партнерство государства и бизнеса основано на достижении баланса общих интересов в условиях постиндустриализации – привлечение инвестиций в разработку технологических новшеств, способствующих повышению качества жизни граждан.

Общество не может выбирать между использованием либо только административных, либо только экономических методов, оно должно найти рациональное их сочетание в

---

³ Львов Д.С. Развитие экономики России и задачи экономической науки. М.: Экономика, 1999. С. 10.

зависимости от уровня, этапа и особенностей развития региона. По образному сравнению П. Самуэльсона, управлять экономикой в отсутствии того или другого все равно, что попытаться аплодировать одной рукой. Оптимальное сочетание методов государственного регулирования, направленных на развитие жилищного сектора, является различным для определенной группы городов.

По мнению авторов, использование тех или иных методов в большей степени может объясняться действием принципа зависимости от предшествующей (исторической) траектории развития региона и города. Так, в городах с высокой инвестиционной активностью, как правило, используют экономические и институциональные методы регулирования жилищного сектора, поскольку для них характерна конвергенция технологического и культурного укладов. «В «региональные столицы» стекается наиболее молодая и здоровая часть населения, и там формируется современная инфраструктура»⁴. В «периферийных», средне- и низкоактивных городах доминируют административные методы регулирования, и, как правило, формальные институты являются регулятором неформальных.

Использование только административных методов не приведет к достижению эффективности институциональных преобразований. При формировании направлений региональной социальной политики целесообразно учитывать, что человек должен иметь экономический выбор и социальную перспективу. Экономические методы являются комплементарными административным, и могут создавать экономические и институциональные условия для инвестиционного развития жилищного сектора.

Практика развитых стран показывает, что реализация экономических функций государства основывается на применении экономических и институциональных методов, не отказываясь от необходимого административного воздействия на деятельность экономических субъектов.

Эффективное сочетание методов государственного регулирования жилищного сектора позволит осуществлять тактическую и стратегическую функцию государства в смешанной экономике. В России система государственного регулирования, унаследованная от административно-командной системы, не отвечает потребностям нынешнего этапа российских реформ. До сих пор государство перегружено функциями, которые ему не свойственны в условиях смешанной экономики, и одновременно не в полной мере выполняют функции по созданию конкурентной рыночной среды и разработке градуалистической реализации социальной политики.

Задача совершенствования государственного регулирования состоит не в экстенсивной диверсификации государственного вмешательства в российскую региональную экономику, а его повышении эффективности на основе модернизации. Это требует использования современных форм государственного регулирования: совершенствования

---

⁴ Лексин В. Региональные столицы» в экономике и социальной жизни России // Вопросы экономики. 2006. № 7. С. 84.

налогового законодательства, развитой системы государственных гарантий под кредиты коммерческих банков на инвестиционно-инновационную деятельность экономических субъектов, приоритетного и проектного финансирования из бюджетных фондов наукоемких и инновационных производств, проведения активной социальной политики.

Проблема создания эффективных инструментов и методов государственного регулирования жилищного сектора, способствующих генерировать, воспроизводить и применять научно-технические знания с целью повышения темпов экономического роста и качества жизни, приобретает актуальное значение. Региональная модель развития жилищного сектора эффективна при изменении институтов и экономической культуры, которые могут максимизировать деловую и инвестиционно-инновационную активность хозяйствующих субъектов.

Экономика инновационных городов и регионов формирует такую систему взаимодействий между наукой, производством и обществом, при которой инновации служат основой развития производства и общества, стимулируют использование инноваций и определяют их вектор и направления. Тесное сотрудничество государства, предпринимательской и научной среды и общества способствует выявлению общих детерминант вектора развития жилищного сектора города и региона. Это означает, что создание и диффузия инноваций предполагает не только уровень развития образования, науки и предпринимательства, но и стимулы, способствующие быстрой легитимации инноваций обществом, активному привлечению инвестиционных ресурсов, созданию благоприятного социального климата, ориентации на инновационно-культурное обновление. Если стратегически выбранная траектория положительная, то формируется жилищная система, объединяющая образование, науку, общество и предпринимательство и включающая в себя научно-технические, социокультурные и экономические элементы инновационной деятельности.

Действие методов государственного регулирования обуславливает институциональные изменения в развитии жилищного сектора. Институты играют, безусловно, важную роль в развитии жилищного сектора и экономики региона в целом. Они должны соответствовать современным условиям развития инновационных технологий, экономической и социальной жизни, способны содействовать позитивным преобразованиям в инвестиционно-инновационной сфере.

Институциональные преобразования проходят на фоне диалектического единства институциональных систем:

- 1) институты являются взаимосвязанными между собой, т.е. изменение одного правила приводит к последствиям в смежных отраслях;
- 2) комплементарность институтов, которая обуславливает достижение экономического эффекта через взаимосвязанность институциональных изменений.

Происходящие институциональные изменения в жилищной системе требуют новых моделей поведения экономических субъектов, которые могут формироваться следующими способами:

1) генерацией (выращиванием) – формированием норм и правил в результате естественно-исторического развития жилищной системы, что обеспечивает минимизацию издержек при вхождении в социальную практику;

2) импортом (заимствованием) – копированием норм и правил более развитых (столичных) регионов для ускорения темпов развития жилищной системы периферийных, например, под влиянием новых мировых тенденций. Процесс адаптации к ним может быть продолжительным, если происходит первоначальное отторжение импортированных институтов;

3) проектированием – сочетанием генерации (сохранения ядра менталитета, ценностей) и импорта норм и правил под влиянием формирования нового технологического уклада и тенденций нового общества.

Асимметрия в уровне благосостояния и конкурентоспособности городов объясняется гибкостью их культуры и институтов. Чем более адаптивны они, тем меньше разрыв между формальными и неформальными институтами, техническим и культурным развитием, правовыми нормами и социальным развитием городов. В современных условиях формальные институты основаны на нормах социального взаимодействия, легитимизированные основной частью общества.

На инвестиционный вектор развития жилищной системы оказывают негативное влияние такие факторы и институты, как отсутствие конкуренции; теневая экономика; возрастающий разрыв между формальными и неформальными институтами на фоне углубления социальной дивергенции общества; низкое качество работы институтов города и региона; закрытость финансовой информации строительных и жилищно-коммунальных фирм.

Согласование государственных и частных интересов экономических субъектов позволит в значительной мере снизить остроту возникших их противоречий, уменьшить величину транзакционных издержек и обеспечить инвестиционное развитие жилищного сектора города и региона в целом. В современных условиях актуальным становится переход от политики заимствования институтов к политике их выращивания – с постепенным внедрением и встраиванием в существующую систему институтов, которые способны стимулировать жилищный сектор. При этом диффузия инноваций и вовлечение новых экономических, инвестиционных субъектов (институциональных инвесторов, бизнес-ангелов, благотворителей, меценатов) в жилищно-строительную деятельность постепенно позволяют сформировать группы интересов хозяйствующих субъектов.

Эффективность методов жилищно-строительной политики Волгограда выражена в изменении основных показателей жилищного сектора (табл. 1).

Таблица 1

Экономические показатели анализа жилищного сектора Волгограда

Год	Численность населения, тыс. чел.	Ввод жилья, тыс. кв.м общей площади	Жилищно-строительная активность, кв.м/чел. *	Ввод жилья населением за счет собственных и заемных средств, тыс. кв.м.	Жилищно-строительная активность населения, кв.м/чел.*	Жилищный фонд на конец года, млн.кв.м	Доля первичного жилья в общем жилищном фонде, %*
2007	986,3	412,3	0,42	307,3	0,31	41212,8	1,00
2008	981,9	402,8	0,41	312,6	0,32	41796,2	0,96
2009	979,6	355,2	0,36	328,4	0,34	41556,4	0,85
2010	1020,8	325,6	0,32	228,1	0,22	42060,2	0,77

Источник: составлено и рассчитано* автором по данным [2]

Строительная активность в городе рассчитывается как отношение ввода жилья к численности населения. В сравнении с общероссийским показателем строительной активности на 2010 г., который составил 0,4 кв.м./чел. и обладает средним значением по стране. Пиковое значение этого показателя было достигнуто в 2009 г. и составило 0,34 кв.м./чел., затем в кризисный период строительная активность снижается. Основными причинами низкой строительной активности являются: ограниченные финансовые возможности; недостаточное количество строительных площадок, оборудованных инженерной инфраструктурой; низкая мотивация субъектов в получении кредитов в силу высоких процентных ставок; слабое институциональное обеспечение, не позволяющее привлекать в полной мере частные инвестиции.

Строительная активность населения рассчитывается как отношение ввода жилья населением к численности населения. Этот показатель в Волгограде в 2010 г. составил 0,22 кв.м./чел., по России – 0,18 кв.м./чел. Если строительная активность будет расти каждый год на 1 кв.м., то увеличится жилищная обеспеченность. Для повышения строительной активности целесообразны методы регулирования спроса и предложения.

Уровень доступности жилья рассчитывается как отношение среднемесячной заработной платы к рыночной цене одного квадратного метра жилья (табл. 2). На уровень доступности жилья влияет рост цен на жилье. В 2006-2008 гг. превышение темпа роста цен на жилье над темпом роста доходов населения привело к снижению уровня доступности жилья. Особенностью многих городов является то, что при низких темпах строительства жилья растут цены на вторичном рынке, и, следовательно, снижается уровень доступности жилья. В 2009-2010 гг. ситуация по соотношению цен на жилье и доходов населения улучшилась.

Уровень доступности жилья в Волгограде

Год	Численность населения, тыс. чел.	Жилищная обеспеченность, кв.м/чел.	Средняя месячная заработная плата, тыс. руб.	Средние рыночные цены на первичном рынке жилья, тыс. руб.	Средние цены на вторичном рынке жилья, тыс. руб.	Уровень доступности жилья на первичном рынке*	Уровень доступности жилья на вторичном рынке*
2007	986,3	21,2	12,3	35,6	34,1	0,35	0,36
2008	981,9	21,5	15,6	49,9	52,1	0,31	0,30
2009	979,6	21,1	16,8	37,4	38,9	0,45	0,43
2010	1020,8	21,2	18,3	37,4	38,9	0,49	0,47

Источник: составлено и рассчитано * автором по данным [2]

В последние годы в городе наряду с ростом цен на жилье имеет место и рост среднего размера квартиры в новостройках (в 1995 г. средний размер квартиры составлял 68,2 кв.м, в 2006 г. – 91,6 кв.м, в 2008 г. – 91,7; в 2009 г. средний размер квартиры в новостройке составил 100,2 кв.м). С одной стороны, это свидетельствует о росте комфортности нового жилья, а с другой – о снижении его доступности по причине роста площади квартиры при одновременном росте цены 1-го кв.м. Лишь в 2010 г. средний размер квартиры в построенном жилье снизился на 9,2% и составил 90,9 кв.м. Для сравнения: в 2008 г. средний размер квартир в Германии – 119 кв.м., Дании – 145, Словении – 193; Португалии – 208 кв.м.

На основании общероссийской статистики, 8,4% граждан не удовлетворены жилищными условиями. До 73% граждан имеют намерение улучшить условия, предполагают купить жилье либо обменять имеющееся, купить второе жилье, либо построить новый дом. В качестве причин неудовлетворенности жилищными условиями выступают: 50,7% – необходимость текущего ремонта, 48,7 – плохое качество воды; 41,4 – необходимость капитального ремонта, 39,4 – плохая шумоизоляция; 34,5 – плохая освещенность подходов к дому или подъезда; 27,3 – близость очагов загрязнения воздуха; 20,2 – недостаток тепла; 17,1% – нарушение общественного порядка соседями и др. Вышеназванные причины связаны с неудовлетворительной работой служб и низким качеством управления ЖКХ.

Позитивным фактором влияния на улучшение жилищных условий является рождение второго ребенка в семье. В России этому способствовала национальная программа «Материнский капитал» (действует с 2006 г.), который можно рассматривать как инвестиции в улучшение жилищных условий. Покупательная способность материнского капитала (МК) определяется как отношение суммы материнского капитала к рыночной цене 1 кв.м.

жилья (табл. 3). На 2012 г. «материнские деньги» на улучшение жилищных условий направили 16,2 тыс. чел. (97,7% от общего числа), из них: на приобретение жилья – 12 тыс. чел., на покупку жилого помещения без привлечения заемных средств – 4,2 тыс. чел. [1].

Таблица 3

Покупательная способность материнского капитала в Волгограде

Год	Материнский капитал, тыс. руб.	Покупательная способность МК на первичном рынке жилья, кв.м.	Покупательная способность МК на вторичном рынке, кв.м.	Жилищная обеспеченность, кв.м./чел.	Кол-во родившихся, тыс. чел.
2007	250,0	7,02	7,33	21,2	9,5
2008	276,25	5,54	5,30	21,5	10,4
2009	312,16	8,35	8,03	21,1	10,7
2010	343,4	9,18	8,83	21,2	10,4
2011	387,6	9,60	11,10	21,5	11,2

Источник: расчеты автора

Следует отметить, что покупательная способность МК выше на первичном, чем на вторичном рынке жилья. Это свидетельствует о низкой доле первичного жилья в структуре вводимого жилищного фонда, и о стимулировании инвестирования в строительство жилья (0,77 % в 2010 г., 0,96 % в 2008 г.). В связи с этим городские органы власти должны стимулировать граждан к инвестированию материнского капитала в строительство индивидуальных, малоэтажных или многоэтажных домов эконом-класса. Материнский капитал способствует росту строительной активности населения и уровня доступности жилья. Следует учитывать мультипликативный эффект, который объясняется тем, что прирост дохода и занятости, обусловленный приростом инвестиций, способствует росту потребительского спроса и производства. В рыночной экономике «эффект мультипликатора» достигается при господдержке отраслей и предприятий, обеспечивающих диверсификацию связей и стимулирующих дополнительные инвестиции. Достижение мультипликативного эффекта обосновывается взаимодействием жилищного сектора с другими отраслями социальной инфраструктуры и региона в целом.

В условиях перехода от индустриального к постиндустриальному обществу перед российскими городами возникает проблема поиска новых методов экологизации и гуманизации производства, развития гражданского общества и модели инновационной экономики. Экономическая политика направлена на совершенствование рыночных и государственных институтов, разработку эффективных механизмов, стимулирующих включение городов в постиндустриальное общество. Следует учитывать различие инструментов регулирования индустриальной и постиндустриальной экономики.

В условиях постиндустриализации жилищная политика города направлена на применение новых принципов территориального планирования, формирование новых социальных, жилищных стандартов и инновационных решений, переход от точечной застройки к организации новых городов.

Актуальным на постиндустриальной стадии общественного развития становится воплощение в практику концепции регионосозидания. Ее целью является формирование субъектности региона, позволяющей организовать научно-исследовательскую и инвестиционно-инновационную деятельность, институциональное и культурное проектирование в соответствии с формированием нового технологического уклада общества. В период формирования современного этапа общественного развития становится актуальным переосмысление роли государства и его методов регулирования жилищного сектора.

Библиографический список

1. Абалкин Л.И. Роль социалистического государства в планомерном регулировании общественного производства. Дис...д-ра экон. наук. – М., 1970.
2. Львов Д.С. Развитие экономики России и задачи экономической науки. М.: Экономика, 1999.
3. Лексин В. Региональные столицы» в экономике и социальной жизни России // Вопросы экономики. 2006. № 7.
4. В Волгоградской области 16 тысяч семей приобрели жилье благодаря материнскому капиталу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.inter-volgograd.ru/node/3671>.
5. Статистический ежегодник Волгоградская область 2011: сборник / Терр. орган Фед. службы гос. статистики по Волгоград. обл. – Волгоград : Волгоградстат, 2012. – 848 с.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ГОРОДСКОЙ СОЦИАЛЬНО-БЫТОВОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ*

Социальные процессы прошедшего столетия характеризуются увеличением числа и масштабов городов, обозначаемым в демографии и социологии термином «урбанизация». Так, если в начале XX столетия городское население России составляло не более 18 процентов, то к настоящему времени оно составляет около 70 %.

Это обстоятельство, в совокупности с ростом загрязненности окружающей среды, делает особо актуальными исследования о роли и значении социальной инфраструктуры города в удовлетворении жизненных потребностей населения и создании достойных условий жизни горожан.

Процесс урбанизации порождает целый ряд экономических и социокультурных проблем, проявляющихся как собственно городские и внутригородские. Поиски правильного подхода к их решению, формированию механизма управления социальной инфраструктурой современного города и решению социальных задач должны быть основаны на новой концепции социальной инфраструктуры, которая претерпевает значительные перемены в радикально изменяющемся российском обществе.

В данной статье автор продолжает исследования социально-бытовой инфраструктуры, начатые в работе, посвященной рассмотрению ее роли и места в институциональных преобразованиях¹.

Как и в предыдущей работе, в данной статье большое значение в ходе экономического анализа уделяется социально-психологическим и социо-культурным факторам. Кроме того, в работе применены данные и инструментарий социологии, истории, а также политологических исследований. При этом основное внимание уделено рассмотрению роли, места и предпосылок формирования (в том числе, исторических и психологических) городской инфраструктуры.

Исследуя состояние социально бытовой инфраструктуры современной России, автором был сделан вывод о том, что появившиеся новые теории способны внести существенный вклад в понимание особенностей, присущих данной составляющей институциональной среды. В частности, речь шла о теории суперэкстрактивного государства Александра Эткинда. В таком государстве элита эксплуатирует ресурсы практически без участия населения и извлекает свое богатство в виде прямой ренты, а не из налоговых по-

---

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-02-00008.

¹ См.: Колесникова М.В. О роли социально-бытовой инфраструктуры в институциональных преобразованиях // Теория и практика институциональных преобразований в России / Сборник научных трудов под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 26. М: ЦЭМИ РАН, 2013. С. 130–140.

ступлений, следовательно, налогоплательщики не могут контролировать правительство. То есть, положение граждан зависит не от собственного труда, а от благотворительности, оказываемой или не оказываемой ему элитой.

Однако, в процессе включения в анализ исторического подхода, можно обнаружить, что многие составляющие институциональной среды современной России обусловлены не только положением ресурсного государства, но и давними историческими традициями.

Проблема создания и совершенствования инфраструктуры, в том числе и социально бытовой, является неотъемлемой составляющей процесса обновления общественных институтов, в ходе которого неизбежно в той или иной мере подвергаются ревизии многие хозяйственные и ценностные ориентиры.

Как известно, предметом историко-институционального анализа экономики, в отличие от прочих методов, выступает институциональная структура «как совокупность действующих формальных и неформальных институтов и механизмов принуждения к исполнению»².

Формирование модели институционализации социальной инфраструктуры города, которая в максимальной мере способствовала бы формированию условий для наиболее полного и всестороннего удовлетворения потребности человека в комфортных условиях проживания и жизнедеятельности, требует всестороннего рассмотрения, которое в наиболее полной мере возможно при проведении междисциплинарного анализа.

По мнению социологов, «современная российская действительность устраивает своего рода исторический экзамен на адекватность и жизнеспособность практически всем социальным институтам и образованиям, в том числе и тем, которые, казалось бы, получили вечную прописку в социальной практике общества. Становится все более очевидным, что такого фундаментального вызова и критического переосмысления не может избежать и основной тип расселенности современного человечества – город и его социальная инфраструктура»³.

Следует отметить, что изучение социальной инфраструктуры города имеет давнюю традицию. М. Вебер, Э. Дюркгейм, Г. Зиммель и другие, рассматривая экономические, социальные и психологические проблемы роста городов, анализировали не только демографические и экономические проблемы большого города (плотность населения, миграция, половозрастная структура, возможности для ускорения развития промышленности и торговли, стоимость жизни в городе и пр.). Они изучали также вопросы «физического и мо-

---

² Сухинин И.В. Выявление особенностей историко-институционального развития экономики России в контексте проводимых реформ, связанных с модернизацией экономики. // Теория и практика институциональных преобразований в России / Сборник научных трудов под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 18. М: ЦЭМИ РАН, 2010. С. 79

³ Каллагов М.В. Социальная инфраструктура современного российского города: состояние и перспективы развития (на примере г. Владикавказа): Дис. ... канд. социол. наук. М., 2004. С. 11

рального здоровья горожан, в частности, такие проблемы, как высокая смертность, неудовлетворительное санитарное состояние жилищ и улиц, ..., нищеты и др.»⁴.

Серьезный вклад в разработку проблем социальной инфраструктуры города внесли и отечественные социологи. Различные аспекты влияния материально-вещественных элементов на эффективную социотворческую деятельность разных социальных групп населения были проанализированы в работах ученых, занимающихся проблемами социального планирования, управления и прогнозирования: В.Г. Афанасьева, И.В. Бустужева-Лада, М.В. Борщевского, Н.А. Денисова, Л.Н. Когана, Н.В. Куксановой, В.Л. Куракова, Н.И. Лапина, С.Ф. Фролова, О.В. Юферова и др.⁵

В отечественной социологической теории можно обнаружить довольно много работ, в которых значительное внимание уделяется выяснению социальной сущности инфраструктуры города и ее возможностей в реализации социотворческого потенциала личности. Причем, отечественная социология в исследовании этого круга проблем имеет довольно давнюю традицию⁶.

Однако, на сегодняшний день в институционализации и структуризации социальной инфраструктуры города в условиях трансформирующегося обществе все еще остается много неясного. В целом есть все основания утверждать, что в России все еще нет «действительной системы управления социальной инфраструктурой, через которую население могло бы обеспечить реализацию своих насущных повседневных нужд»⁷.

Важнейшими направлениями исследования города являются его анализ как формы расселения и среды функционирования и развития специфической социально-территориальной общности людей, проблемы воспроизводства социальной структуры и образа жизни этой общности в процессе производства, распределения, обмена и потребления на базе свойственного городу материально-вещественного комплекса.

В развитии экономической базы социальной инфраструктуры нужно исходить из того, что движущей силой успешного развития города служит не только наличие развитой производственной, транспортной и рыночной инфраструктуры, но и благоприятная

---

⁴ См., напр.: Вебер А. Рост городов в 19-м столетии. СПб., 1903. Гл. 7; Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь. - В кн.: Большие города, их общественное, политическое и экономическое значение. СПб., 1905. С. 118–119.

⁵ См., напр.: Афанасьев В.Г. Общество: системность, познание и управление. М.: Политиздат, 1981; Бустужева-Лада И.В. Прогнозное обоснование социальных нововведений. М., 1993; Денисов Н.А. Социальная инфраструктура России: состояние, проблемы и пути развития. М., 1988; Куксанова Н.В. Социально-бытовая инфраструктура Сибири. Новосибирск, 1993; Кураков В.А. Ресурсное обеспечение социальной сферы. М., 1999; Латин Н.И. Теория и практика социального планирования. М., 1975; Юферов О.В. Планирование социальной инфраструктуры: социологический подход. М., 1990; Козлов К.М. Исполнительная власть: муниципальный уровень // Вестник МГУ. Сер. П. 1993.

⁶ См., напр.: Гревс И.М. Пути изучения города как социального организма: опыт комплексного подхода. Л., 1926; Уледов А.И. Социологические законы. М., 1975 и др.

⁷ Каллагов М.В. Социальная инфраструктура современного российского города: состояние и перспективы развития (на примере г. Владикавказ): Дис. ... канд. социол. наук. М., 2004. С. 25.

местная социальная и институциональная среда, которая все более становится мощным фактором стимулирования деловой и социальной активности городского населения.

Переход к гражданскому обществу в условиях современной России требует всестороннего и глобального пересмотра роли социальной инфраструктуры в общественном прогрессе. При этом особого внимания требуют проблемы, решение которых в наибольшей мере способствует улучшению качественных условий жизни и деятельности граждан. Здесь приоритетная роль социальной инфраструктуры определяется тем, что она способствует воспроизводству главной производительной силы общества – человека, его духовному и физическому развитию, а также формированию благоприятной социальной среды.

При анализе роли и значения социальной инфраструктуры на всех уровнях следует исходить из того, что это явление комплексное, и для решения проблем, связанных с ее развитием (и соответственно для их решения в масштабах города) необходимо тесное сотрудничество представителей не только социально-гуманитарных, но и технических и естественных наук.

В трудах социологов, демографов, архитекторов содержится анализ и обобщение практики создания материальных условий не только для трудовой, но и для других форм деятельности людей.

Даже беглый обзор исследований, проводимых представителями различных сопредельных дисциплин, показывает, что на сегодняшний день складывается более или менее единая точка зрения при определении понятия «инфраструктура», под которым – что очень важно – теперь имеются в виду, как правило, условия эффективного развития не только материального производства, но и других сфер общественной жизни.

По определению всемирно известного американского социолога Р. Парка, заложившего основы социологии города, «социология города – это наука об организации жизнедеятельности населения и социальных институтов в пределах городского сообщества»⁸.

Более полное и конкретное изучение рассматриваемого явления с привлечением инструментария исторических дисциплин позволяет сделать вывод о том, что социальная инфраструктура есть закономерный и необходимый результат всего предшествующего социально-исторического развития общества, и без осмысления и учета этого опыта невозможна рациональная организация любой из сфер жизни современного общества. При этом содержание и структура городской инфраструктуры прямо и непосредственно зависят от уровня развития производительных сил и характера общественного уклада, который может способствовать или существенно препятствовать ее развитию и совершенствованию.

Рассмотрение различных элементов материально-вещественной составляющей городской инфраструктуры на базе междисциплинарного подхода способно выявить важные

---

⁸ Park R. Human communities. The city and human ecology, Gltncoe, 1952. P. 14.

характеристики и аспекты, учет которых может существенно обогатить теорию институциональных преобразований и оценку перспектив этого процесса.

Поэтому, рассматривая далее состояние инфраструктуры современного российского города, следует обратиться к новейшим интересным исследованиям политологов, в которых прослеживается взаимосвязь между таким основополагающим материально-вещественным элементом городской инфраструктуры как архитектура и особенностями господствующего политического режима, а также оценивается роль элит в формировании городской среды.

Архитектура всегда была проекцией власти. Автор популярной книги «Язык вещей», директор лондонского Design Museum Деян Суджич говорит, что архитектура это «способ взрастить свое эго до масштабов какой-то территории, города или даже целой страны. Архитектура делает то, на что ни одна другая форма культуры не способна, она прославляет и возвеличивает единоличных самодержцев и подавляет индивидуальность в массах. Ее все еще можно рассматривать в качестве самого важного и самого влиятельного средства массовой информации»⁹. Архитектура, по утверждению Суджича, всегда находится под влиянием действующего правительства, амбиции которого определяют образы городов.

В отечественной литературе в последнее время появились работы, в которых прослеживается взаимосвязь и взаимовлияние политического режима и доминирующего стиля архитектуры. Наиболее известны работы доктора политических наук, профессора Марка Юрьевича Урнова, а также историков искусства Вадима Паперного и Григория Ревзина¹⁰.

По их заключению, например, так называемая «пленочная» конструкция городов характерна для периода, когда в умах вождей доминировал лозунг «Пролетарии всех стран соединяйтесь» и идея мировой революции. Когда же власть начала выстраивать свою вертикаль и вздыматься вверх, появились высотки, шпили и так далее. В этом смысле советская «сталинская» архитектура очень сходна со шпееровской архитектурой нацистской Германии, архитектурой, характерной для вождизма и господства принципа национальной или территориальной страновой исключительности.

Для архитектуры же современной России, по мнению М. Урнова, характерна странная эклектика, отражающая «очень глубокий идейный, идеологический кризис» и отсутствие «ощущения своего места в мире... и своей идентичности». При этом, самой характерной чертой современной частной архитектуры в России является абсолютное заисие огромных заборов, каких нет ни в одной стране Старого и Нового Света. Это отражает растущий изоляционизм в современном российском обществе. При этом «в архитек-

---

⁹ *Sudjic D.* The Edifice Complex: How the Rich and Powerful Shape the World. London: Penguin, 2006. P. 324–325.

¹⁰ См., напр.: <http://sub2.bubblesmedia.ru/go/> и <http://www.vesti.ru/doc.html?id=374839>.

туре государственнической начинается возрождение сталинских шпилей». «С одной стороны, частник старается всячески отделиться и загородиться забором, чтобы его не видели, а с другой стороны государство своим шпилем за этот забор заглядывает и чем выше, тем серьезней». И, наконец, безусловно, характерной чертой современной российской архитектуры является большое количество заимствований у Запада.

По мнению исследователей, все эти компоненты, характерные для современной российской архитектуры «означают, что на сегодняшний день у политической элиты, которая принимает такого рода архитектуру, нет никаких глубинных идей по поводу того, какой должна быть страна в общей системе глобальной мировой цивилизации».

«Вокруг нас уже сформировано уродливое пространство, мы живем в уродливом мире», и изменения в этом пространстве, по мнению М. Урнова, возможны только по мере роста культуры населения.

Что касается российских новостроек, то для них характерна, прежде всего, «безумно плотная застройка, которая фактически блокирует нормальное развитие коммуникаций города». И, если, например, в Нью-Йорке, площадь улиц по отношению к общей площади города составляет около 35%, то в России – 7 или 8%. А количество автомобилей на маленьком пространстве между домами добавляет каждый этаж, город же растет вверх постоянно.

Трагичность сложившейся ситуации состоит еще и в том, что подавляющим большинством граждан реализованные проекты застройки, например, центра Москвы («Охотный ряд» и т. д.) воспринимаются абсолютно нормально. Смиренно воспринимают новоселы и жуткие неудобства, порождаемые безумно плотной застройкой новых районов, диктуемой ничем не ограничиваемой жадной наживы – как фирм-застройщиков, так и официальных лиц, подписывающих разрешения на строительство.

Сложившаяся ситуация в целом, по мнению вышеуказанных авторов, является следствием «безвкусыя, свойственного нашей элите», которая в этом смысле «мало чем отличается от незлиты, из которой она выделилась». В культурном смысле, как и в смысле образовательного статуса и поведения «у нас нет реальной элиты. Нет группы, которая служила бы для основной части населения источником позитивных ценностей и образцов». Отсюда отсутствие внутреннего импульса для развития.

Между тем, успех социальных инноваций в существенной мере зависит от того, «кто становится их носителем, демонстрирует новые формы поведения и мышления». Этот механизм «должен реально демонстрироваться элитой общества»¹¹.

Таким образом, в политологии данная проблема рассматривается преимущественно и прежде всего с применением подхода теории элит.

---

¹¹ Парсон Т. Система современных обществ. М.: Аспект-пресс, 1997. С. 57.

Однако, на наш взгляд, анализ необходимо дополнить историческим подходом, который в данном случае способен внести наибольшую ясность в выявление тех институциональных особенностей, которые непосредственно повлияли и продолжают влиять на процессы построения инфраструктуры современного российского города.

Обратившись к исследованиям историков, можно обнаружить, что абсолютно все вышеперечисленные отличительные особенности современной российской архитектуры и общего облика городов, являются для России традиционными.

Вот что пишет о средневековой Москве знаток ее истории археолог Михаил Григорьевич Рабинович. Человек, «попавший на московскую улицу лет 500 или более назад . . . , увидел бы вокруг себя глухие заборы. Крепкие частоколы из еловых, а иногда и дубовых бревен прерывались только не менее солидными, накрепко запертыми воротами или глухими, без окон, стенами хозяйственных построек»¹².

Русский средневековый город во многом отличался от западноевропейского. «Он не был тесен: на Руси, с ее огромными малозаселенными пространствами, всегда строили свободно и просторно. Иностранцы поражались размерам средневековой Москвы, которая, как они считали, превосходила по размерам крупнейшие города Европы – Лондон и Париж. Обширные дворы, сады и огороды, незастроенные пустыри – все это было характерно для русского города и делало его похожим на большую деревню».

Если в западноевропейских городах дома тесно лепились друг к другу, образуя своими фасадами непрерывную стену (и единое архитектурное пространство), росли ввысь (обычно были двух- и трехэтажными), то «на Руси преобладали одноэтажные постройки, и лишь боярские и купеческие палаты были выше».

При этом «любой русский средневековый город с полным основанием можно назвать деревянным. Каменными в нем были лишь немногие храмы и палаты. Первый каменный жилой дом в Москве – палаты митрополита – появился лишь в середине XV в.».

Притом, что российские города изобиловали малозаселенными пространствами, улицы были узкими и кривыми. «Их ширина редко превышала 6 м, что позволяло разъехаться двум встречным повозкам. Даже одна из главных улиц Москвы XVII в. – Никольская, по которой ездил сам царь, лишь на некоторых участках расширялась от 6 до 16 м. Переулки были еще уже».

«Бояре ездили в собственных экипажах . . . Верховой, ехавший нередко впереди экипажа, бил в литавры, призывая встречных освободить дорогу. Правда, расступаться пешеходам особенно было некуда: по обеим сторонам улиц тянулись глухие заборы, скрывавшие дворы горожан».

---

¹² Здесь и далее см.: *Рябцев Ю.С.* История русской культуры. Художественная жизнь и быт XI – XVII вв. М.: Гуманитарный издательский центр Владос, 1997.

«Весной, осенью, дождливым летом городские улицы превращались в непролазные болота. По свидетельству иностранца, весной 1702 г. на улицах московской Немецкой слободы «грязь доходила по брюхо лошадям». Но не только окраины столицы утопали в грязи. Итальянец Барберини вспоминал, как, возвращаясь с пира, устроенного Иваном Грозным, он увяз по колено в грязи в двух шагах от царского дворца». Борьба с этим злом носила, как и сегодня, временный характер: «горожане мостили улицы. Вдоль них укладывали ряды бревен, а сверху, поперек – деревянные плахи. Когда мостовая изнашивалась или просто утопала в грязи, поверх нее настилали новую. В Новгороде археологи откопали свыше 20 рядов древних мостовых!». При этом в средневековой Москве городские власти собирали с населения так называемые мостовые деньги на благоустройство улиц.

Однако мощеные улицы были только в центре города, в тех местах, где обычно проезжали царь и знать. «В середине XVI в. в сильно разросшейся Москве общая протяженность деревянных мостовых едва превышала 4 км. Окраины утопали в грязи, и горожане в дождливые дни пробирались по улицам в высоких сапогах, задрав длиннополые одежды. Правда, на взгляд иностранцев, и на мощеных улицах было ненамного чище. Один из них, посетивший Москву в XVII в., писал, что мостовые постоянно покрыты «грязью и толстым слоем пыли». Только перед выездом царя улицы приводили в порядок, а во время торжественных процессий впереди шли метельщики с метлами».

А вот выдержки из заметок японца Кавахара, посетившего в 1911 году тогдашнюю столицу Сибири город Томск, опубликованные в ежедневной томской газете «Утро Сибири» №238 от 28 октября 1912 года: «Я беру Томск в качестве общего типа для всех других сибирских городов, и то, что в нем видел, думаю, можно встретить, в миниатюре или в несколько видоизмененном виде, и в остальных населенных пунктах сибирской колонии. Огромные дома обиты железными крышами, обнесены изгородью из толстых плах, построены, в большинстве случаев, в два-три этажа. На каждой из них ушло столько материала, сколько хватило бы на пять-десять японских жилищ с полным хозяйственным оборудованием. Издали постройки кажутся крепостями. На улицах пыль и грязь. Всюду сор, навоз, бродят животные и масса голодных собак. Для пешеходов существуют «тротуары», настланные из толстых досок, и кое-где каменные. Ходить по ним непривычному человеку опасно: всюду дыры, ступени, шероховатости. Под тротуарами устроены глубокие водосточные канавы. «Тротуары» – обычная пища сибирских газет. В нашей стране нет ничего подобного. Сибиряки, очевидно, вполне с ними сжились и чувствуют себя прекрасно. На окраинах города ходить опасно, всюду грязь».

Не было в средневековом российском городе и уличного освещения. Появилось оно в России лишь в XVIII в.

Теперь обратимся к описаниям современной Москвы. Следует отметить, что публикации, в которых отмечается патологическая грязь современных московских улиц, очень редки.

Большинство россиян относятся к грязи спокойно. Лужи, разбитые дороги, невымытые грязные улицы – все это должно быть. Менять обувь несколько раз в сезон, ходить с мокрыми ногами, падать и ломать руки на обледенелых тротуарах – это уже традиция. Что вы думаете, когда видите лужу? На самом деле, лужа – это брак в дорожном покрытии. Никто об этом даже не задумывается. Поэтому власти и плюют на пешеходов.

Инфраструктура российских городов в ужасном состоянии. Коммунальные службы погрязли в коррупции. Улицами занимаются низкоквалифицированные гастарбайтеры. Новые дороги и тротуары проектируются с нарушением технологии и никем не воспринимаются как зона пешеходов. Тротуар превратился в некую буферную зону на проезжей части, которую каждый использует, как ему захочется. Автомобилисты ставят там свои машины, коммунальные службы складывают снег и лед, владельцы кафе устанавливают рекламные конструкции, городские власти загромождают тротуары автоматами, киосками и столбами. Российский пешеход все стерпит.

И только отдельные персонажи высказывают свое возмущение.

Письмо мэру Москвы Сергею Семеновичу Собянину: "Уважаемый Сергей Семенович! У нас, в Москве, есть небольшая проблема – по ней стало невозможно ходить. Тротуары заставлены машинами или рекламными конструкциями, ... Я не понимаю, почему в центре Москвы нельзя ходить, не испортив обувь и не намочив ноги. Почему я должен перепрыгивать через лужи и менять хорошую обувь каждый сезон? По-хорошему, нормальный мэр города должен извиниться перед москвичами и уйти в отставку"¹³.

Таким образом, Москва XXI века по части состояния социально-бытовой инфраструктуры мало отличается от Москвы средневековой. Неужели городские власти не заботятся о состоянии улиц, и государство не использует никаких рычагов экономического и хозяйственного стимулирования? Разумеется, такие рычаги применяются. Но насколько они действенны?

Вот какие данные приводит январский выпуск еженедельника «Аргументы и факты»: «По 300 кубометров снега в день в среднем, согласно отчётам, вывозили коммунальщики в прошедшие праздничные дни. Если принимать во внимание, какой высоты сугробы при этом остались во дворах, то можно сказать – мало собирали. Если же прикинуть, во сколько обошлись осадки бюджету, получится, что город должен быть «зачищен» до асфальта»¹⁴.

На борьбу с зимой ежегодно (и что интересно, независимо от прогнозов синоптиков) выделяется, по некоторым данным, до 70 млн долл. Но кому они в итоге достаются, ни один чиновник до сих пор внятно ответить не может.

---

¹³ См.: <http://zyalt.livejournal.com/537348.html#cutid1>.

¹⁴ Георгий Александров. Кто зарабатывает на уборке столичных улиц? / Аргументы и Факты. № 1 от 12 января 2011.

Уборкой московских улиц занимаются компании, выигравшие тендеры, проводимые префектурами. При этом деньги за сбор и вывоз снега получают и округа, и Департамент жилищно-коммунального хозяйства и благоустройства Москвы. Владельцы частных компаний, убирающих улицы и дворы, говорят, что на деле выиграть конкурс и получить доступ к «снежному пирогу» могут лишь фирмы, принадлежащие родственникам или друзьям глав местных управ. Всем прочим, несмотря на выгодность предложенных цен и условий, путь к денежным сугробам заказан.

Слова коммерсантов подтверждаются выводами московского Управления федеральной антимонопольной службы (УФАС). Это ведомство прошлой зимой изучало «нестественное поведение участников столичного аукциона на поставку противогололёдных материалов для городских и окружных заказчиков». В итоге сотрудники УФАС пришли к заключению, что в конкурсе "отсутствовали признаки соперничества" и усмотрели признаки нарушения закона «О защите конкуренции».

По словам экс-префекта Северного административного округа (САО) Москвы Олег Митволя, «система финансирования снегоуборочных работ в городе действительно непрозрачная и коррупционно ёмкая. Многие годы одни и те же компании убирают территорию. Реально количество вывезенного грузовиками никто не считает».

Константин Крохин, председатель правления Союза жилищных организаций Москвы: «Рассматривая вывоз и утилизацию снега, мы сталкиваемся с проблемами, свойственными всему городскому хозяйству. В этой сфере отсутствует надлежащий учёт с использованием современных методов и технологий произведённых работ. До сих пор не введён электронный документооборот, система отчётности – как в каменном веке. Часто исполнитель проверяет себя сам. При сегодняшней закрытости этой системы никакой ответственности для нарушителей нет»¹⁵.

При этом городские власти чаще всего предпочитают оправдывать неприглядное состояние российских городских улиц особенностями климата. Разумеется, большинство европейских стран не сталкивается с ежегодными затяжными периодами снегопадов и морозов.

Однако снег падает каждую зиму на голову не только россиянам. Например, в Хельсинки бывает в среднем 20 снегопадов в год. Но наше понятие «город встал из-за снега» им незнакомо. Есть городской департамент, которому из бюджета ежегодно выделяется 70 млн евро, чтобы летом в финской столице не было пыли и грязи, а зимой снег не мешал нормальной жизни людей. При этом весь процесс освобождения города от снега максимально механизирован - никаких многочисленных бригад с лопатами. Кроме того, в Финляндии гражданам, пострадавшим от гололёда и неубранного снега, выплачиваются компенсации, причем, вполне приличные. В 2009 году, например, администрация Хель-

---

¹⁵ См.: <http://www.aif.ru/money/corruption/22768>.

синки потратила на страховые выплаты из-за падений на льду около 400 млн евро, в 2010 году – более 500 тыс. евро¹⁶.

Что касается сравнительного анализа эффективности действия конкретных экономических механизмов стимулирования и организации процессов формирования и поддержания качественного состояния материально-вещественных объектов городской инфраструктуры в различных странах Западной и Восточной Европы, то эта тема требует отдельного исследования.

В данной же работе автор может сделать вывод о том, что все вышеперечисленные особенности, характеризующие отличительные институциональные особенности, присущие российскому обществу, гораздо в большей степени, чем принято считать, обусловлены культурно-историческими стандартами и нормами, присущими обществу и государству на протяжении многих столетий.

В европейских городах сложилась совершенно иная ситуация в результате того, что в качестве господствующего был выбран другой общекультурный стандарт.

Важным обстоятельством является, помимо прочего, и тот факт, что для России характерна и более поздняя урбанизация. Россия гораздо дольше была сельской со всеми вытекающими последствиями. Но Европа не только быстрее урбанизовалась, иным было и качество урбанизации. Как в отношении качества городов, так и их соотношения. Для Европы не характерно столь откровенное доминирование одного города, там всегда существовало одновременно много больших и средних агломераций, развитие которых осуществлялось сходными темпами. В России же вплоть до XX века имелись по большому счету лишь Санкт–Петербург и Москва.

Есть и другие объективные институциональные предпосылки, определяющие формирование хозяйственного уклада в России и непосредственно влияющие на процессы формирования городской инфраструктуры. Отметим некоторые из них. Прежде всего, остающийся неизменным ведомственный характер организации управления (Приказы, Коллегии, Министерства и т. д.) при полной неразвитости территориального.

Засилье номенклатуры при всех исторических формах централизованного управления, характеризующегося, прежде всего, принципом единоначалия и назначаемости. На протяжении всей истории хозяйственного развития бюрократия является сословием, «положение и привилегии которого в обществе закреплены законодательно»¹⁷.

Отличительной исторической особенностью формирования российской городской среды является и то, что, в отличие от Европы, класс ремесленников не сыграл определя-

---

¹⁶ Георгий Александров. Кто зарабатывает на уборке столичных улиц? / Аргументы и Факты. № 1 от 12 января 2011.

¹⁷ Сухинин И.В. Выявление особенностей историко-институционального развития экономики России в контексте проводимых реформ, связанных с модернизацией экономики. // Теория и практика институциональных преобразований в России / Сборник научных трудов под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 18. М: ЦЭМИ РАН, 2010. С. 80.

ющей градообразующей роли. Ремесла в России преимущественно существовали в виде промыслов в сельской местности, и в целом ремесленный класс не составлял цельного сословия.

Эти обстоятельства непосредственно повлияли на формирование социо-культурной составляющей городской среды.

В Европе же в образовании городов определяющую роль сыграло именно ремесленное сословие, объединенное в цеха, отстаивающие свои интересы.

В целом для современного западноевропейского города характерно господство иного общекультурного стандарта, формирующего все компоненты городской инфраструктуры.

Рассматриваемая проблема имеет, на наш взгляд, гораздо большее значение в системе государственности, чем принято считать. Она является одним из наиболее ярких проявлений глубочайшего кризиса институциональной системы.

В последние годы в оборот прочно вошло понятие *“failed state”*, или, в разных вариантах перевода на русский язык, «недееспособное, несостоявшееся, обанкротившееся, неудавшееся государство». Обычно в качестве наглядной иллюстрации такого состояния приводятся Сомали, Гаити, Зимбабве, Афганистан, Ирак – бедные, если не сказать нищие, страны, разоренные войной и/или алчностью местных элит; государство как институт в них практически отсутствует.

По мнению Евгения Гонтмахера Россия «к сожалению, начала уверенно входить в это состояние». Конечно, на первый взгляд это кажется немыслимым: где мы, а где, например, Зимбабве? Однако предлагаю, отбросив эмоции, нахлынувшие от предыдущих строк (мне тоже за Россию обидно!), присмотреться к тому, что творится у нас под носом и к чему мы, кажется, привыкли. ... вспомним о миссии, которую государство как институт должно выполнять: реализовывать общественный интерес»¹⁸.

В число тех интересов, которые призвано реализовать государство, несомненно, входит и создание приемлемой среды обитания граждан.

В предыдущей статье был обоснован тезис, согласно которому жить в России трудно по причинам не только экономическим, но и эстетическим. Что естественно в ситуации, когда основная часть населения современной российской элитой воспринимается как сборище неудачников, «место которых в лучшем случае в службе или у все более скудной кормушки». И эта часть населения вовсе не нуждается и не заслуживает достойных условий обитания.

По данным ВОЗ Россия стоит на предпоследнем месте (ниже только Киргизия) среди стран Европы и Средней Азии по продолжительности жизни. Российские граждане живут в среднем менее 70 лет (мужчины вообще не доживают и до 63 лет, что ниже пока-

---

¹⁸ Евгений Гонтмахер: российского государства не существует / Московский комсомолец. №26310 от 19 августа 2013.

зателей 46 европейских и среднеазиатских стран). Причем, экономический рост не способствует увеличению продолжительности жизни. К основным причинам можно отнести «плохое настроение, неуверенность в завтрашнем дне и боязнь старости, ассоциируемой с нищетой».

По словам заведующего лабораторией экономики народонаселения и демографии экономического факультета МГУ Валерия Елизарова: «в России люди не очень хотят жить долго. Это показывают многочисленные опросы. Когда респондентов спрашивают о том, сколько они хотят прожить, практически никто не называет запредельных цифр. Жизненные планы наших людей весьма ограничены. Старость ассоциируется исключительно с чем-то негативным – нищетой, лишениями и болезнями»¹⁹.

По мнению психологов на стремление к долгой жизни влияет дефицит позитива, формирующийся, в том числе, и под воздействием окружающей обстановки. Заведующий лабораторией НИИ общественного здоровья и управления здравоохранением Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова, член президиума Общероссийского общественного совета по вопросам качества жизни граждан РФ Игорь Гундаров считает, что на здоровье человека, его психологическое состояние, влияет широкий круг факторов, среди которых немаловажная роль отводится уровню психологического комфорта²⁰.

Современное состояние социально-бытовой инфраструктуры города оказывает существенное влияние на процессы народонаселения.

В свою очередь, состояние рассматриваемой составляющей институциональной структуры современного российского общества во многом обусловлено социально-культурными и историческими особенностями.

Учитывая весьма неблагоприятную климатическую среду, а также конкретные социокультурные и исторические особенности, присущие российскому обществу, следует сделать вывод о том, что накопившийся круг проблем может быть решен только при условии эффективного государственного регулирования. Использование рыночных механизмов в данной сфере показывает полную несостоятельность, которая во многом обусловлена культурно-историческими особенностями (пожалуй, следует признать, что наиболее комфортное состояние социально-бытовой инфраструктуры городов было характерно для нашей страны в период общенародного хозяйствования).

Вопрос в том, захочет ли государство тратить силы и средства на решение проблемы? Поскольку возможен и более простой выход.

Возвращаясь к положениям теории суперэкстрактивного государства, можно напомнить одно из ее положений, согласно которому в суперэкстрактивном государстве элита, не понимая источников своего благосостояния, вырабатывает националистическую идеологию избранного народа.

---

¹⁹ Med-daily. 29 мая 2013.

²⁰ См.: <http://www.meddaily.ru/article/27mar2013/nehodol>.

К сожалению, политические тенденции, которые мы наблюдаем на протяжении последних месяцев, заставляют признать актуальность данного положения для современной России. И, возможно, с точки зрения российской элиты, наиболее эффективный способ решения проблем лежит на пути наращивания самоизоляции под лозунгом «Мы не Европа». В этом случае многие проблемы просто снимаются.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ И РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ИНГУШЕТИИ В РЕТРОСПЕКТИВЕ

Эффективность, ее оценка и способы ее повышения являются ключевыми проблемами управления. По своему экономическому содержанию понятие «эффективность управления производством» шире понятия «эффективность производства». Последнее служит для обозначения проблем эффективного применения вовлеченных в хозяйственный оборот производственных ресурсов, первое же характеризует такие факторы, включая внешние, как: соотношение спроса и предложения, конъюнктура рынка, состояние рекламной деятельности и др.

Эффективность изучается как социально-экономическая категория, хотя в основе его повышения лежит экономическая сущность. Поскольку высокая экономическая эффективность производства генерирует необходимый для развития социума потенциал, рассмотрение по отдельности социальной и экономической эффективностей является нецелесообразным. Производственные ресурсы, нацеленные на рост социальных результатов, содействуют увеличению экономической эффективности; в свою очередь, подъем уровня социального развития оказывает значительное влияние на экономическую эффективность производства. Среди экономистов отсутствует единый взгляд по методологическим проблемам оценки эффективности управления производством. Неоднородные трактовки содержания эффективности управления производством происходят из-за отсутствия системного подхода к познаваемому явлению. Это значит, что следует принимать во внимание эффективность не отдельных подсистем управления, а всей управляющей системы. Эффективность управления производством это следствие процесса по достижению цели системы управления. Управление есть процесс перевода системы в новое состояние путем влияния на ее функциональные части или подсистемы. Эффективность управления производством нужно рассматривать как эффективность целостной системы управления¹.

Эффективность производства – макроэкономическая категория. Она должна быть встроена в систему управления на микроскопическом уровне в качестве составного элемента, усиливающего функции стабилизации и развития экономических субъектов, что без образования особых институтов [в том числе] принуждения к росту эффективности, не представляется возможным. На это должны быть обращены денежно–кредитная, финансовая, налоговая политика, другие механизмы управления. Сильным катализатором роста эффективности управления производством являются институциональные реорганизации².

Несколько слов о прибыли. Она выражает экономические интересы предприятия, без удовлетворения которых неудовлетворенными останутся и народнохозяйственные ин-

---

¹ Зарнадзе А.А. Целостность управления современной экономикой. М.: Центр Транспорт, 2011.

² Клейнер Г.Б. Стратегия предприятия. М.: Дело, 2008.

тересы, без которых невообразим подъем эффективности производства на уровне макроэкономики, целостной системы народного хозяйства. Прибыль является благом для общества только тогда, когда она выступает результатом удовлетворения как макро-, так и микроэкономических интересов. Повышение прибыли нужно скоординировать с ростом качественных характеристик эффективности производства. В реальности предприятия проявляют склонность к завышению цен на производимую продукцию, игнорированию современных новшеств науки и техники, удешевляющих производимую продукцию и не требующих больших капитальных вложений. Зачастую предприятиям выгодно выпускать материал-, трудо- и фондоемкую продукцию. Такая ситуация тормозит развитие производства, особенно, в части его качественных характеристик³.

В свое время нобелевский лауреат Илья Пригожин показал, что в неравновесных открытых системах возможны эффекты, приводящие не к возрастанию энтропии и стремлению термодинамических систем к состоянию равновесного хаоса, а к «самопроизвольному» возникновению упорядоченных структур, к рождению порядка из хаоса⁴.

Порядок, как показывает опыт экономического развития, действительно приходит на смену кризисам, но вопрос «приемлем ли любой порядок и в какой степени?» остается открытым.

В современных условиях именно производственные предприятия могут стать инкубатором социокультурных норм, смягчающих полярность индивидуального менталитета российских граждан. В определенном смысле предприятие можно рассматривать как микромодель государства в целом, и практически все институты, существующие внутри государства, проецируются на внутрифирменный уровень.

Особенности, которые не меняются существенно при относительно незначительных изменениях состава активов с предприятия, коллектива работников, администрации предприятия, структуры распределения собственности, можно объединить понятием «душа» предприятия. По мнению Г.Б.Клейнера «душа» предприятия – внутреннее единое неповторимое духовное начало, придающее активность и целенаправленность деятельности предприятия, обеспечивающее его стремление к гармоничному функционированию и развитию. Проявлением «души» предприятия является внутренний климат, атмосфера, особенности взаимодействия с заказчиками и партнерами, реакции на внешние факторы, то, что объединяется термином «корпоративная культура»⁵.

Предприятие – то самое звено, которое является ключевым в формировании предпосылок для долгосрочного экономического роста. И для повышения эффективности его производства необходимо восстановление баланса в отношениях между участниками

---

³ Зарнадзе А.А. Управление: институциональный анализ // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2001. № 1(2).

⁴ Самыгин С.И. Концепции современного естествознания. Ростов-на-Дону: Феникс, 2003.

⁵ Львов Д.С. Управление социально-экономическим развитием России. М.: Экономика, 2002.

функционально-управленческой конфигурации, сближение их интересов с интересами предприятия в целом.

Ориентация на максимизацию прибыли, если и правомерна, то лишь в определенном контексте и краткосрочной перспективе. Развитие экономической сферы деятельности только тогда может адекватно отражать процессы, происходящие в недрах общественного производства, когда она сбалансирована. В таком случае управляющая система анализирует, прогнозирует, планирует, стимулирует, регулирует не только на движение финансовых и экономических потоков (процессов), но и четко определяет динамику технико-технологической структуры производства, развития социума и экономики.

Макроэкономические интересы идентифицируются с интересами народного хозяйства. Они охватывают широкий спектр общественных интересов и ориентированы на рост всех его социально-экономических параметров, среди которых социальные условия жизни населения, национальная безопасность, охрана окружающей среды и имеют целевое значение. Совершенно другим принципам соответствует микроэкономические интересы, которые формируются под влиянием рыночных взаимодействий производителей и потребителей. Производители в основной своей массе вполне естественным считают увеличение текущей прибыли. Структура ее сложная: одна часть ориентирована на удовлетворение потребностей общества, другая – связана с возможностью роста цен, ухудшением окружающей среды, показателей социального и технологического содержания при наличии спроса на продукцию. В условиях отсутствия рыночных институтов предприятия не упускают возможности воспользоваться увеличением прибыли, поскольку получение экономии затрат связано с множеством организационных и экономических трудностей.

Такое противоречие между уровнями имеет объективную основу и наносит огромный вред экономике страны, в которой отсутствует институциональное решение проблем, призванное смягчить противоречия между разными уровнями иерархии. Именно «институциональный вакуум» является весомой причиной паралича инвестиционной и инновационной активности, наблюдаемой в настоящее время в экономике страны⁶.

Примером органической взаимосвязи социальной и экономической эффективности могут служить расчеты по гидроэлектростанции, которые имеют признаки как социальной, так и экономической эффективности. ГЭС можно построить с таким расчетом, что не будут учитываться затопляемые сельскохозяйственные угодья. Только после расчета ущерба как сельскохозяйственного, так и других отрицательных экстерналий можно говорить об экономической эффективности производства. В настоящее время понятие экономической эффективности производства трактуется слишком узко, в него необходимо

---

⁶ Зарнадзе А.А. Флакман А.С. Институциональные особенности стратегического планирования экономической эффективности развития производства // Вестник университета (Государственный университет управления). 2005. № 1(5).

включить и социальную компоненту, без учета которой не может быть и речи об экономической – в широком смысле слова – эффективности. Об этом, но другими словами, говорил и Р. Коуз: «решая» ту или иную оптимизационную задачу, мы фактически перекладываем отрицательный эффект с одних групп на другие. Важно усвоить, вслед за А.А.Зарнадзе, такое понимание эффективности, которое обеспечивается только с позиций целостной экономической системы. При этом в широкой трактовке такая эффективность охватывает не только социально-экономические, но и экологические проблемы.

Обратимся теперь к эффективности промышленного производства Ингушетии, рассматривая ее в историческом ракурсе, в котором можно выделить три институционально специфичные периоды: 1) зарождение промышленности в дореволюционный период; 2) промышленность в годы советского власти; 3) современное ее состояние.

Говорить о промышленности применительно к Ингушетии дореволюционного периода следует с оговорками⁷, ибо в то время только зарождались ее основы и складывались институциональные особенности, определившие во многом ее дальнейшую судьбу. В конце 19-го века в Ингушетии рынок сбыта ограничивался собственными нуждами, удовлетворяющимися своими же производительными силами. Именно ограниченностью рынка сбыта во многом объясняется факт незначительного разделения труда и специализации производства. Освещение ингушской кустарной промышленности на рубеже 19-го и 20-го веков можно встретить у Г.К. Мартиросяна. Им перечисляются и производство шерстяных изделий, и мукомольное дело, сыроварение, изготовление ковров, циновок, изделий из кожи, шорное и кузнечное дело, обработка дерева, отметим также и гончарное дело.

Как утверждает С.И. Макалатия, как хевсуры, так и ингуши, строителями башен считают кистов (ингушей). В с. Ахиели (Северная Хевсуретия), например, башня Харатцихе, принадлежавшая роду Цискараули, возведена мастером-кистом за 50 коров⁸.

Эти и другие данные о разнообразнейших памятниках материальной культуры (башни жилые, боевые, замки, склепы-могильники, святилища, придорожные плиты – «чурты» и пр.) предполагают наличие большого количества мастеров. Ингушские горные аулы суть сплошные каменные замки, и каждая фамилия владела жилыми башнями.

Исследователь конца 19-го века О.В. Маргграф определял причины неразвитости промышленности ингушского общества: «...Отрезанные от всех внешних рынков горцы были поставлены в необходимость удовлетворить собственными средствами и трудом собственных рук все свои потребности в платье, обуви и прочем». Вплоть до 20 века производительные силы на территории Ингушетии оставались на крайне низком уровне развития. Ингушские «производства» обслуживали преимущественно потребности отдель-

---

⁷ Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. Магас: Издательский дом Сердало, 2008.

⁸ Макалатия С.И. Хевсурети. Тбилиси, 1940.

ных семей и фамилий. Поэтому, несмотря на появление в ингушском обществе кузнецов и мастеров – строителей башен, ремесленная деятельность даже этих специалистов была еще не отделена от основных видов хозяйства – скотоводства и земледелия. А сама продукция кузнецов была довольно примитивной. «Специализацию производства и разделение труда мы встречаем в лесогорье редко»⁹. Несложные потребности при натуральном хозяйстве семья удовлетворяла сама. «Образ жизни горских народов довольно разъясняет, что число ремесел должно быть ограничено необходимыми нуждами». Так писал С. Броневский, подразумевая под горскими народами и ингушей¹⁰.

Ныне в распоряжении имеются не только собственные ресурсы, но и дополнительные, как-то: дотации и иные средства, а также более благоприятная институциональная среда для развития промышленности. Сегодня эта среда изменилась, расширилась, и Ингушетия сумела интегрироваться в российское общество – во многом благодаря формированию и внедрению действенных институтов. Большую часть обрабатывающей промышленности, изготовлявшей необходимую одежду, обувь, постельные принадлежности и пр., обеспечивало сырьем скотоводство, продукты которого имели хороший сбыт на рынке¹¹.

Говоря о развитии капитализма в России, В.И. Ленин определяет домашнюю кустарную промышленность, как «переработку сырых материалов в том самом хозяйстве (крестьянской семье), которое их добывает», при этом эта промышленность составляет «необходимую принадлежность натурального хозяйства, остатки которого почти всегда сохраняются там, где есть мелкое крестьянство». Промышленности, как профессии, еще нет в этой форме: промысел здесь неразрывно связан с земледелием в одно целое. Первой формой промышленности, отрываемой от патриархального земледелия, является ремесло, т.е. производство изделий по заказу потребителя¹².

Ингушетия и Чечня, обладая «огромными естественными ресурсами для развития кустарной промышленности и хозяйственной специализации, расположенных рядом зон», занимались обменом и торговлей, связывая воедино хозяйственную деятельность горных и равнинных районов края. С давних пор ингуши изготовляли из различных кож мужскую и женскую обувь, конскую сбрую, турлуки (надувные кожаные мешки для переправы на воде), походные вещевые мешки; горные жители изготовляли из козьих шкур сапожную кожу – сафьян и сбывали ее жителям равнинной части¹³.

Важное место в домашней промышленности чеченцев и ингушей занимало изготовление из различных кож мужской и женской обуви. «Выделку шкур знают все туземцы

---

⁹ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч.2. М., 1823.

¹⁰ Маргграф О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа и описание техники производства. М., 1882.

¹¹ Ахмадов Ш.Б. Очерки истории социально-экономического развития и общественно-политического устройства Чечни и Ингушетии в XV – начале XIX века. Элиста: Джангар, 2002.

¹² Ленин В. И. Полн. Собр.соч. Т.3. М., 1975.

¹³ Берже А.П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859. С. 88.

Северного Кавказа, и для домашнего обихода она производится обыкновенно женщинами... У большинства туземных племен все женщины умеют шить обувь, и этот труд лежит на их обязанности», – отмечает О. В. Маргграф. Особенно широкий сбыт изделий кустарных мастерских чеченцев и ингушей происходил на равнине, по Тереку и Сунже, хотя в самом районе кустарные промыслы были распределены далеко неравномерно.

На территории Чечено-Ингушетии издавна известно было изготовление высококачественных тонких войлочных ковров следующих типов: ковер с разноцветным орнаментом; ковер с бахромой, который может быть разноцветным и одноцветным, простой ковер без каких-либо разнообразных орнаментов. Иностранные авторы Я. Рейнеггс и Гамба единодушно отмечали, что чеченские и ингушские женщины искусно изготавливают ковры и покрывала¹⁴. На примере России В.И. Ленин замечал, что «при зачаточных формах товарного производства конкуренция между «кустарями» еще очень слаба, но по мере того, как рынок расширяется и охватывает широкие районы, эта конкуренция все сильнее, нарушая патриархальное благополучие мелкого промышленника, создаваемое на его фактически монопольном положении»¹⁵.

Мастерам предгорной части Чечено-Ингушетии издавна были известны литье в формах, литье по восковой модели, ковка предметов и проковка после литья, выбивание украшений из тонкого листа на матрице, вытягивание проволоки ковкой, резьба тонкого листа, чеканка и резьба по готовому литому изделию. «Есть некоторые основания думать, что им была известна и сварка, поскольку на одной из бронзовых булавок имелись следы приваренного к бронзовой петле кусочка железа. Каким образом это осуществлялось технически – остается неясным»¹⁶.

В поселении Цеча-ахк при обследовании средневекового башенного комплекса, расположенного на правом берегу реки Фортанги, археологами обнаружено большое количество предметов материальной культуры, а также следы хозяйственной деятельности средневековых вайнахов. Так, открыт цементированный подвал во дворе замка, найдены жернова, остатки горнов для плавки металла, литейная форма, детали конской узды и другие металлические предметы. Мастерство древних и средневековых вайнахов Чечни и Ингушетии, связанное с литьем, ковкой, выбиванием украшений на матрице, резьбой, чеканкой и т. д. вполне могло дойти до XVIII века и получить свое дальнейшее развитие. Чеченцам и ингушам известно было и такое ремесло, как производство и обработка шелка. Чеченцы и ингуши занимались производством тростникового и арбузного меда для внутренних потребностей и для продажи на внешний рынок. Этим занимались в основном притеречные жители. Сахарный тростник возделывали в небольшом количестве в равнин-

---

¹⁴ *Хасбулатов А.И.* Чечено-Ингушетия накануне первой русской буржуазно-демократической революции. Грозный, 1963.

¹⁵ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 3. М., 1975.

¹⁶ *Козенкова В.И.* Металлообработка у племен эпохи раннего железа на территории Чечено-Ингушетии / Археолого-этнографический сборник. Т.2. Грозный, 1968. С. 29.

ной Чечне и Ингушетии. Производством марены, изготовлением из нее красок, использованием их для крашения шелковых нитей и шерстяных пряжей, сукна и сафьяна занимались почти все вайнахские села по рекам Мичик, Гумс и другим рекам¹⁷. Со временем она оказалась вытесненной более дешевыми искусственными химическими красками¹⁸.

Таким образом, в рассматриваемое время в Ингушетии в широком смысле отсутствует узкая специализация производства и разделения труда в массе вайнахских производителей. Подавляющее большинство изделий производится членами семей и, как правило, для внутреннего потребления. Производство тех или иных предметов и изделий кустарной промышленности носит еще сезонный характер и обусловлено сельскими потребностями. В то же время, следует заметить, что отдельные изделия чеченской и ингушской крестьянской, кустарной промышленности, наряду с удовлетворением внутренних, собственных потребностей, поступали на внешний рынок к соседним народам. Вайнахские бурки, холодное оружие, обручи, бочарные доски и другие изделия местных ремесленников, отличавшиеся высоким качеством, тонким вкусом и прекрасной отделкой, являлись уделом отдельных мастеров-профессионалов и пользовались спросом за пределами Чечни и Ингушетии. Отдельные отрасли ремесла и домашних крестьянских промыслов отчасти превращались в мелкотоварное производство. Развитие мелкого товарного производства в крестьянских промыслах шло параллельно с расширением рынка для сбыта их изделий, который постепенно охватывал, целую область, страну, а «иногда даже и другие страны».

В годы советского власти развитие промышленности Ингушетии в основном координировалось в соответствии с утвержденными планами развития. В этот период был основан ряд промышленных предприятий. В середине 20-го века развитие промышленности планировалось на базе преимущественного роста тяжелой индустрии. Ведущее положение в республике занимали нефтяная, химическая и машиностроительная отрасли промышленности. Предусматривалось увеличить производство продукции местной, легкой и пищевой промышленности, образовать в республике новые промышленные центры. Большое развитие должно было получить жилищное строительство. Но большинство намеченных целей не были достигнуты, а где достигались, то имели существенные недостатки. Характерной чертой этого периода является то, что практически не использовались достижения НТП, даже в прибыльной и основной отрасли промышленности нефтедобыча. И, конечно, такая промышленность не могла развиваться и быть устойчивой.

---

¹⁷ Распоряжение Правительства РИ от 30.06.2012 г. №433-р «Стратегия инновационного развития Республики Ингушетия на период до 2025 года».

¹⁸ Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII – первой половине XIX в. / Труды ЧИНИИ-ИЯЛ. Т. 4. Грозный, 1961. С. 55–57.

Одна из причин ее неразвитости – отсутствие собственных источников электроэнергии, которая полностью импортируется, составляя 614,2 млн кВт-часов¹⁹. В то же время республика располагает значительными запасами гидроэнергии (около 1,5 млрд кВт-часов²⁰). Степень износа основных фондов промышленного производства и распределения электроэнергии, газа и воды составляет более 50%, а в издательской и полиграфической деятельности до 91%. На территориях СКФО и ЮФО самый высокий показатель приходится на Республику Ингушетию по средней протяженности речной сети на квадратный километр территории, который составляет 590 метров. В промышленности осуществляют свою деятельность 12,5 % экономически занятого населения. Среднегодовая численность с 2006 г. имеет тенденцию к сокращению, что негативно сказывается на уровне безработицы. Удельный вес прибыли предприятий промышленности в общем объеме прибыли по основным отраслям экономики составил в 2011 г. 24,5%. Безусловно, численность рабочих, задействованных на предприятиях промышленности, должна быть больше. Объем отгруженной промышленной продукции (в фактических действующих ценах) в 2011 г. составил 3107,4 млн руб., который с 2007 г. возрастает. За 2010 г. предприятия почти в 1,5 раза увеличили объемы производства, но их рентабельность упала, фактически развития они не получили. В настоящее время даже интенсивные пути развития не могут считаться приемлемыми так как, не соответствует сегодняшним реалиям. Отсутствие НТП и инноваций одна из главных проблем на пути достижения эффективного их развития. Разработку и внедрение технологических инноваций осуществляли только 0,5% от общего числа предприятий промышленности в 2011 г., а предприятия, инвестирующие в приобретение новых технологий, всего 0,4% от общего числа предприятий. Это – застарелая проблема, которой не уделяется должного внимания. Энергетика не развивается, невзирая на имеющийся для этого потенциал. Нет также скоординированной промышленной политики, хотя есть закон о ней. Не разработаны стратегия развития и действенные механизмы стимулирования инновационной деятельности и введения в хозяйственный оборот объектов интеллектуальной собственности и других научно-технических продуктов.

В заключение отметим, что промышленность как целостная система является ядром экономики, развитие которой позволит создать саморазвивающуюся экономическую систему, что сделает регион как минимум не дотационным. Это является действенным институциональным вкладом в снижение криминогенного уровня. Игнорируя достижения НТП и не делая акцент на инновационное развитие, в современном мире невозможно создать устойчивое развитие промышленности, экономики и общества в целом. Для воплощения таких задач, безусловно, необходимо привлекать научные кадры.

---

¹⁹ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Ингушетию / Ингушетию в цифрах. Статистический сборник. Магас, 2012.

²⁰ Распоряжение Правительства РИ от 30.06.2012г. №433-р "Стратегия инновационного развития Республики Ингушетию на период до 2025 года.

ВЕРБАЛЬНЫЕ И НЕВЕРБАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ТРАНСАКЦИИ УПРАВЛЕНИЯ

Трансакция управления является, как известно, одним из трех – наряду с трансакциями обмена (торговли) и рационарования (распределения) соответственно – типов трансакций, предложенных к рассмотрению Джоном Коммонсом. Под ним понимается такая трансакция, в которой взаимодействующие стороны оказываются не в отношении симметрии между собой, а в отношении субординации, или управления-подчинения, предполагающее такое взаимодействие между индивидами, когда право решения принадлежит одной стороне, а обязанность подчинения – в обмен на фиксированный доход – другой. Наличие асимметрии отличает управленческую трансакцию от торговой (где отношения между сторонами контрактации симметричны), наличие принципала-индивида – от распределительной трансакции (в которой принципалом является коллективный орган).

Обычно экономистами, даже если они интересуются трансакциями и являются в той или иной степени приверженцами институциональной экономики, трансакции управления и рационарования остаются где-то на периферии сознания. Так, Джеффри Ходжсон, говорит об обмене как феномене, суть которого заключается в том, что «это не просто двусторонний трансферт благ, услуг или денег между агентами, это еще и передача прав собственности». Далее он добавляет, что «в трансакциях участвуют не только товары и услуги, но и права собственности»¹, делая при этом ссылку на работы Коммонса, в частности «*The Economics of Collective Action*»².

Возможно, увлечение экономистов вопросами обмена, не позволяет им видеть и другие аспекты трансакций, в итоге, сосредоточиваясь на изучении торговой трансакции, они в определении трансакции видят только факт отчуждения и присвоения прав собственности, упуская из виду, что Коммонс имел в виду также и права свободы. Впрочем, при расширительной трактовке обмена передачу прав свободы можно описать в терминах обмена прав на принятие решения, или прав свободы, «на доход, ожидаемая полезность которого должна превышать ту, которая соответствует рыночной ставке заработной платы на рынке»³.

Предметом нашего интереса является в первую очередь речь руководителя (служащая для выражения команд как одностороннего ограничения набора допустимых действий), обращенная к подчиненным (поведение которых как участников правового отношения является объектом трансакции управления). Точнее, нас интересуют некоторые из особенностей, аспектов речи, вернее – культуры речи, как-то: ее вербальных и невербаль-

---

¹ Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории. М.: Дело, 2003. С. 221, 222.

² *Commons J.R. The Economics of Collective Action*. New York: Macmillan, 1950. Pp. 48–49.

³ Институциональная экономика: новая институциональная экономическая теория: Учебник / Под общей ред. д.э.н., проф. А.А. Аузана. М.: ИНФРА-М, 2010. С. 57.

ных аспектов, от которых потенциально может зависеть эффективность результатов дискретной управленческой трансакции и шире – деятельности как перманентного трансакционного процесса.

Хотя «культура речи» – понятие не более четкое, чем вообще «культура», тем не менее, им можно пользоваться применительно к институциональным (трансакционным) понятиям в той же мере, в какой мы пользуемся понятием «институты», несмотря на то, что многие люди, включая нас и наших коллег, наделяют его различными смыслами. В нашем понимании можно провести логическую связь между рядом понятий по схеме: «культура речи» => «качество управленческих решений» => «эффективность трансакции управления» => «эффективность функционирования организации» => «экономическое развитие». Присутствие этих, возможно еще и дополненных другими, элементов в реальности может иметь место с той или иной степенью вероятности, но представленная схема демонстрирует ход наших мыслей и логику их изложения. В статье для передачи вербальных аспектов иногда будем прибегать к понятию «слово», все, что не будет охвачено словом, в первую очередь естественного языка, или будет выходить за его непосредственные рамки, будем относить к невербальным аспектам.

Слово как элемент и метафора языка и речи, будучи органической частью деловой этики⁴, включая этическую сторону осуществления управленческой трансакции, является – в более узком, специфическом понимании – одним из важнейших элементов воздействия менеджеров на подчиненных в процессе управления. Это воздействие преимущественно *вербально*, поскольку зачастую для ликвидации зазора или разрыва между «знанием, как делать X» и «знанием, как добиться осуществления X» приходится владеть «нужным словарем наименования умений», являющийся «важным фактором, определяющим пределы того, что этот индивидуум может осуществить»⁵.

Конечно, словарь в приведенном смысле являет собой лишь один из элементов вербального инструментария менеджера, и многое зависит от всего социального, в том числе языкового, контекста – как общества в целом, так и организации в частности. Как отмечают Нельсон и Уинтер, «даже директивы, вроде бы сказанные на “простом английском языке”, зачастую требуют весьма специфической интерпретации в контексте данной организации». Проблема в том, что «внутренний язык коммуникаций в организации никогда не бывает простым английским»⁶, и сообщения менеджеров, передаваемые по каналам управленческих воздействий, являются в своей основе, как нам представляется, кодифицированными посланиями. Понять их под силу только посвященным, или пользуясь тех-

---

⁴ См. подробнее: *Лигновская Т.А.* Понятие деловой этики // Теория и практика институциональных преобразований в России / Сборник научных трудов под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 27. М: ЦЭМИ РАН, 2013. С. 165–169.

⁵ *Нельсон Р.Р., Уинтер С.Дж.* Эволюционная теория экономических изменений. М.: ЗАО “Финстатинформ”, 2000. С. 109.

⁶ *Нельсон Р.Р., Уинтер С.Дж.* 2000. Там же. С. 125.

нической терминологией, тем, кто наделен – вследствие принадлежности к одной и той же организации и причастности к [безмолвному] знанию – особым устройством – декодером. Объясняется это тем, что код или внутренний диалект представляет собой «полный понятных местным обитателям существительных для обозначения конкретных изделий, деталей, клиентов, местоположения предприятий и индивидуумов, диалект, в котором слова типа “точно”, “медленнее”, “слишком горячо” и т.п. имеют весьма локализованный смысл»⁷.

Наличие молчаливого знания это данность, принятие которой означает, что обладатель декодирующего устройства, должен быть готовым к не только восприятию информации со стороны руководителя-кодера, но и ее интерпретации; более того, должен быть готовым к декодированию как вербальной, так и невербальной информации. В реальной практике отношений «руководитель-принципал – подчиненный-агент» циркулирующая между ними информация бывает смешанной, и отделить вербальную составляющую от невербальной ее компоненты не всегда представляется возможным. В этом может быть минус, но вместе с тем и плюс: хорошо подготовленный в отношении культуры речи человек может получить для себя ренту – дополнительную выгоду, и на это нацелены стандартные учебники по подготовке менеджеров, цель которых – приобщить их не столько к *пропозициональному*, сколько к *прескриптивному* знанию. И если первое направлено на каталогизацию природных явлений и закономерностей, то второе, имеющее предписывающий характер, – на «совершение определенных действий, связанных с манипулированием окружающей средой ради материальных целей»⁸.

Попутно заметим, что разграничение на *описывающий* и *предписывающий* типы изучения, познания и поведения наблюдается не только в связи с делением знания на пропозициональный и прескрипционный типы; оно известно и в ортодоксальной экономической теории в терминах позитивной и нормативной экономики. Проблема исследования того, что есть, и того, чему предстоит еще стать, нашла отражение также в работах по институциональной тематике, в частности, наших коллег по цеху – Д.С.Львова, В.В.Зотова, С.Ю.Глазьева, Е.А.Наумова, посвященных возможности и необходимости осуществления институционального строительства в российской экономике⁹.

Эти два подхода в принципе могут сосуществовать: просто в зависимости от целей исследования по-разному могут быть расставлены акценты. Так, комплексное исследова-

---

⁷ Нельсон Р.Р., Уинтер С.Дж. 2000. Там же. С. 125.

⁸ Мокир Дж. Общество знания: теоретические и исторические основы // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2004. Т. 2. № 1. С. 12.

⁹ Нормативный или конструктивистский взгляд на формирование институтов и осуществление институциональных преобразований развивается помимо прочего в работах: Львов Д.С., Зотов В.В., Ерзнкян Б.А. К теории институтов и институциональных преобразований. // Теория и практика институциональных преобразований в России / Сборник научных трудов под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 8. М: ЦЭМИ РАН, 2007. С. 5–17; Глазьев С.Ю., Наумов Е.А. Интеллектуальная экономика в теории и практике институционального конструктивизма // Теория и практика институциональных преобразований в России / Сборник научных трудов под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 24. М: ЦЭМИ РАН, 2012. С. 33–37.

ние, нацеленное на разработку траектории институционального развития, может включать в себя объяснение следующих феноменов: каково поведение людей, в том числе экономическое, социальное, политическое; почему люди ведут себя так, а не иначе; как им следует себя вести и что для этого требуется и пр. Из этого перечня ясно, что акцент здесь делается на нормативном (что не отрицает необходимость и возможность позитивного изучения) характере институциональной теории¹⁰.

В продолжение темы манипулирования средой, в том числе и своим визави, скажем, подчиненным, заметим, что сам факт наличия такой возможности как раз и является источником извлечения ренты. Другой вопрос, как сложится судьба этой ренты и на что она будет направлена; в общем случае ее можно использовать как в собственных интересах, так и организационных, общественных – в ситуации, когда менеджер использует в своей речи риторические и иные приемы с целью повышения эффективности трансакции управления.

Одним из примеров *невербального* сопровождения речи, способного оказывать воздействие, может служить ее эмоциональная окраска, которая может исходить как от принципала, так и от агентов. Речь принципала-менеджера – вне зависимости и тем более в зависимости от его намерений – может вызывать у агентов-подчиненных целый спектр эмоций. Они могут быть положительными (радость, гордость, удовлетворенность результатом труда и т.п.), но могут быть также и отрицательными (страх, гнев, обида и т.п.). Проблема воздействия эмоций на процесс и результат выбора ранее не привлекала внимания экономистов-теоретиков (иное дело – психологи, лингвисты, социологи, управленцы и др.), но ситуация все-таки меняется, и в последнее время стали появляться работы, посвященные рассмотрению эмоций с позиций (и по отношению к позициям) экономической теории¹¹.

Важность эмоциональной реакции как одной из органических составляющих невербальной коммуникации объясняется тем, что, перефразируя слова Дугласа Норта об истории, имеющей значение (*history matters*),¹² *она имеет значение*: в результате – в зависимости от характера реакции на исходное воздействие – меняется и настроение, и работоспособность, да и эффективность труда реципиента воздействия в целом. При этом если Норт связывает настоящее и будущее с прошлым посредством самого факта наличия *непрерывности* институтов общества, то эмоции, передаваемые словами (или связанные каким-то образом с речевыми актами) по каналам передачи управляющих воздействий, делают (точнее, в состоянии сделать) *сиюминутный* акт речи *потенциально* значимым для

---

¹⁰ Львов Д.С., Зотов В.В., Ерзюкян Б.А. 2007. Там же. С. 13.

¹¹ См. в числе других: Elster J. Emotions and Economic Theory // Journal of Economic Literature. 1998. Vol. 36. Pp. 47–74.

¹² Этими словами открывается предисловие автора к своей знаменитой книге; см.: Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. С. 12.

последующего протекания процесса институционального развития организации. Особо подчеркнем, что сиюминутность – в отношении к историческому процессу – относится не только к отправителю информации, но и к ее получателю, поскольку требует от последнего немедленного – так же в относительном смысле – участия в речевом акте.

В воздействии эмоций на поведение экономических агентов проявляется, как нам представляется, специфическое свойство *человека институционального*, каким предстает любой работающий в организации индивид, если, конечно, иметь в виду воздействие, оказываемое на работника, со стороны внутриорганизационных – применительно к данному случаю к тому же неформальных – институтов¹³.

По сути, эмоциональное воздействие может стать пружиной запуска побочных эффектов в иерархической системе внутриорганизационного делового общения. Каким будет этот эффект – негативным или позитивным – зависит от многих факторов. Рассмотрим их поподробнее.

В стандартных учебных пособиях обычно описывают ситуации, когда погружения руководителей с головой в совещания, согласования, поручения и прочие действия, отнимающие у него много времени, тем более что в каждом случае необходимо бывает найти соответствующую форму общения, тональность, аргументы. Многим знакома ситуация, когда однотонно и сухо, без всяких эмоций прочитанный доклад, даже при несомненном к нему интересе, вызывает у слушателей чувство дискомфорта, скуки, сонливости, досады и разочарования. Интонация подчеркивает, а иногда и изменяет сущность слов и смысловую информацию¹⁴. Специалисты знают, что простое сердечное слово, хорошо подобранные аргументы, эмоциональная окраска – средства, которые характеризуют уровень культуры речи и способствуют установлению психологического контакта между участниками управленческой трансакции и шире – делового общения. Необходимость установления такого контакта не ограничивается только вертикалью, оно распространяется на отношения по горизонтали, и в этом смысле овладение техникой речевого воздействия имманентна культуре речи всех без исключения участников делового общения. Разумеется, как и любой техникой, ею можно, как было сказано выше, манипулировать и пользоваться для извлечения ренты – причем как со стороны одних, так и других вовлеченных в процесс речевой коммуникации участников.

Вот ряд типовых рекомендаций, хотя и тиражируемых отечественными специалистами в области менеджмента, но ориентированных скорее на носителей западной (и от-

---

¹³ Ерзнкян Б.А. Человек институциональный, или эволюция концепции homo economicus // Вестник университета. Серия «Институциональная экономика». 2000. № 1. С. 28–44.

¹⁴ Вспоминается анекдот застойных советских времен о разговоре заключенных: «Ты за что сидишь?». «За интонацию». «Как так?». «Да вот прочитал стихи: Я знаю (?) город будет (?), / Я знаю (?) саду цвезть (?), / Когда такие (!) люди / В стране советской есть!»

части российской), чем, скажем, японской¹⁵ традиции устно-речевого этикета, для делового общения:

- во избежание возникновения защитной реакции при защите своей точки зрения не следует оказывать давление на личность партнера;

- опровергая аргументы оппонента, следует использовать смягчающие опровержения выражения;

- старайтесь вместо местоимения «я» чаще использовать, имея в виду себя, но как бы и не очень, местоимение «мы»;

- для опровержения точки зрения оппонента может оказаться полезным начать от формального с ней согласия, а затем уж плавно перейти к опровержению;

- старайтесь, по возможности, избегать ненужных споров, стимулируя собеседника к изложению его собственной точки зрения.

При всей кажущейся наивности – на то они и типовые – эти и им подобные рекомендации на практике могут сработать, ведь эти риторические по своей сути приемы как раз и служат для оказания со стороны субъектов речевых действий соответствующего воздействия на индивидов – объектов речевой манипуляции или – более нейтрально – коммуникации. По аналогии с известным высказыванием «не важно как проголосовали, важно как посчитали» можно сказать, перефразируя известную восточную поговорку, что «важны не столь уста отправителя речевых сигналов, сколь уши, внимающие им». При этом следует оговориться, что позиции отправителя-кодера и получателя-декодера не закреплены за ними жестко, и они могут выступать как в одной, так и в другой роли, причем как синхронно, одновременно, так и асинхронно, попеременно. Мысль проста до банальности: умение слушать не менее значимо, чем умение говорить, и в этом смысле оно выступает одним из важнейших индикаторов хорошего тона, к тому же, как показывает опыт, руководитель, уважающий мнение других, не позволяющий личным эмоциям брать верх над собой, как правило, вызывает глубокую симпатию у работников.

К сказанному можно добавить и ряд приемов, психологически точно воздействующих на получателей, скажем, подчиненных-агентов, информации, исходящие, скажем, от руководителя-принципала, адаптированные к участникам транзакции управления:

- «имя собственное» (агента в устах принципала);

- «зеркало отношения» (настройка принципалом агента на дружелюбный лад);

- «комплименты» (исходящие в адрес агента со стороны принципала);

- «терпеливый слушатель» (благодаря обратной связи принципал может не только отдавать команды, но и реагировать на высказывания агента);

---

¹⁵ Об особенностях японской традиции языкового существования, в том числе и делового общения, см.: *Неверов С.В.* Общественно-языковая практика современной Японии. М.: Наука, 1982.

- «личная жизнь» (разбавление формальных отношений неформальным участием в личной жизни визави)¹⁶.

Перечень этих приемов можно продолжить, но это, собственно, выходит за рамки настоящей статьи. На что хотелось бы обратить внимание, так это на знаковость языка: если невербальные аспекты коммуникации в основном знаковые (жесты, эмоции, гримасы, мимика, позы, походка и пр.), а вербальные тоже лишены знаковости (тональность, акцент, ударение и пр.), можно ли считать сам язык знаковым и только знаковым? Иными словами, состоятельна ли концепция языка-знака?

Обратимся в этой связи к мнению выдающегося французского психоаналитика Жака Лакана. В подтверждении своего негативного отношения к этой концепции, он, приводя пример о способностях пчел по возвращению с медосбора в улей с помощью языка танца точно сообщать своим товаркам о местоположении добычи, на что остальные пчелы немедленно реагируют, восклицает: становится ли код или система сигнализации пчел языком? И вот его ответ: этот код отличает от «языка танца как раз жесткая корреляция его знаков с той реальностью, которую они обозначают»¹⁷. Смысл этого высказывания в том, что знаки языка значение приобретают *не в связи с реальностью*, а лишь *по отношению друг к другу*.

В связи с этим напомним, знаковые системы, которые могут интерпретироваться как определенные коды, используются всеми системами невербальной коммуникации, к которым относятся: оптико-кинетическая, паралингвистическая, экстралингвистическая (последние две суть «добавки» к вербальной коммуникации), визуальное общение и проксемика¹⁸.

Что касается визуализации, то она, к примеру, для семиотического анализа Умберто Эко играет большую роль, чем лингвистика, поскольку *«далеко не все коммуникативные феномены можно объяснить с помощью лингвистических категорий»*. В основе такой коммуникации лежат иконические знаки, которые *«воспроизводят некоторые условные восприятия объекта, но после отбора, осуществленного на основе кода узнавания, и согласования их с имеющимся репертуаром графических конвенций»*¹⁹.

С точки зрения неформальных институтов особое значение имеет проксемика – «специальная область, занимающаяся нормами пространственной и временной организации общения»; ее также называют пространственной психологией. Так, эксперименты Холла позволили выявить следующие нормы для осуществления контакта – приближения к партнеру по деловому общению: интимное расстояние (0–45 см); персональное расстоя-

---

¹⁶ Поскочнинова О.Г., Гриднова М.А. Культура речи и деловое общение: учеб. пособие. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2011. С. 69–72.

¹⁷ Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М.: Гнозис, 1995. С. 67.

¹⁸ Поскочнинова О.Г., Гриднова М.А. 2011. Там же. С. 75.

¹⁹ Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 151, 160.

ние (45–120 см); социальное расстояние (120–400 см); публичное расстояние (400–750 см)»²⁰.

Важно при этом подчеркнуть, что эти результаты получены применительно к носителям американской культуры общения; в случае с носителями иных культур результаты будут иными. Это как раз то, что нередко упускается из виду многими специалистами, которые пытаются некритически заимствовать институты, в данном случае – неформальные.

В случае укоренения этих норм общения, равно как и иных навыков и умений, усваиваемых индивидом, они могут со временем и при определенных условиях перейти в разряд *рутин* и в качестве таковых пополнить *репертуар* конкретного члена организации как единицы, «которая может осуществлять нечто сама по себе»²¹.

В системе делового общения все члены организации суть такие единицы, хотя и с разным наполнением собственных репертуаров как совокупности умений и рутин – в интересующем нас случае как вербальных, так и невербальных. Богатство одного на всех языка может отображаться в каждом конкретном репертуаре по-своему. Он может служить выразителем внутреннего мира человека, особенностей его личности, деловых качеств и пр., важно при этом знать, к каким последствиям могут приводить употребленные слова и выражения, сопровождаемые или поддерживаемые невербальными средствами, – разрушительным или созидательным.

Резюмируем сказанное: от того, каков репертуар индивидов, вовлеченных в транзакцию управления, и какова эффективность его конкретной реализации, зависит успех транзакции управления и, в конечном счете, – возможно, опосредованно – эффективность функционирования системы управления, да и организации в целом.

---

²⁰ Поскочина О.Г., Гриднова М.А. 2011. Там же. С. 75.

²¹ Нельсон Р.Р., Уинтер С.Дж. 2000. Указ. соч. С. 121.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О РЕЛИГИОЗНОСТИ Д.С. ЛЬВОВА

Многим сотрудникам ЦЭМИ РАН и мне, в частности, посчастливилось – не будет преувеличением сказать – в течение почти десяти лет работать с Дмитрием Семеновичем Львовым. Он был замечательный человек, и годы работы с ним были, наверное, самыми лучшими и насыщенными в моей жизни.

Дмитрий Семенович был не только добрый и вообще незлобивый человек. Он мог с радостью поддержать принесенную ему на суд и понравившуюся идею. При этом, не пытаясь, по крайней мере, я этого не видел, эту идею присвоить или выдать за свою, слегка изменив лексику. Он мог прямо сообщить: вот, мол, ко мне пришел такой-то и с такой-то идеей. Так и мы пришли к нему с предложением создать журнал, которому потом дали имя «Экономическая наука современной России». Думаю, что подобными наблюдениями могли бы поделиться многие, причем не только сотрудники ЦЭМИ РАН.

Но мне хочется поговорить о другом. Об отношении Д.С. Львова к религии в контексте его научной работы. При этом сразу оговорюсь, что я человек совершенно не религиозный.

Ни для кого не секрет, что достаточно большое число ученых, особенно ученых-естественников, были и есть верующие. И это не помешало их занятиям наукой, подразумевающей сомнение и поиск перепроверяемой истины. Довольно распространенным является мнение, что религиозное и научное мировоззрения не противоречат, а дополняют друг друга. По данным опроса всех 517 членов Американской академии наук, которые приводит журнал «Harvard Business Review – Россия» (Рувинский В. Богословие для ученых. // «Harvard Business Review – Россия», 2014, апрель) около одной трети считают себя верующими. Причем больше всего верующих, из числа опрошенных, оказалось среди математиков, а меньше всего среди биологов и астрономов. Интересное высказывание академика А.Д. Сахарова приводит тот же журнал: «Я не знаю в глубине души, какова моя позиция на самом деле, я не верю ни в какие догматы, мне не нравятся официальные церкви. В то же самое время я не могу представить себе Вселенную и человеческую жизнь без какого-то осмысленного начала, без источника духовной «теплоты», лежащего вне материи и ее законов. Вероятно, такое чувство можно назвать религиозным».

Мне представляется, что Дмитрий Семенович был искренне верующий человек. Я не усматриваю особого противоречия в том, что практически всю сознательную жизнь он был атеистом, а потом на склоне лет вдруг обратился к вере. Думаю, что и так бывает. Все мы, представители того поколения, выросли в атмосфере негативного отношения к религии и религиозности. И далеко не все и не всегда «в груде дел, в суматохе явлений» задумывались о возможности иного отношения к этому общественному явлению. Потому и не стоит, по-моему, усматривать в такой метаморфозе притворство. Может быть, в глубине

души он и раньше был настроен на религиозный лад. Но в силу многих обстоятельств он эти чувства не считал возможным проявлять. Я вообще считаю, что религиозные чувства – чувства глубоко интимные. И совсем не обязательно их афишировать и выставлять наружу. Недаром говорят, что конструкция так называемой рубашки-косоворотки придумана именно для того, чтобы не выставлять на всеобщее обозрение нательный крестик.

Мы тогда смотрели на его религиозность как на некое чудачество и, не скрою, слегка подтрунивали над ним. А он не сердился вовсе и даже, как бы, подыгрывал нам, несколько смущаясь.

В этом, как и в остальном, Дмитрий Семенович не вел себя фанатично, не пытался навязать свое мнение, обратиться в свою веру. Я вспоминаю, как он рассказывал о своем паломничестве и пребывании в Афонском монастыре. В его тоне не было показного религиозного умиления. То был рассказ удивленного, внимательного очевидца интересного, необычного для него и для нас монастырского мира, и вместе с тем вполне земного, бытового явления. Его удивляло, как в этом монастыре устроен быт, как там протекает жизнь.

Я знаю, что некоторые наши коллеги с неприятием и даже с осуждением относились к тому, что он и во вполне научных текстах и докладах мог взывать к милости Божией, к его помощи в земных делах. При этом его пеняют, что нельзя, дескать, смешивать религию и науку, религиозное и научное познание мира не совместимо.

Размышляя над этим, я пришел к выводу, что Дмитрий Семенович и не смешивал эти понятия. И тем более не смешивал методы религиозного и научного познания мира.

Ведь то, о чем писал, к чему призывал Львов, это совсем другое. Он ратовал за создание «экономики Совести». Он писал, что «вместо стремления к богатству и его символическим выражениям – должно быть стремление к высокому качеству жизни». Он проповедовал, если можно так сказать, «ставку на рентный доход, развернув нынешний поток финансовых ресурсов от «избранных» ко всем». Тогда можно получить, как он надеялся, не просто рыночную экономику, а рыночную экономику, построенную на нравственных принципах: «равные стартовые условия для всех и возможность проявления индивидуальных способностей каждому». Он искренне переживал развал российской научной сферы, ратовал за развитие стратегического подхода в хозяйственной практике, выступал за определение стратегических приоритетов промышленного развития и многое другое.

Но, чувствуя недостаточность своих усилий, несоразмерность своих возможностей, для того чтобы изменить негативный ход событий, преодолеть возникающие препятствия на пути реализации сформулированных им и поставленных перед самим собой, прежде всего, высоконравственных целей, и осознавая недостижимость всеобщего благополучия, он и пытался обратиться к высшим силам, надеясь, как искренне верующий человек, на помощь сил сверхъестественных... Поэтому, я и осмеливаюсь утверждать, что он не смешивал научный метод и религию и тем паче не подменял одно другим.

ЛИСТ АННОТАЦИЙ

Делибашич М., Гргуревич Н. К моделированию институционального поведения // Теория и практика институциональных преобразований в России / Сборник научных трудов под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 28. – М: ЦЭМИ РАН, 2014. С. 6–18 (рус.).

Предпринята попытка разработки концептуальной модели институционального поведения в форме ограничения экономической рациональности, базирующегося на осмыслении почерпнутых из обширной литературы ключевых предложений и использовании разнородных показателей институционального развития. В основе подхода к моделированию лежит гипотеза: а) об однородности взаимодействующих внутренних политических, экономических и иных общественных институтов и б) роли внешних институтов, которые в своей совокупности определяют экономический выбор и соответствующие ему последствия.

Ключевые слова: институциональное поведение, институциональные изменения, экономический рост, моделирование.

JEL: B25, B30, B50, O10.

Дементьев В.Е. Ассоциации товаропроизводителей в сетевых структурах инновационного территориального развития // Теория и практика институциональных преобразований в России / Сборник научных трудов под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 28. – М: ЦЭМИ РАН, 2014. С. 19–28 (рус.).

Предлагается подход по встраиванию бизнеса в такую систему отношений, которая, с одной стороны, сможет компенсировать относительную близорукость рыночных критериев эффективности, а с другой, позволит бизнесу внести свой вклад в уточнение и реализацию этапных задач общественного развития.

Ключевые слова: бизнес-ассоциации, общественное развитие, сетевые структуры.

JEL: D20, E32, H10, H70, L50, M21, O33.

Ерзнкян Б.А. Экономические агенты в системе социальных структур и кодов // Теория и практика институциональных преобразований в России / Сборник научных трудов под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 28. – М: ЦЭМИ РАН, 2014. С. 29–46 (рус.).

Исследуются вопросы поведения экономических агентов, социальных структур, социальных институтов и социальных кодов. Для иллюстрации институциональных изменений, включающих инновации, предлагается простая институциональная схема, спроектированная по аналогии с простой контрактной схемой Уильямсона. Рассмотрены также вопросы, связанные с местом в системе кодов институтов контрактации и прав собственности, с особенностями неформальных институтов и поведением агентов и др.

Ключевые слова: социальные структуры, институты, коды, экономические агенты, простая институциональная схема.

JEL: A00, A12, B31, B41, B52, Z10.

Мудрецов А.Ф. Перспективы устойчивого развития экономики России // Теория и практика институциональных преобразований в России / Сборник научных трудов под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 28. – М: ЦЭМИ РАН, 2014. С. 47–60 (рус.).

Аргументируется необходимость включения экологического фактора в систему основных социально-экономических показателей как неперемennого условия для перехода к устойчивому развитию российской экономики.

Ключевые слова: устойчивое развитие, экологические факторы, социально-экономические показатели.

JEL: O10, O20.

Гогин А.А. Многофакторная модель экономического роста региона // Теория и практика институциональных преобразований в России / Сборник научных трудов под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 28. – М: ЦЭМИ РАН, 2014. С. 61–67 (рус.).

Строится экономико-математическая модель, описывающая функционирование экономики региона и позволяющая провести последующую декомпозицию экономического роста региона с оценкой вклада факторов роста в его экономику.

Ключевые слова: экономико-математическая модель, экономический рост, регион.

JEL: C00, O18.

Сергушко С.В., Славянов А.С. Проблемы инновационно-ориентированной модернизации институциональной системы государственного управления // Теория и практика институциональных преобразований в России / Сборник научных трудов под ред. Б.А. Ерзкяна. Вып. 28. – М: ЦЭМИ РАН, 2014. С. 68–76 (рус.).

На основе анализа системы государственного управления авторами разработаны предложения по совершенствованию планирования деятельности органов государственной власти, направленной на реализацию программы инновационной модернизации российской экономики.

Ключевые слова: институциональная система, государственное управление, инновации, инвестиции.

JEL: H50, O38.

Исаенко В.О., Рыбина М.Н. Тенденции институционализации распространения технологий в России // Теория и практика институциональных преобразований в России / Сборник научных трудов под ред. Б.А. Ерзкяна. Вып. 28. – М: ЦЭМИ РАН, 2014. С. 77–94 (рус.).

На основе анализа реальной ситуации и действующих правовых актов о передаче технологий рассматриваются тенденции их распространения в России.

Ключевые слова: институционализация, распространение технологий, Россия.

JEL: O10, O33.

Наринян Н.Е. Структуралистское обоснование необходимости проектирования новой системы валютного регулирования // Теория и практика институциональных преобразований в России / Сборник научных трудов под ред. Б.А. Ерзкяна. Вып. 28. – М: ЦЭМИ РАН, 2014. С. 95–113 (рус.).

Опираясь на структуралистское видение ситуации с валютным регулированием в мире и в России, автор дает обоснование необходимости проектирования новой системы такого регулирования.

Ключевые слова: структурализм, системный подход, валютное регулирование, Россия.

JEL: G00, G18.

Драшкович В., Ерзкян Б., Драшкович М. Некоторые характеристики экономического развития на основе институциональных изменений и инноваций в переходных странах // Теория и практика институциональных преобразований в России / Сборник научных трудов под ред. Б.А. Ерзкяна. Вып. 28. – М: ЦЭМИ РАН, 2014. С. 114–122 (англ.).

Обосновывается необходимость проведения антикризисной экономической политики в бывших социалистических странах, в особенности на Балканах, базирующейся не на игнорировании инвестиций и анти-институциональной политике, а на действительных инновациях и институциональных преобразованиях.

Ключевые слова: экономическое развитие, институциональные изменения, инновации, переходные страны, Балканы, институциональные преобразования.

JEL: O33, O52, P50.

Ульянова О.Ю. Жилищный сектор города: проблемы институциональной модернизации // Теория и практика институциональных преобразований в России / Сборник научных трудов под ред. Б.А. Ерзкяна. Вып. 28. – М: ЦЭМИ РАН, 2014. С. 123–133 (рус.).

Приоритетным аспектом государственной деятельности является повышение качества жилищных условий граждан. Методы государственного регулирования направлены на снижение конфликтности между субъектами жилищного сектора. Это предполагает совокупность методов, учитывающих интересы государства, предпринимателей, науки и общества.

Ключевые слова: социальная инфраструктура, регион, инвестиции, государственно-частное партнерство.

JEL: H00, I31, R00.

Колесникова М.В. Культурно-исторические предпосылки формирования городской социально-бытовой инфраструктуры в современной России // Теория и практика институциональных преобразований в России / Сборник научных трудов под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 28. – М: ЦЭМИ РАН, 2014. С. 134–147 (рус.).

С привлечением большого массива данных автор рассматривает культурно-исторические предпосылки формирования городской социально-бытовой инфраструктуры в России.

Ключевые слова: городская социально-бытовая инфраструктура, культурно-исторические предпосылки, современная Россия.

JEL: H00, I31, N10, R00.

Нальгиев М.С. Социально-экономическая эффективность и развитие промышленности Ингушетии в ретроспективе // Теория и практика институциональных преобразований в России / Сборник научных трудов под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 28. – М: ЦЭМИ РАН, 2014. С. 148–155 (рус.).

Аргументируется необходимость рассмотрения социально-экономической эффективности производства и управления им системных, целостных позиций и дается беглый ретроспективный анализ развития промышленности Ингушетии.

Ключевые слова: социально-экономическая эффективность, промышленность, Ингушетия, ретроспектива.

JEL: N10, R53.

Ерзнкян Б.А., Лигновская Т.А. Вербальные и невербальные аспекты транзакции управления // Теория и практика институциональных преобразований в России / Сборник научных трудов под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 28. – М: ЦЭМИ РАН, 2014. С. 156–163 (рус.).

Изложены особенности проявления вербальных и невербальных аспектов транзакции управления в деловом общении с позиций их воздействия на поведение экономически агентов.

Ключевые слова: транзакция управления, деловые коммуникации, культура речи, экономические агенты, поведение.

JEL: A12, J41, M53, Z10.

Качалов Р.М. Размышления о религиозности Д.С.Львова // Теория и практика институциональных преобразований в России / Сборник научных трудов под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 28. – М: ЦЭМИ РАН, 2014. С. 164–165 (рус.).

Изложены размышления о религиозности академика Д.С.Львова в ее взаимосвязи с научными и общественными воззрениями выдающегося российского ученого-экономиста.

Ключевые слова: религиозность, академик Львов, размышления.

JEL: A11, A12, Z10.

ANNOTATION LIST

Delibašić M., Grgurević N. On Modeling the Institutional Behavior // Theory and Practice of Institutional Reforms in Russia / Collection of scientific works ed. by B.H. Yerznkyan. Issue 28. – Moscow, CEMI Russian Academy of Sciences, 2014. P. 6–18 (Rus.).

The paper attempts to develop a conceptual model of institutional behavior in the form of a constraint on economic rationality based on the understanding drawn from the vast literature of key proposals and using heterogeneous indicators of institutional development. The underlying hypothesis of the approach to modeling is: a) the uniformity of interacting internal political, economic and other social institutions, and b) the role of external institutions, which together determine the economic choices and the corresponding consequences

Keywords: institutional behavior, institutional change, economic growth, modeling.

JEL: B25, B30, B50, O10.

Dementyev V.E. Associations of Producers of Goods in Innovative Territorial Development Networks // Theory and Practice of Institutional Reforms in Russia / Collection of scientific works ed. by B.H. Yerznkyan. Issue 28. – Moscow, CEMI Russian Academy of Sciences, 2014. P. 19–28 (Rus.).

An approach of incorporating business in a system of relations is offered which can, from one side, to compensate market relative myopic criteria of efficiency and, from another side, allow business to participate in checking and realizing the staged tasks of social development.

Keywords: business-associations, social development, networks.

JEL: D20, E32, H10, H70, L50, M21, O33.

Yerznkyan B.H. Economic Agents in the System of Social Structures and Codes // Theory and Practice of Institutional Reforms in Russia / Collection of scientific works ed. by B.H. Yerznkyan. Issue 28. – Moscow, CEMI Russian Academy of Sciences, 2014. P. 29–46 (Rus.).

The issues of economic agents' behavior in the context of social structures, social institutions, and social codes are studied. For schematic illustration of institutional change, including innovations, a simple institutional scheme designed by analogy of a Williamson's simple contractual schema is offered. In addition, issues related to the place of contracting and property rights institutions in a system of codes as well as ones related to the features of non-formal institutions and behavior of agents, etc. are considered.

Keywords: social structures, institutions, codes, economic agents, simple institutional schema.

JEL: A00, A12, B31, B41, B52, Z10.

Mudretsov A.F. Perspectives of Sustainable Development of Russia's Economy // Theory and Practice of Institutional Reforms in Russia / Collection of scientific works ed. by B.H. Yerznkyan. Issue 28. – Moscow, CEMI Russian Academy of Sciences, 2014. P. 47–60 (Rus.).

The necessity of incorporating the ecological factor, as a condition for transition to the sustainable development of Russia's economy, in a system of the main social-economical indicators is argued.

Keywords: sustainable development, ecological factors, social-economical indicators.

JEL: O10, O20.

Gogin A.A. A Multifactor Model of the Region's Economic Growth // Theory and Practice of Institutional Reforms in Russia / Collection of scientific works ed. by B.H. Yerznkyan. Issue 28. – Moscow, CEMI Russian Academy of Sciences, 2014. P. 61–67 (Rus.).

An economic-mathematical model which describes regional economy performance and allows further decomposition of economic growth of region with estimation the investment of growth factors in its economy is designed.

Keywords: economic-mathematical model, economic growth, region.

JEL: C00, O18.

Sergushko S.V., Slavyanov A.S. Problems of Innovation-Oriented Modernization of Institutional System of the Government Administration // Theory and Practice of Institutional Reforms in Russia / Collection of scientific works ed. by B.H. Yerznkyan. Issue 28. – Moscow, CEMI Russian Academy of Sciences, 2014. P. 68–76 (Rus.)

On the basis of the analysis of system of the government administration, authors developed suggestions for improvement of planning of activity of the public authorities directed on implementation of the program of innovative modernization of the Russian economy.

Keywords: institutional system, government administration, innovations, investments.

JEL: H50, O38.

Isaenko V.O., Rybina M.N. Tendencies of Technologies Diffusion Institutionalization in Russia // Theory and Practice of Institutional Reforms in Russia / Collection of scientific works ed. by B.H. Yerznkyan. Issue 28. – Moscow, CEMI Russian Academy of Sciences, 2014. P. 77–94 (Rus.)

On the basis of the analysis of a real situation and legal acts on technologies transfer tendencies of their diffusion in Russia are considered.

Keywords: institutionalization, technologies transfer, Russia.

JEL: O10, O33.

Narinyan N.E. Structural-Theory-Based Arguing the Necessity of a New Currency Regulation System Design // Theory and Practice of Institutional Reforms in Russia / Collection of scientific works ed. by B.H. Yerznkyan. Issue 28. – Moscow, CEMI Russian Academy of Sciences, 2014. P. 94–113 (Rus.)

Based on the insights of the structural theory as for the situation with currency regulation, author offers arguments for formation a new system of the regulation.

Keywords: structuralism, currency regulation, Russia.

JEL: G00, G18.

Draskovic V., Yerznkyan B., Draskovic M. Some Characteristics of the Institutional-Change-and-Innovations-Based Economic Development in the Countries in Transition // Theory and Practice of Institutional Reforms in Russia / Collection of scientific works ed. by B.H. Yerznkyan. Issue 28. – Moscow, CEMI Russian Academy of Sciences, 2014. P. 114–122 (Eng.).

The paper attempts to show the absolute unproductiveness of disinvestment and anti-institutional economic politics of post-socialist countries, especially Balkan countries, and needs for applying anti-crisis economic politics based on real innovative-institutional elements.

Keywords: economic development, institutional change, innovations, economies in transition, Balkans, institutional transformation.

JEL: O33, O52, P50.

Ulyanova O.Yu. Housing Sector of the City: Problems of Institutional Modernization // Theory and Practice of Institutional Reforms in Russia / Collection of scientific works ed. by B.H. Yerznkyan. Issue 28. – Moscow, CEMI Russian Academy of Sciences, 2014. P. 123–133 (Rus.).

Priority of the state activity is improvement of quality of living conditions of citizens. Methods of state regulation are directed on decrease in the conflict between subjects of housing sector. It assumes set of the methods considering interests of the state, businessmen, sciences and societies.

Keywords: social infrastructure, region, investment, public-private partnership.

JEL: H00, I31, R00.

Kolesnikova M.V. Cultural-Historical Preconditions of Forming the Urban Social-Housing Infrastructure in Contemporary Russia // Theory and Practice of Institutional Reforms in Russia / Collection of scientific works ed. by B.H. Yerznkyan. Issue 28. – Moscow, CEMI Russian Academy of Sciences, 2014. P. 134–147 (Rus.).

Based on the vast massive of data author considers the cultural-historical preconditions of forming the urban social-housing infrastructure in Russia.

Keywords: urban social-housing infrastructure, cultural-historical preconditions, contemporary Russia.

JEL: H00, I31, N10, R00.

Nalgiev M.S. Social-Economic Efficiency and Development of Ingushetia's Industry in Retrospective // Theory and Practice of Institutional Reforms in Russia / Collection of scientific works ed. by B.H. Yerznkyan. Issue 28. – Moscow, CEMI Russian Academy of Sciences, 2014. P. 148–155 (Rus.).

The necessity of consideration of a social-economic production and its management from a united systemic position is underlined and a brief retrospective analysis of Ingushetia's industry is offered.

Keywords: social-economical efficiency, industry, Ingushetia, retrospective.

JEL: N10, R53.

Yerznkyan B.H., Lignovskaya T.A. Verbal and Non-Verbal Aspects of a Managerial Transaction // Theory and Practice of Institutional Reforms in Russia / Collection of scientific works ed. by B.H. Yerznkyan. Issue 28. – Moscow, CEMI Russian Academy of Sciences, 2014. P. 156–163 (Rus.).

Some details of demonstration of verbal and non-verbal aspects of a managerial transaction in business communication from the perspective of their impact on economic agents' behavior are offered.

Keywords: managerial transaction, business communication, culture of speech, economic agents, behavior.

JEL: A12, J41, M53, Z10.

Kachalov R.M. Thoughts on Religiosity of D.S. Lvov // Theory and Practice of Institutional Reforms in Russia / Collection of scientific works ed. by B.H. Yerznkyan. Issue 28. – Moscow, CEMI Russian Academy of Sciences, 2014. P. 164–165 (Rus.).

Thoughts on religiosity of academician D.S.Lvov in connection with the scientific and social views of a famous Russian scholar-economist are presented.

Keywords: religiosity, academician Lvov, thoughts.

JEL: A11, A12, Z10.

ОБ АВТОРАХ

Гогин Андрей Александрович – аспирант кафедры высшей математики, Ивановский государственный химико-технологический университет, тел. 8(905)107-83-85, gogin.andrei@yandex.ru, Иваново

Гргуревич Никша (Nikša Grgurević) – к.э.н., Университет Черногории, Морской факультет, nik-sargrgurevic@t-com.me, Котор, Черногория

Делибашич Милица (Milica Delibašić) – к.э.н., Международный университет Травника, факультет экономики, 23.mildel@gmail.com, Травник, Босния и Герцеговина

Дементьев Виктор Евгеньевич – доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией, зам. директора ЦЭМИ РАН, тел. (499) 724-25-28, dementev@cemi.rssi.ru, Москва

Ерзнкян Баграт Айкович – д.э.н., проф., заведующий лабораторией ЦЭМИ РАН, тел. (499) 129-35-44, yerz@cemi.rssi.ru, lvova1955@mail.ru, Москва

Исаенко Валерия Олеговна – к.э.н., исполняющий директор Санкт–Петербургского фонда гуманитарных программ, тел. 8(906)729-82-82, kasperson@mail.ru, Москва

Колесникова Марина Викторовна – к.э.н., ЦЭМИ РАН, mvel@mail.ru, Москва

Лигновская Татьяна Анатольевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры институциональной экономики ГУУ, тел. 8(495)377-68-02, tatyana.lignovskaya@mail.ru, Москва

Мудрецов Анатолий Филиппович – д.э.н., проф., г.н.с. ИПР РАН, Москва

Нальгиев Мухаммад Солт-Муратович – аспирант, ФГБОУ ВПО «Государственный университет управления», моб. тел. 8-965-248-16-62, ns683@mail.ru, Москва

Наринян Наталья Евгеньевна – научный сотрудник, ЦЭМИ РАН, тел. 8-915-135-61-94; 8-495-426-57-74, narine05@list.ru, Москва

Рыбина Марина Николаевна – к.э.н., доцент ГУУ, тел. 8(903)564-93-50, solgy@mail.ru, Москва

Сергушко Светлана Владимировна – кандидат социологических наук, доцент кафедры экономики и управления Московского финансово-юридического университета (МФЮА), sergushko.s@mfua.ru, Москва

Славянов Андрей Станиславович – к.э.н., с.н.с. ЦЭМИ РАН, aslavianov@mail.ru, Москва

Ульянова Ольга Юрьевна – д.э.н., профессор кафедры экономической теории и экономической политики, Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет, olga_uljanova@mail.ru, Волгоград

Draskovic, Mimo – Ph.D. (Econ.), Ass. Prof., University of Montenegro, Faculty of Maritime Studies, veso-mimo@t-com.me, Kotor, Montenegro

Draskovic, Veselin – Ph.D. (Econ.), Prof., University of Montenegro, Faculty of Maritime Studies, veso-mimo@t-com.me, Kotor, Montenegro

Yerznkyan, Bagrat H. (see Ерзнкян Баграт Айкович) – Dr of Sci. (Econ.), Prof., Head of Lab., Russian Academy of Sciences, CEMI, 7(499)129-35-44, yerz@cemi.rssi.ru, lvova1955@mail.ru, Moscow, Russia

ИЗДАНИЯ ЦЭМИ РАН

2013 г.

Препринты

1. **Бендиков М.А., Колесник Г.В.** Конкуренция саморегулируемых организаций и эффективность рынков / Препринт # WP/2013/298. – М.: ЦЭМИ РАН, 2013. – 48 с. (Рус.)
2. **Ершов Д.М., Качалов Р.М.** Системы поддержки принятия решений в процедурах формирования комплексной стратегии предприятия / Препринт # WP/2013/299. – М.: ЦЭМИ РАН, 2013. – 60 с. (Рус.)
3. **Перминов С.Б., Егорова Е.Н., Вигриянова М.С., Абрамов В.И.** Макроэкономические ориентиры фондовых рынков стран БРИК / Препринт # WP/2013/300. – М.: ФГУН ЦЭМИ РАН, 2013. – 59 с. (Рус.)
4. **Татевосян Г.М., Седова С.В., Писарева О.М., Костромина Г.Г.** Обоснование инвестиционных программ химического комплекса / Препринт # WP/2013/301. – М.: ЦЭМИ РАН, 2013. – 64 с. (Рус.)
5. **Ушкова В.Л., Ильменская Е.М., Перфиличева Н.А.** Мониторинг научных результатов работников научно-исследовательского учреждения на примере ЦЭМИ РАН / Препринт # WP/2013/302. М.: ЦЭМИ РАН, 2013. – 25 с. (Рус.)
6. **Брагинский О.Б., Татевосян Г.М., Седова С.В., Писарева О.М., Куницына Н.Н.** Методология обоснования инвестиционных программ и их оптимизации при ограниченных финансовых ресурсах (на примере химического комплекса) / Препринт # WP/2013/303. – М.: ЦЭМИ РАН, 2013. – 81 с. (Рус.)
7. **Детнева Э.В., Терушкин А.Г.** Финансовая обеспеченность потребления и накопления валовым располагаемым доходом. Часть 2. Сектор-анализ / Препринт # WP/2013/304. – М.: ЦЭМИ РАН, 2013. – 56 с. (Рус.)
8. **Агафонов В.А.** Системные принципы стратегического планирования на региональном уровне / Препринт # WP/2013/305. – М.: ЦЭМИ РАН, 2013. – 73 с. (Рус.)
9. **Летенко А.В., Ставчиков А.И.** Современные проблемы модернизации российской экономики / Препринт # WP/2013/306. – М.: ЦЭМИ РАН, 2013. – 33 с. (Рус.)

Книги

1. **Стратегическое планирование и развитие предприятий** / Сборник пленарных докладов и материалов круглого стола Тринадцатого всероссийского симпозиума. Москва, 10–11 апреля 2012 г. Под ред. чл.-корр. РАН Г.Б. Клейнера. – М.: ЦЭМИ РАН, 2013. – 94 с.
2. **Стратегическое планирование и развитие предприятий**. В 5 т. / Материалы Четырнадцатого всероссийского симпозиума. Москва, 9–10 апреля 2013 г. Под ред. чл.-корр. РАН Г.Б. Клейнера. – М.: ЦЭМИ РАН, 2013. – 992 с.
3. **Модели и методы инновационной экономики** / Сборник научных трудов под ред. К.А. Багриновского и Е.Ю. Хрусталёва. Вып. 5. – М.: ЦЭМИ РАН, 2013. – 147 с. (Рус.)
4. **Теория и практика институциональных преобразований в России** / Сборник научных трудов под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 26. – М.: ЦЭМИ РАН, 2013. – 174 с. (Рус., англ.)
5. **Теория и практика институциональных преобразований в России** / Сборник научных трудов под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 27. – М.: ЦЭМИ РАН, 2013. – 178 с. (Рус., англ.)
6. **Анализ и моделирование экономических процессов** / Сборник статей под ред. В.З. Беленького, Н.А. Трофимовой. Вып. 10. – М.: ЦЭМИ РАН, 2013. – 155 с. (Рус.)

ИЗДАНИЯ ЦЭМИ РАН

2014 г.

Препринты

1. **Бабат Л.Г.** Овалированные алмазы и ε -оптимальные круглые бриллианты / Препринт # WP/2014/307. – М.: ЦЭМИ РАН, 2014. – 77 с. (Рус.)
2. **Горлов А.В.** Малый производственный бизнес: основные закономерности и факторы развития / Препринт # WP/2014/308. – М.: ЦЭМИ РАН, 2014. – 58 с. (Рус.)

Книги

1. **Стратегическое планирование и развитие предприятий.** В 5 т. / Материалы Пятнадцатого всероссийского симпозиума. Москва, 15–16 апреля 2014 г. Под ред. чл.-корр. РАН Г.Б. Клейнера. – М.: ЦЭМИ РАН, 2014. – 998 с.
2. **Стратегическое планирование и развитие предприятий** / Сборник пленарных докладов и материалов круглого стола Тринадцатого всероссийского симпозиума. Москва, 9–10 апреля 2013 г. Под ред. чл.-корр. РАН Г.Б. Клейнера. – М.: ЦЭМИ РАН, 2014. – 90 с.
3. **Классификатор экономико-математических моделей планирования и управления в компании.** – М.: ЦЭМИ РАН, 2014. – 107 с. (Рус.)
4. **Теория и практика институциональных преобразований в России** / Сборник научных трудов под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 28. – М.: ЦЭМИ РАН, 2014. – 172 с. (Рус., англ.)

2013

Working papers

1. **Bendikov M.A., Kolesnik G.V.** Self-Regulatory Organizations Competition and Markets' Efficiency / Working paper # WP/2013/298. – Moscow: CEMI Russian Academy of Science, 2013. – 48 p. (Rus.)
2. **Ershov D.M., Kachalov R.M.** Decision Support Systems within the Procedures of Complex Strategy Building / Working paper # WP/2013/299. – Moscow: CEMI Russian Academy of Science, 2013. – 60 p. (Rus.)
3. **Perminov S.B., Egorova E.N., Vigrianova M.S., Abramov V.I.** Macroeconomic Targets Stock Markets of the BRIC Countries / Working paper # WP/2013/300. – Moscow, CEMI Russian Academy of Science, 2013. – 59 p. (Rus.)
4. **Tatevosian G.M., Sedova S.V., Pisareva O.M., Kostromina G.G.** Investment Programs of a Chemical Complex Substantiation / Working paper # WP/2013/301. – Moscow, CEMI Russian Academy of Science, 2013. – 64 p. (Rus.)
5. **Ushkova V.L., Ilmenskaya E.M., Perfilicheva N.A.** Monitoring Scientific Results of the Research Workers of the Scientific Enterprise on an Example of CEMI RAS / Working Paper # WP/2013/302. Moscow, CEMI Russian Academy of Sciences, 2013. – 25 p. (Rus.)
6. **Braginsky O.B., Tatevosian G.M., Sedova S.V., Pisareva O.M., Kunitsyna N.N.** Methodology Study of Investment Programs and Their Optimization with Limited Financial Resources (for example, the chemical industry) / Working Paper # WP/2013/303. – M.: CEMI RAS, 2013. – 81 p. (Rus.)
7. **Detneva E.V., Terushkin A.G.** Financial Provision of Consumption and Accumulation by the Gross Disposable Income. Part 2. Sector-analysis / Working Paper # WP/2013/304. – Moscow, CEMI RAS, 2013. – 56 p. (Rus.)
8. **Agafonov V.A.** System Principles of Strategic Planning at a Regional Level / Working paper # WP/2013/305. – Moscow, CEMI RAS, 2013. – 73 p. (Rus.)
9. **Letenko A.V., Stavtchikov A.I.** Contemporary Problems of Russian Economy Modernization / Working paper # WP/2013/306. – Moscow, CEMI RAS, 2013. – 33 p. (Rus.)

Books

1. **Strategic Planning and Evolution of Enterprises** / Materials. Thirteenth Russian Symposium. Moscow, April 10–11, 2012. Ed. by G.B. Kleiner. – Moscow, CEMI RAS, 2013. – 94 p.
2. **Strategic Planning and Evolution of Enterprises. 5 issues** / Materials. Fourteenth Russian Symposium. Moscow, April 9–10, 2013. Ed. by G.B. Kleiner. – Moscow, CEMI RAS, 2013. – 996 p.
3. **Models and Methods of Innovation Economy** / Collection of scientific works ed. K.A. Bagreenovsky, E.Yu. Khrustalyov. Issue 5. – Moscow, CEMI RAS, 2013. – 147 p. (Eng.)
4. **Theory and Practice of Institutional Reforms in Russia** / Collection of scientific works ed. by B.H. Yerznkyan. Issue 26. – Moscow, CEMI Russian Academy of Sciences, 2013. – 174 p. (Rus., Eng.)
5. **Theory and Practice of Institutional Reforms in Russia** / Collection of scientific works ed. by B.H. Yerznkyan. Issue 27. – Moscow, CEMI Russian Academy of Sciences, 2013. – 178 p. (Rus., Eng.)
6. **Analysis and Modeling of Economic Processes** / The Collection of Articles, ed. V.Z. Belenky, N.A. Trofimova. Issue 10. – Moscow: CEMI RAS, 2013. – 155 p. (Rus.)

Central Economics and Mathematics Institute Russian Academy of Sciences
Publications

2014

Working papers

1. **Babat L.G.** Rounded Raw Diamonds and ε -optimal Round Polished Diamonds / Working paper # WP/2014/307. – Moscow, CEMI RAS, 2014. – 77 p. (Rus.)
2. **Gorlov A.V.** The small manufacturing business: basic patterns and factors of development / Working paper # WP/2014/308. – Moscow, CEMI Academy of Sciences, 2014. – 58 p. (Rus.)

Books

1. **Strategic Planning and Evolution of Enterprises.** 5 issues / Materials. Fifteenth Russian Symposium. Moscow, April 15–16, 2014. Ed. by G.B. Kleiner. – Moscow, CEMI RAS, 2014. – 197 p.
2. **Strategic Planning and Evolution of Enterprises** / Materials. Fourteenth Russian Symposium. Moscow, April 9–10, 2013. Ed. by G.B. Kleiner. – Moscow, CEMI RAS, 2014. – 90 p.
3. **The Qualifier of Economic-Mathematical Models of Planning and Management in the Company.** – Moscow, CEMI RAS, 2014. – 107 p. (Rus.)
4. **Theory and Practice of Institutional Reforms in Russia** / Collection of scientific works ed. by B.H. Yerznkyan. Issue 28. – Moscow, CEMI Russian Academy of Sciences, 2014. – 172 p. (Rus., Eng.)